

*Российская академия наук
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова*

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021 Том 65 № 5 Май

Основан в июле 1957 г.

Выходит 12 раз в год
ISSN 0131-2227

*Журнал издается под руководством
Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН*

Главный редактор

А.В. РЯБОВ

Редакционная коллегия:

В.С. Автономов (НИУ ВШЭ, ИМЭМО, Москва), В. Андрефф (Ун-т Парижа, Сорбонна-1, Франция), В.Г. Барановский (ИМЭМО, Москва), А.Г. Большаков (Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, Казань), Ю.А. Борко (Институт Европы, Москва), Л. Бреннан (Тринити Колледж, Ирландия), Ф.Г. Войтоловский (ИМЭМО, Москва), А.А. Дынкин (ИМЭМО, Москва), В.С. Загашвили (ИМЭМО, Москва), Н.И. Иванова (ИМЭМО, Москва), С.М. Кадочников (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), Р.И. Капелюшников (ИМЭМО, НИУ ВШЭ, Москва), Э.В. Кириченко (ИМЭМО, Москва), Н.А. Косолапов (ИМЭМО, Москва), Ю.А. Красин (Институт социологии, Москва), В.Л. Ларин (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Владивосток), Ли Юнцюань (Университет Китайской академии общественных наук, Пекин), К. Лиухто (Ун-т Турку, Финляндия), Г. Манготт (Инсбрукский ун-т им. Леопольда и Франца, Австрия), В.С. Мартыанов (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург), А. Мальхотра (Институт энергии и ресурсов, Индия), Е.В. Морозова (Кубанский государственный ун-т, Краснодар), В.П. Оболенский (Институт экономики, ИМЭМО, Москва), Г.М. Олевский (Латвийский государственный ун-т, Латвия), К. Росс (Университет Данди, Великобритания), А. Ротфельд (Варшавский ун-т, Польша), А.В. Рябов (“МЭ и МО”, Москва), Н. Симотомаи (Ун-т Хосей, Япония), А. Стент (Джорджтаунский ун-т, США), А.В. Торкунов (МГИМО(У), Москва), Л.А. Фадеева (Пермский государственный ун-т, Пермь), П. Фердинанд (Уорикский ун-т, Великобритания), Фэн Шаолэй (Восточно-Китайский педагогический университет, Шанхай), К.К. Худoley (Санкт-Петербургский государственный ун-т, Санкт-Петербург), Ю.Г. Чернышов (Алтайский государственный ун-т, Барнаул), С.В. Чугров (МГИМО(У), Москва)

Заведующая редакцией Е.Е. РУБЦОВА

*Адрес редакции: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23
Тел.: 8-499-128-08-83*

Электронная почта: metojournal@mail.ru, metojournal@imemo.ru

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова РАН, 2021
© Составление. Редколлегия журнала
“Мировая экономика и международные отношения”, 2021

*Russian Academy of Sciences
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations*

**WORLD ECONOMY
AND INTERNATIONAL RELATIONS**
(Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya)

2021 Vol. 65 No. 5 May

Published since July 1957

Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN 0131-2227

*The Journal is published under supervision of the Department of Global Problems
and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. RYABOV

Editorial Board:

AVTONOMOV V. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow), ANDREFF W. (University Paris I Pantheon Sorbonne, France), BARANOVSKY V. (IMEMO, Moscow), BOL'SHAKOV A. (Kazan' (Privolzhskii) Federal University, Kazan), BORKO Y. (Institute of Europe, Moscow), BRENNAN L. (Trinity College, Ireland), VOITOLOVSKY F. (IMEMO, Moscow), DYNKIN A. (IMEMO, Moscow), ZAGASHVILI V. (IMEMO, Moscow), IVANOVA N. (IMEMO, Moscow), KADOCHNIKOV S. (Higher School of Economics, Saint-Petersburg), KAPELYUSHNIKOV R. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow), KIRICHENKO E. (IMEMO, Moscow), KOSOLAPOV N. (IMEMO, Moscow), KRASIN Y. (Institute of Sociology, Moscow), LARIN V. (Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok), LI YONGQUAN (University of Chinese Academy of Social Sciences, Beijing), LIUHTO K. (University of Turku, Finland), MANGOTT G. (University of Innsbruck, Austria), MART'ANOV V. (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS, Ekaterinburg), MALHOTRA A. (The Energy and Resources Institute, India), MOROZOVA E. (Kuban' State University, Krasnodar), OBOLENSKIY V. (Institute of Economics, IMEMO, Moscow), OLEVSKY G. (Latvian State University, Latvia), ROSS C. (University of Dundee, UK), ROTFELD A. (University of Warsaw, Poland), RYABOV A. (MEMO Journal, Moscow), SHIMOTOMAI N. (Hosei University, Japan), STENT A. (Georgetown University, USA), TORKUNOV A. (MGIMO-U, Moscow), FADEEVA L. (Perm' State National Research University, Perm), FERDINAND P. (University of Warwick, UK), FENG SHAOLEI (East China Normal University, Shanghai), KHUDOLEY K. (Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg), CHERNYSHOV Y. (Altai State University, Barnaul), CHUGROV S. (MGIMO-U, Moscow)

Office Manager E. RUBTSOVA

*Address: 23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation
Tel.: +7-499-128-08-83*

e-mail: memojournal@imemo.ru, memojournal@mail.ru

Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

2021, Том 65, Номер 5

Мир в начале тысячелетия

Экономические шансы Латинской Америки в постковидном мире
П. Яковлев 5

Европа: новые реалии

Россия и Европейский союз: отложенное партнерство
Н. Арбатова 14

О трансформации института политических партий в эпоху глобализации на примере Европы
Б. Гуселтов 28

Формирование единой внешней энергетической политики ЕС: ключевые события и результаты
О. Юдина 39

Южная Азия в региональной и мировой политике

Индо-Тихоокеанский регион: индийский взгляд
А. Курриянов 49

Экономика, экономическая политика

Глобальные нефтегазовые корпорации в погоне за технологическим превосходством
А. Березной 59

Цифровые валюты центральных банков: мировой опыт
Д. Кочергин 68

Рыбопромышленный комплекс Норвегии
А. Кравчук 78

Шеринговая экономика: бизнес-модель цифровой экономики в период *COVID-19*
Л. Белова 87

Проблемы безопасности в современном мире

Международное конвенциональное регулирование частных военизированных и охранных компаний
М. Небольсина 95

Латинская Америка: в поисках своего пути

Социальные протесты в Латинской Америке в фокусе региональных интернет-СМИ и соцсетей
Е. Косевич 107

Из истории ИМЭМО

Начало эры Путина (2000–2008)
П. Черкасов 117

Вокруг книг

Правый популизм: универсальный ответ на глобальный кризис
В. Журавлева 128

Об актуальном исследовании современных проблем Корейского полуострова
А. Панов 133

CONTENTS

2021, Vol. 65, No. 5

The World at the Beginning of Millennium

- Latin America's Economic Chances in a Post-Covid-19 World
P. Yakovlev 5
-

Europe: New Realities

- Russia and the European Union: the Posponed Partnership
N. Arbatova 14
- New Tendencies of Political Parties Transformation in the Era of Globalization and Digital Technologies on the Example of Europe
B. Guseletov 28
- Forming the European Union Common External Energy Policy: Key Events and Results
O. Yudina 39
-

South Asia in Regional and World Politics

- The Indo-Pacific: Indian View
A. Kupriyanov 49
-

Economy, Economic Theory

- Global Oil & Gas Corporations in the Race for Technological Superiority
A. Bereznoi 59
- Central Banks Digital Currencies: World Experience
D. Kochergin 68
- Seafood Industry in Norway's Economic System
A. Kravchuk 78
- Sharing Economy: the Business Model of the Digital Economy in the COVID-19 Period
L. Belova 87
-

Security Problems in Contemporary World

- The Problem of International Conventional Regulation of Private Military and Security Companies
M. Nebol'sina 95
-

Latin America: in Search of Own Way

- Social Protests in Latin America in the Focus of Regional Internet Media and Social Networks
E. Kosevich 107
-

From the History of IMEMO

- The Beginning of the Putin's Era (2000–2008)
P. Cherkasov 117
-

Around Books

- Right-Wing Populism: The System Answer to Globalization
V. Zhuravleva 128
- On Actual Research of Contemporary Problems of the Korean Peninsula
A. Panov 133
-
-

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ШАНСЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В ПОСТКОВИДНОМ МИРЕ

© 2021 г. П. Яковлев

ЯКОВЛЕВ Петр Павлович, доктор экономических наук,
Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, РФ, 117418 Москва,
Нахимовский пр-т, 51/21 (petr.yakovlev@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 01.12.2020.

Последствия пандемии *COVID-19* ударили по экономике и социальной сфере стран Латинской Америки сильнее, чем любой из кризисов за последние 100 лет. Сосуществование с вирусом вызвало волну ограничительных мер, разрушило нормальные механизмы спроса и предложения, обвалило производство и внешнюю торговлю, резко ухудшило материальное положение большинства латиноамериканцев, обострило внутривластные проблемы. В статье показано, что экстремальная острота коронакризиса была вызвана не только его специфическими особенностями, но и сопряжением с другими присущими Латинской Америке общественными бедами: фатальными просчетами правящих populistских режимов, глубоко укоренившейся коррупцией, огромным неформальным сектором экономики. Вместе с тем автором предпринята попытка понять, в какую реальность вернутся страны региона в постковидный период, что можно предпринять для смягчения негативных эффектов эпидемии. И главное — есть ли у латиноамериканских государств ресурсы и возможности, чтобы выйти из кризиса с более передовой технологической структурой региональной экономики.

Ключевые слова: Латинская Америка, *COVID-19*, коронакризис, популизм, коррупция, экономика, технoлатинас, антикризисный потенциал, стратегия роста.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-5-13

За долгие десятилетия изучения проблем Латинской Америки автору этих строк не приходилось быть свидетелем столь пессимистичных настроений и откровенной тревоги относительно экономического, социального, а также внутри- и внешнеполитического будущего региона. Причем тревожные ощущения того, что Латинская Америка вступила в очередное “потерянное десятилетие” (по аналогии с 1980-ми годами в данном случае имеются в виду 2020-е годы), носят фактически повсеместный характер, поскольку они присущи как значительной части латиноамериканского государственного истеблишмента, так и многочисленным представителям местного и международного бизнеса, экспертного сообщества, широких общественных кругов, миллионам рядовых граждан.

Нельзя не признать того очевидного факта, что для пессимизма есть достаточно веские основания, вызванные комплексными последствиями затянувшейся экономической рецессии последних лет и сильнейшими негативными эффектами пандемии *COVID-19*, по ряду ключевых показателей отбросившими Латиноамериканский регион на десятилетие назад [1]. Как заметил видный специалист по проблемам Латинской Америки, главный редактор журнала *Americas Quarterly* Брайан Уинтер, “один Бог знает, насколько много в регионе причин для беспокойства” [2].

Но так ли безнадежна сложившаяся ситуация? Можно ли за плотной завесой ситуативных рисков и системных вызовов в калейдоскопе острых проблем и реальных угроз рассмотреть проблески надежды и признаки новых, еще не использованных возможностей, реализация которых способна направить ход событий по оптимистическому сценарию? Другими словами: отталкиваясь от хорошо известной идеи, что кризис — это одновременно и потери, и обретения, рационально ли рассчитывать на наличие (или появление в обозримой перспективе) шансов не только для восстановительного роста латиноамериканских стран, но и для их перехода на качественно более высокий уровень социально-экономического развития?

КАКИЕ ЭПИДЕМИИ ОХВАТИЛИ ЛАТИНСКУЮ АМЕРИКУ?

Казалось бы, ответ на этот “наивный” вопрос очевиден: речь должна идти о пандемии коронавируса, которая, выявив структурные и организационные слабости национальных систем здравоохранения, послужила катализатором негативных трендов, явилась суровым экономическим и социальным испытанием для большинства латиноамериканских стран, включая все наиболее крупные и развитые в хозяйственном отношении. Подчеркнем, что даже по официальным данным

латиноамериканские государства плотно сконцентрировались в списке стран мира, в максимальной степени пораженных *COVID-19*. В частности, по данным на 1 января 2021 г., в списке топ-20 “государств – жертв коронавируса” фигурировали Бразилия, Аргентина, Колумбия, Мексика и Перу. На их долю пришлось свыше 13.4 млн инфицированных, или 16% общемирового показателя, и более 446 тыс. умерших (24.4% общемирового показателя). И это при том, что на всю Латинскую Америку приходится порядка 8% населения Земли (табл. 1).

В чем коренились причины столь тяжелого положения с пандемией коронавируса в странах Латинской Америки?

Нельзя сказать, что правительства государств региона не боролись с эпидемией. Напротив, в целом ряде случаев были предприняты серьезные усилия, о чем, в частности, свидетельствуют значительные финансовые ресурсы, направленные на проведение антиковидных мероприятий. У Аргентины, например, они составили 6% ВВП, а у Бразилии – 12%. В большинстве стран власти вводили карантинные и другие ограничительные меры разного уровня строгости, в спешном порядке наращивали расходы на медицинские и санитарные цели, предоставлением льготных кредитов помо-

гали предприятиям (в том числе малым и средним) “остаться в бизнесе” [4].

Но одновременно, как отмечалось в совместном аналитическом докладе Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) и Панамериканской организации здравоохранения (ПАОЗ), стал очевидным почти повсеместный коллапс национальных систем здравоохранения: хроническое недофинансирование этой жизненно важной отрасли, острая нехватка квалифицированного медицинского персонала, ограниченность коечного фонда, отсутствие в достаточном количестве необходимого оборудования, дефицит современных санитарно-гигиенических условий [5, pp. 20-25]. Кроме того, в период пандемии произошли серьезные сбои в функционировании специального транспорта, предоставлении ритуальных услуг.

Нередко серьезно вредила делу и до боли знакомая своего рода “российско-латиноамериканская болезнь”, когда нарочитая внешняя строгость принимаемых мер, включая массовый и самый продолжительный в мире карантин и экономический локдаун (*lockdown*) – временное закрытие предприятий, с лихвой компенсировалась фактической необязательностью их соблюдения большинством населения и значительной частью бизнеса. В ре-

Таблица 1. *COVID-19*: страны с наибольшим числом заражений и летальных исходов, абсолютные цифры и % от мирового показателя на 01.01.2021

	Страна	Число заражений	%		Страна	Число смертей	%
1	США	20 128 693	23.97	1	США	347 788	19.03
2	Индия	10 286 709	12.25	2	Бразилия	195 411	1.69
3	Бразилия	7 700 578	9.17	3	Индия	148 994	8.15
4	Россия	3 153 960	3.76	4	Мексика	126 507	6.92
5	Франция	2 697 014	3.21	5	Италия	74 621	4.08
6	Англия	2 549 689	3.04	6	Англия	74 237	4.06
7	Турция	2 220 855	2.65	7	Франция	64 892	3.55
8	Италия	2 129 376	2.54	8	Россия	56 798	3.11
9	Испания	1 928 265	2.30	9	Иран	55 337	3.03
10	Германия	1 762 637	2.10	10	Испания	50 837	2.78
11	Колумбия	1 654 880	1.97	11	Колумбия	43 495	2.38
12	Аргентина	1 629 594	1.94	12	Аргентина	43 319	2.37
13	Мексика	1 437 185	1.71	13	Перу	37 680	2.06
14	Польша	1 305 774	1.56	14	Германия	34 145	1.87
15	Иран	1 231 429	1.47	15	Польша	28 956	1.58
16	Украина	1 096 855	1.31	16	ЮАР	28 887	1.58
17	ЮАР	1 073 887	1.28	17	Индонезия	22 329	1.22
18	Перу	1 015 137	1.21	18	Турция	21 093	1.15
19	Нидерланды	816 616	0.97	19	Бельгия	19 581	1.07
20	Индонезия	751 270	0.90	20	Украина	19 437	1.06
	<i>5 стран Латинской Америки</i>	<i>13 437 374</i>	<i>16.00</i>		<i>5 стран Латинской Америки</i>	<i>446 412</i>	<i>24.43</i>
	Весь мир	83 963 772	100.00		Весь мир	1 827 540	100.00

Источник: [3].

зультате распространение случаев заражения коронавирусом (а главное — рост числа смертельных исходов) не было своевременно взято под эффективный контроль и остановлено.

Другой эпидемией, охватившей и крепко удерживающей Латинскую Америку, являются застарелые экономические проблемы, многие годы ожидающие своего решения. Как отмечал бывший министр финансов Колумбии Маурисио Карденас, правительства практически всех латиноамериканских стран с упорством, заслуживающим лучшего применения, бойкотируют проведение давно назревших институциональных и структурных реформ, поскольку смертельно опасаются нежелательных для себя политических последствий [6].

Автору этих строк уже приходилось анализировать причины хозяйственного отставания Латинскоамериканского региона (в том числе на страницах этого журнала) [7], поэтому в данном случае ограничимся лишь несколькими замечаниями, имеющими непосредственное отношение к пандемии коронавируса. Прежде всего, вирус *COVID-19* в значительной мере дезорганизовал экономику Латинской Америки, включая важнейшие отрасли обрабатывающей промышленности, предприятия которых пострадали от сокращения спроса, мер карантинного характера и (в связи с глобальным характером эпидемии) перебоев в функционировании международных цепочек поставок технологий и необходимых комплектующих изделий. Кроме того, коронавирус принес новые проблемы, привел к повышению “темпов выгорания” (*burn rate*) финансовых средств предприятий, создал дополнительные как ситуативные, так и долговременные трудности в латиноамериканской экономике, ощутимо ослабив ее перед лицом возможных потрясений в обозримом будущем [8].

Наконец, нельзя не упомянуть третью эпидемию — популизм и тесно связанную с ним коррупцию. Трагедия в следующем: волна левого и правого популизма, прокатившаяся по региону в первые десятилетия нынешнего века, привела к тому, что по степени коррумпированности латиноамериканские государства в массе своей превысили усредненный мировой уровень. В частности, по индексу восприятия коррупции (*Corruption Perceptions Index, CPI*) средний показатель по странам Латинской Америки в 2019 г. составил 37,6 балла при среднемировом индексе, равном 43 баллам (чем ниже индекс, тем больше коррупция) [9]. И это не просто статистика. По мнению генерального управляющего чилийской компании *IMAGINACCION* Карлоса Эскаффи, коррумпированные популистские лидеры сыграли не последнюю роль в создании конфликтогенного общественного климата в регионе, заблокировали пространства политического диалога как внутри на-

циональных социумов, так и между отдельными латиноамериканскими странами, но главное — правление популистов (вопреки всем их обещаниям) в конечном итоге привело к росту неравномерности в распределении национального богатства и обострению социальной несправедливости, что в 2019 г. явилось детонатором массовых протестных выступлений практически по всему региону [10].

Попав в водоворот коронакризиса, Латинская Америка оказалась в ситуации, которую эксперты сокращенно называют *VUCA* — по первым буквам испанских слов “волатильность, неуверенность, сложность и двойственность”. Иначе говоря, признают представители деловых кругов, “...пандемия *COVID-19* принесла с собой новую бизнес-норму и пришла, чтобы остаться” [11]. Это означает одно — латиноамериканским странам и их компаниям предстоит решить непростую, но не оставляющую альтернатив задачу адаптации к меняющимся макроэкономическим условиям и правилам.

ОТВЕТ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО БИЗНЕСА: КЛЮЧЕВЫЕ МОМЕНТЫ

Анализ положения дел в бизнес-сообществе стран Латинской Америки в условиях пандемии коронавируса позволяет выделить основополагающие черты антикризисной политики большей части крупных предприятий региона, располагающих потенциалом для модернизации.

Первая и наиболее существенная черта — форсированная цифровизация выпуска и коммерциализации производимой продукции. Хотя международная и региональная торгово-экономическая панорама остается сложной, “происходящая цифровая трансформация сферы производства и сбыта товаров и услуг стала фундаментальным союзником латиноамериканского бизнеса”, подчеркивают менеджеры ведущих корпораций, вставших на рельсы технологического обновления и превратившихся в ключевой фактор посткризисного восстановления и модернизации экономики стран Латинской Америки. Этому способствует и декларируемая готовность компаний руководствоваться принципами *ESG (environmental, social, governance)*, требующими повышенного внимания к вопросам защиты окружающей среды, развития социальной сферы и совершенствования корпоративного управления. По общему экспертному мнению, проверкой серьезности намерений бизнес-сообщества станет избавление от весьма распространенной практики *Greenwashing* (зеленого камуфляжа) — создания ложного экологического имиджа предлагаемой потребителям продукции [12].

Важное значение для экономического будущего Латинской Америки будут иметь модернизация

на цифровой основе и технико-технологическое перевооружение добывающих отраслей, которые занимают центральное место в экономике целого ряда ведущих государств региона. Факты указывают на то, что в настоящее время трансформация предприятий нефтяного и горнорудного секторов осуществляется в русле требований индустрии 4.0 – с использованием автоматизации, искусственного интеллекта и машинного обучения (*Machine Learning*), больших данных (*Big Data*), модели *SaaS* (*Softwar as a Service* – программное обеспечение как услуга) и т. д. Благодаря этому добывающие предприятия в режиме реального времени синхронизируют и рационализируют работу на отдельных этапах производства и сбыта – добычи и транспортировки сырья, плавки металла (или нефтепереработки), передачи готовой продукции заказчику. Более того, современные бизнес-решения позволяют поддерживать оптимальный производственный ритм, дают возможность снизить негативное влияние человеческого фактора и практически свести к нулю число несчастных случаев, в конечном счете – сократить расходы и увеличить норму прибыли [11].

Еще одна ключевая отрасль латиноамериканской экономики – электроэнергетика, где также наблюдаются знаковые структурные подвижки. Главная из них – ускорение перехода на альтернативные и возобновляемые источники энергии. *COVID-19* заметно “подстегнул” местных и иностранных предпринимателей, прежде всего побуждая их наращивать производственные капиталовложения. Как отмечал генеральный директор ведущей колумбийской компании *Grupo Energía Bogotá* Фредди Сулета, “те объемы, которые мы раньше инвестировали в течение восьми лет, теперь нужно вкладывать за четыре года” [12].

В суровых условиях коронакризиса в Латинской Америке стала пробивать себе дорогу концепция “рационального восстановления” региональной экономики. Ее сторонники исходят из идеи максимально полного (оптимального) и гибкого использования имеющихся активов. Примером могут служить латиноамериканские компании авиаперевозок. В связи с обвальным падением спроса на международные перелеты такие крупные авиаперевозчики, как *Avianca*, *JetSmart* и *Latam Cargo*, стали с высокой отдачей использовать пассажирские лайнеры для транспортировки коммерческих грузов, потребность в которых сократилась не столь значительно, а местами даже возросла. В итоге указанные компании избежали катастрофического падения оборота, сохранили и расширили свои позиции на рынке грузовых перевозок. Более того, благодаря выбранной тактике, авиаперевозчики без проблем стали удовлетворять давнишнее о себе знать в конце 2020 г. растущие потребности в местных и внутри-

региональных пассажирских перелетах, частично компенсировавших сокращение количества межконтинентальных рейсов [11].

Фиксируя происходящие изменения, в деловых кругах Латинской Америки отмечают, что под воздействием коронакризиса развернулась “подлинная хозяйственная революция”, одним из проявлений которой явилась «трансформация традиционных (“несознательных”) потребителей в “сознательных” пользователей». Это означает перемену в поведении значительной части платежеспособных покупателей, которые становятся более разборчивыми, принимают во внимание такие факторы, как полезность для здоровья тех или иных продуктов питания, соблюдение компаниями-производителями требований по защите окружающей среды и т. д. В целом “сознательные” пользователи все чаще отдают предпочтение высококачественным товарам и услугам, даже если их стоимость существенно выше. Следствием такого сдвига в потребительских предпочтениях становятся корректировка производственной политики латиноамериканского бизнеса, начало формирования нового типа обратной связи между продавцом и покупателем. Для закрепления указанной положительной тенденции Тайрон Питсис, профессор престижного Даремского университета, считает необходимым “демократизировать процесс принятия корпоративных решений” и нацелить бизнес-стратегию не на получение максимальной прибыли любой ценой, а на удовлетворение ценностных запросов и меняющихся потребностей общества [11].

“ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС” ТЕХНОЛАТИНАС

Главными проводниками в жизнь структурных изменений в экономике Латинской Америки в постковидный период призваны стать латиноамериканские транснациональные корпорации (ЛТК), а именно те из них, которые заняты преимущественно в современных технологичных секторах. Не случайно в последние годы в экспертной среде все чаще принято выделять из состава ЛТК так называемые технолатинас (*tecnolatinas*) – высокотехнологичные предприятия, как правило выросшие из стартапов и в своей деятельности перешагнувшие национальные границы. В сфере бизнес-интересов технолатинас – электронная коммерция, большие данные, облачные технологии (*Cloud technologies*), разработка программного обеспечения, медицинские технологии (*healthtech*), “финтех” (*fintech*), совместное потребление и другие продвинутые сферы бизнеса. Первоначально подавляющее большинство технолатинас сформировалось в Аргентине и Бразилии, но к этому процессу во второй половине 2010-х годов подключились и компании Мексики, Колумбии, Перу, Чили [13].

Символичным явилось появление в Латинской Америке (прежде всего в Бразилии) первых технолатинас-единорогов (*unicornios tecnolatinas*) – стартапов с оборотом продаж свыше 1 млрд долл. в год. По состоянию на начало февраля 2021 г. в число бразильских высокотехнологичных компаний-единорогов вошли: *99 Taxi* – транспорт и логистика (*logtech*), *Nubank* – финтех (*FinTech*, финансовые технологии), *iFood* – доставка продуктов питания, *PagSeguro* – финтех, *Movile* – инвестиции, *Stone* – финтех. Кроме того, по оценке экспертов, в “элитный клуб” единорогов готовы вступить компании *CargoX* (транспорт и логистика), *QuintoAndar* (стратегическое консультирование в сфере недвижимости – *proptech*), *Resultados Digitais* (цифровой маркетинг), *Creditas* (финтех), *Neoway (Big Data)*, *Dr. Consulta* (медицинские технологии), *Guiabolso* (финтех), *Yellow* (совместное потребление), *Loggi* (электронная торговля), *Conta Azul* (финтех) и ряд других [14].

Деятельность технолатинас и в целом ЛТК чрезвычайно важна для Латинской Америки, поскольку они осуществляют технологическое обновление промышленности и благодаря сети международных представительств способны обеспечить необходимое пространственное сближение экономик разных стран, стать центральной осью стратегии региональной производственной взаимосвязанности, особенно актуальной в период пандемии.

Учитывая далеко не использованный производственный, технологический и торговый потенциал технолатинас, логично предположить, что именно они способны инициировать новую волну латиноамериканской экономической модернизации, в контексте которой может быть предпринят качественный рывок вперед. Но неслучайным условием реализации такого, скажем откровенно, супероптимистичного сценария является целенаправленная и разносторонняя помощь бизнесу со стороны государственных органов. В Латинской Америке на этапе выхода из коронакризиса речь, по существу, идет о переходе к макроэкономической стратегии выращивания так называемых *национальных чемпионов* [15] – крупнейших местных компаний (преимущественно частных и желательных высокотехнологичных), способных, прочно закрепившись на региональных рынках, успешно конкурировать на глобальном уровне и главное – эффективно продвигать и защищать на международных площадках национальные торгово-экономические и финансовые интересы латиноамериканских стран.

Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что *COVID-19* стал катализатором процесса цифровизации национальных систем здравоохранения, ведущую роль в котором играют технолатинас сферы

healthtech. В данной связи эксперты отмечают успехи мексиканской биотехнологической компании *Producto de Unima*, разработавшей прогрессивные методы быстрой и дешевой диагностики, и указывают на положительный опыт перуанской фирмы *Smart Doctor* в области телемедицины. Подчеркивают заманчивые перспективы использования многими технолатинас методов *uHealth* – информационных сервисов для врачей и пациентов, а также аддитивных технологий и *3D*-печати для быстрого производства различных компонентов медицинских устройств, необходимых в условиях пандемии коронавируса [16].

Помимо этого, *COVID-19* резко активизировал создание в регионе многоцелевых транснациональных онлайн-платформ – так называемых супераппов (*super app*), или мобильных приложений с собственными экосистемами, в рамках которых объединено несколько ранее разделенных функций из области предоставления услуг – доставки потребительских товаров и пищевых продуктов, билетов на концерты и другие мероприятия, вызова такси, денежных переводов и т. д. На региональном уровне ведущими технолатинас с такого рода оптимизированными платформами электронной коммерции (*online e-commerce marketplace*) стали: *Rappi*, *iFood*, *Cornershop*, *UberEats* и *PedidosYa*.

Примером успешного стартапа, в короткий срок превратившегося в один из крупнейших в регионе супераппов, может служить *Rappi*, осуществляющая “доставку по первому требованию” широчайшей гаммы товаров и услуг, таких как продукты, промышленные товары, финансовые и страховые операции, организация путешествий и других форм досуга. Созданная в Колумбии в 2015 г. как небольшая локальная фирма, *Rappi* сегодня действует в более чем 200 городах девяти стран Латинской Америки, насчитывает свыше 4 тыс. служащих и более 350 тыс. курьеров (*rappitenderos*), работает с 600 тыс. торговых точек и распространяет продукцию 100 тыс. товарных марок. По этим показателям, а также по биржевой стоимости (3.5 млрд долл.) компания стоит в одном ряду с мировыми *IT*-корпорациями [17].

Безусловно, никакая отрасль (тем более новая и технологичная) не может успешно развиваться без притока капиталовложений. Бизнес есть бизнес, особенно востребованный государством и обществом, а потому обещающий высокие прибыли. Латиноамериканские и международные инвесторы оперативно отреагировали на велеие времени: в январе–марте 2020 г. венчурные инвестиционные фонды вложили в компании, связанные со сферой здравоохранения, 8.2 млрд долл. – на 76% больше, чем за тот же период 2019 г. Активизировали операции слияний и поглощений (*M&A*) и сами

технолатинас. Например, в начале августа 2020 г. аргентинская корпорация *Globant* (крупный производитель программного обеспечения) за 74.5 млн долл. приобрела контроль над другой транснациональной технологичной компанией *Grupo Assa* с целью развивать цифровые платформы и укрепить свои позиции на рынке медицинских товаров и услуг [18].

Таким образом, выход из состояния кризиса и судьба структурного реформирования экономики латиноамериканских стран в значительной степени зависят от активности ЛТК и их технологичного авангарда – технолатинас, а также от целенаправленных действий государства, от того, какую стратегию частно-государственного партнерства возьмет на вооружение верховная власть для решения задач национального развития и насколько последовательно и неуклонно будет ее проводить. Как было показано, среди наиболее перспективных направлений – переход латиноамериканской экономики на цифровые технологии, ускоренный выход в цифровое пространство как производителей товаров и услуг, так и их потребителей.

КОНТУРЫ ПОСТКОВИДНОЙ МОДЕЛИ

Теперь перейдем к рассмотрению упомянутых в начале статьи шансов Латинской Америки вырваться из кризиса, перейти на траекторию экономического роста, не допустить нового издания “потерянного десятилетия”. На наш взгляд, наряду с названными выше позитивными бизнес-трендами и технико-технологическими факторами, определенные надежды на реализацию оптимистического сценария рождают и некоторые немаловажные прогрессивные изменения в структуре человеческого капитала и другие значимые общественные явления, отсутствовавшие или слабо выраженные в прошлом, но сравнительно широко

представленные в латиноамериканской реальности сегодняшнего дня.

Начнем с анализа положения дел в сфере высшего образования, роль которого в нынешних условиях развертывания очередного этапа глубокой научно-технологической трансформации (так называемой четвертой промышленной революции) [19] невозможно переоценить. В последние два десятилетия в этой области в Латинской Америке имел место подлинный прорыв: было открыто свыше 2300 высших учебных заведений, а доля латиноамериканской молодежи, обучающейся в университетах, в 2000–2010-х годах увеличилась, по оценкам экспертов Всемирного банка, с 21 до 40% [20]. Подчеркнем, что ни в одном другом регионе мира не был достигнут столь впечатляющий результат. Если на рубеже XXI столетия Латинская Америка по показателю охвата молодежи высшим образованием находилась на уровне Центральной Азии, то уже на начало 2010-х годов она ушла далеко вперед. Согласно данным ЮНЕСКО, в настоящее время по указанному индикатору Латиноамериканский регион заметно превышает среднемировой показатель, уступая лишь высоко развитым государствам: “коллективному Западу”, России и отдельным странам Восточной Европы.

Характерен и такой факт: в соответствии с международными рейтингами 12 латиноамериканских университетов, в которых обучаются около 850 тыс. (!) студентов, вошли в число 500 лучших высших учебных заведений мира (табл. 2). Разумеется, нельзя преувеличивать достигнутые успехи и можно согласиться с теми отечественными и зарубежными исследователями, которые в своих работах отмечают многочисленные недостатки и узкие места, все еще присущие высшей школе даже самых развитых государств Латинской Америки [22, сс. 17-20]. Все это так. Но для целей нашего исследования важно указать на проис-

Таблица 2. Университеты-лидеры в Латинской Америке (рейтинг 2021 г.)

	Страна	Университет	Число студентов	Место в мире
1	Бразилия	<i>Universidade de São Paulo</i>	82 961	122
2	Бразилия	<i>Universidade de Campinas</i>	29 082	277
3	Чили	<i>Pontificia Universidad Católica de Chile</i>	29 071	290
4	Бразилия	<i>Universidade Federal do Rio de Janeiro</i>	67 000	342
5	Аргентина	<i>Universidad de Buenos Aires</i>	262 932	378
6	Чили	<i>Universidad de Chile</i>	40 494	390
7	Мексика	<i>Universidad Autónoma Nacional de México</i>	166 368	399
8	Бразилия	<i>Universidade Federal do Rio Grande do Sul</i>	40 000	447
9	Бразилия	<i>Universidade Federal de Minas Gerais</i>	36 000	461
10	Бразилия	<i>UNESP – Universidade Estadual Paulista</i>	47 917	463
11	Чили	<i>Universidad Técnica Federico Santa María</i>	18 329	478
12	Колумбия	<i>Universidad de los Andes</i>	24 653	497

Источник: [21].

ходящие количественные и качественные сдвиги, которые трудно не заметить. Быстро растущее число молодых латиноамериканцев с университетскими дипломами – будущее региона, во многих случаях – граждане с новым, современным мышлением, обладающие необходимой компетенцией и способные трудиться в инновационных отраслях, лучше старших поколений понимающие, что из себя представляет цифровая экономика и как она содействует повышению производительности труда. Последний момент, на наш взгляд, самый важный, поскольку хозяйственные перспективы латиноамериканских стран зависят не столько от продолжения эксплуатации природных ресурсов (хотя этого, конечно, никто не отменяет), сколько от формирования и расширения высокотехнологичных производств.

По мнению ряда экспертов, благодаря активному и массовому включению образованной молодежи в производственный процесс, ее способности относительно легко осваивать инновационные продукты государства региона могут, например, “перескочить несколько ступеней в развитии таких отраслей, как финтех и мобильный банкинг”. Другие специалисты считают благоприятным для Латинской Америки фактором глобальное снижение в период кризиса процентных ставок по международным кредитам и падение прибыльности многих производств в результате локдауна и других ограничительных мер в развитых странах, особенно в США и Европейском союзе. В этих условиях рынки латиноамериканских государств, обещающие сравнительно высокий уровень прибыли на вложенный капитал, могут привлечь дополнительное внимание иностранных инвесторов [2]. Эту тенденцию, кстати, уловили и крупнейшие латиноамериканские инвестиционные фонды, например мексиканский *Grupo SURA*, предлагающий своим клиентам (а их у него около 8 млн) широкий набор прибыльных финансовых инструментов [23].

Принимая во внимание отмеченные обстоятельства, зарубежные финансовые эксперты считают, что в постковидный период отдельные латиноамериканские страны (и регион в целом) могут стать “горячими точками” международного инвестирования, и в качестве аргументов приводят следующие факторы:

– расчет транснационального бизнеса на сравнительно скорый “отскок” экономики Латинской Америки на фоне затянувшегося торможения экономического роста в большинстве развитых стран

и ощутимого снижения уровня прибыльности в США и Западной Европе;

– начавшееся технико-технологическое перевооружение латиноамериканской экономики и сравнительно динамичный процесс цифровизации, обеспечивающий модернизацию производственных активов. Транснациональный бизнес не может себе позволить остаться в стороне от данного процесса;

– отмеченный в последнем квартале 2020 г. рост мирового спроса на основные товары латиноамериканского экспорта, включая сырье и продовольствие, что естественным образом “подогревает” интерес ТНК к региону;

– растущая значимость формирования так называемых коротких цепочек добавленной стоимости, что требует активного прямого участия зарубежных корпораций в производственной сфере Латинской Америки, их более широкого присутствия на региональных рынках [24].

Таким образом, в международных деловых и экспертных кругах признают, что в последние годы в ведущих латиноамериканских государствах зародились и получили “право на жизнь” новые и чрезвычайно важные экономические и социальные явления позитивного порядка: модернизация бизнес-сообщества и усиление роли технолатинас, повышение образовательного уровня молодежи и на этой основе качественное улучшение человеческого капитала, разворачивание процессов модернизации и технологического обновления производственного аппарата. Закрепление и развитие этих трендов формирует уникальные шансы (именно шансы, но не более того) на преодоление той крайне неблагоприятной ситуации, в которой регион оказался в результате эпидемии коронавируса.

* * *

На стыке второго и третьего десятилетий XXI в. Латинская Америка оказалась в плену исключительных по остроте кризисных явлений, охвативших регион и вселяющих пессимистические настроения в его граждан. В этих условиях первоочередной стратегической задачей в постковидный период становится не просто залечить оставленные коронакризисом социально-экономические раны, вернуться к докризисной парадигме, но заложить прочный фундамент новой модели роста, ориентированной на высокотехнологичные, инновационно насыщенные отрасли, продукция которых востребована на внутреннем и внешнем рынках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Яковлева Н.М., Яковлев П.П. Три волны системного кризиса в Латинской Америке. *Латинская Америка*, 2020, № 10, сс. 6-18. [Yakovleva N.M., Yakovlev P.P. Tri volny sistemnogo krizisa v Latinskoi Amerike [Three waves of systemic crisis in Latin America]. *Latinskaya Amerika*, 2020, no. 10, pp. 6-18.] DOI: 10.31857/S0044748X0011327-8
2. Winter B. *A Less Apocalyptic Case for Latin America*. October 14, 2020. Available at: <https://www.americasquarterly.org/article/a-less-apocalyptic-case-for-latin-america/> (accessed 21.11.2020).
3. *Johns Hopkins University. Coronavirus Resource Center*. Available at: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (accessed 02.01.2021).
4. *IMF. Policy Responses to COVID-19*. October 24, 2020. Available at: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19> (accessed 29.10.2020).
5. *CEPAL – OPS. Salud y economía: una convergencia necesaria para enfrentar el COVID-19 y retomar la senda hacia el desarrollo sostenible en América Latina y el Caribe*. Santiago de Chile, Naciones Unidas, 2020. 241 p.
6. Cardenas M. Latin America is Avoiding the Obvious Need for Reform. Why? *Americas Quarterly*, October 27, 2020. Available at: <https://www.americasquarterly.org/article/5-reasons-why-latin-america-is-avoiding-reform/> (accessed 31.10.2020).
7. Яковлев П. Латинская Америка: возможен ли рывок в развитии? *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 3, сс. 94-103. [Yakovlev P. Latinskaya Amerika: vozmozhen li ryvok v razviti? [Latin America: is a Spurt in Development Possible?] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 63, no. 3, pp. 94-103. Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-94-103>
8. Cortese J. Economías latinoamericanas: los difíciles caminos de la reactivación. *América Economía*, 28.10.2020. Available at: <https://www.americaeconomia.com/economia-mercados/economias-latinoamericanas-los-dificiles-caminos-de-la-reactivacion> (accessed 12.11.2020).
9. CPI 2019: Global Highlights. *Transparency International*. Available at: <https://www.transparency.org/cpi2019?/news/feature/cpi-2019> (accessed 23.10.2020).
10. Escaffi C. Populismo, corrupción y informalidad: las tres grandes pandemias. *América Economía*, 07.10.2020. Available at: <https://www.americaeconomia.com/analisis-opinion/populismo-corrupcion-e-informalidad-las-tres-grandes-pandemias> (accessed 21.10.2020).
11. Multilatinas: llegó la hora de ser flexibles, adaptarse y planificar. *América Economía*, 25.11.2020. Available at: <https://www.americaeconomia.com/multilatinas-llego-la-hora-de-ser-flexibles-adaptarse-y-planificar> (accessed 29.11.2020).
12. Multilatinas y la reactivación: se necesita una mentalidad de crecimiento resiliente. *América Economía*, 26.11.2020. Available at: <https://www.americaeconomia.com/multilatinas-y-la-reactivacion-se-necesita-una-mentalidad-de-crecimiento-resiliente> (accessed 30.11.2020).
13. América Latina sí produce tecnología: Estas son las millonarias cifras del negocio. *Semana*, 24.2.2017. Available at: <https://www.dinero.com/emprendimiento/articulo/las-tecnolatinas-mas-grandes-de-america-latina/242335> (accessed 01.10.2020).
14. Fonseca M. 17 startups brasileiras estão próximas de virar unicórnios. Saiba quais são elas. *Infomoney*, 20.02.2021. Available at: <https://infomoney.com.br/negocios/17-startups-brasileiras-estao-proximas-de-virar-unicornios-saiba-quais-sao-elas> (accessed 21.02.2021).
15. *Competition Policy, Industrial Policy and National Champions. 2009. OECD*. Available at: <http://www.oecd.org/daf/competition/44548025.pdf> (accessed 01.10.2020).
16. Ramírez N. V. Hora healthtech: la próxima gran industria que busca revolucionar los sistemas de salud. *América Economía*, 09.07.2020. Available at: <https://www.americaeconomia.com/negocios-industrias/hora-healthtech-la-proxima-gran-industria-que-busca-revolucionar-los-sistemas-de> (accessed 30.09.2020).
17. Ledger G. El difícil sueño de Rappi. *América Economía*, 25.11.2020. Available at: <https://www.americaeconomia.com/el-dificil-sueno-de-rappi> (accessed 30.11.2020).
18. Ledger G. Análisis: el mercado latinoamericano de M&A también se adapta a la ‘nueva normalidad’. *América Economía*, 21.10.2020. Available at: <https://www.americaeconomia.com/negocios-industrias/analisis-el-mercado-latinoamericano-de-ma-tambien-se-adapta-la-nueva-normalidad> (accessed 29.10.2020).
19. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Geneva, 2016, World Economic Forum. 184 p.
20. Ferreyra M.M. *At a Crossroads: Higher Education in Latin America and the Caribbean*. September 8, 2017. Available at: <https://blogs.worldbank.org/education/crossroads-higher-education-latin-america-and-caribbean> (accessed 11.10.2020).
21. *2021 Best Global Universities in Latin America*. Available at: <https://www.usnews.com/education/best-global-universities/latin-america> (accessed 26.10.2020).
22. Ермольева Э.Г. Актуальная повестка дня: проблемы латиноамериканской молодежи. *Латинская Америка*, 2019, № 1, сс. 12-27. [Ermol'eva E.G. Aktual'naya povestka dnya: problemy latinoamerikanskoi molodezhi [Major problems and pressing needs of the young in Latin America]. *Latinskaya Amerika*, 2019, no. 1, pp. 12-27.] DOI: 10.31857/S0044748X0003505-4
23. Inversiones SURA: las ventajas de invertir tu dinero con auténticos expertos. *El País*, 22.10.2020.
24. *CEPAL. Construir un nuevo futuro: una recuperación transformadora con igualdad y sostenibilidad*. Santiago, Naciones Unidas, 2020. 243 p.

LATIN AMERICA'S ECONOMIC CHANCES IN A POST-COVID-19 WORLD

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 5, pp. 5-13)

Received 01.12.2020.

Petr P. YAKOVLEV (petrp.yakovlev@yandex.ru)

Institute of Scientific Information for the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN); 51/21 Nakhimovskii Prosp., Moscow, 117418, Russian Federation.

The effects of the COVID-19 pandemic have hit Latin America's economy and social sphere more than any other crisis in the last hundred years. Coexistence with the virus caused a wave of restrictive measures, destroyed normal mechanisms of supply and demand, collapsed production and foreign trade, dramatically worsened the financial situation of the majority of Latin Americans, exacerbated domestic political problems. The article shows that the extreme severity of the corona crisis was caused not only by its specific features but also by the pairing with other social ills inherent in Latin America: fatal miscalculations of ruling populist regimes, deep-rooted corruption, a huge informal sector of the economy. At the same time, the author attempts to understand the reality of the countries of the region in the post-COVID-19 period, what can be done to mitigate the negative effects of the epidemic. And the main thing is whether Latin American states have the resources and opportunities to get out of the crisis with a more advanced technological structure of the regional economy. As a matter of fact, in international business and expert circles it is recognized that in recent years new and extremely important economic and social phenomena of the positive order have been born in the leading Latin American states: the modernization of the business community and the strengthening of the role of tecnolatinas, the improvement of the educational level of young people and, on this basis, the qualitative improvement of human capital, the deployment of modernization processes and technological renewal of the production apparatus. The consolidation and development of these trends create unique chances to overcome the extremely unfavourable situation in which the region found itself as a result of the epidemic of coronavirus.

Keywords: Latin America, COVID-19, corona crisis, populism, corruption, economy, tecnolatinas, anti-crisis potential, strategy of growth.

About author:

Petr P. YAKOVLEV, Doctor of Economics, Chief Researcher of the Department of Europe and America.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-5-13

РОССИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ОТЛОЖЕННОЕ ПАРТНЕРСТВО

© 2021 г. Н. Арбатова

*АРБАТОВА Надежда Константиновна, доктор политических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (arbatova@imemo.ru).*

Статья поступила в редакцию 12.02.2021.

Статья посвящена исследованию фундаментальных причин, которые привели к глубочайшему кризису отношений России и Европейского союза, а также России и Запада в целом. Главное внимание уделяется как объективным изменениям в международных отношениях, так и субъективным факторам в политике РФ и ЕС, которые предопределяли вектор развития их взаимодействия. В статье дается сложный анализ этих причин, ведущий от поверхностного восприятия проблем вглубь, к истокам сегодняшнего кризиса. Такой метод анализа можно назвать “методом матрешки”, когда главная проблема находится в самой глубине исследуемого явления. Иными словами, предлагается “обратный отсчет” от сегодняшнего кризиса к постбиполярному старту сотрудничества России и ЕС. Почему все пошло не так, если все начиналось так хорошо? И, наконец, кто виноват в несостоявшемся партнерстве и возможен ли выход из создавшегося тупика?

Ключевые слова: Россия, Европейский союз, США, Китай, СНГ, международные отношения, европейская безопасность, евро-атлантические отношения, расширение ЕС и НАТО, украинский конфликт, кавказский кризис, миротворческие операции, конфликты.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-14-27

УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ: ПРИЧИНА ИЛИ СЛЕДСТВИЕ?

Отношения между Россией и Европейским союзом за последние почти три десятилетия пережили много взлетов и падений, не раз оказываясь на острие кризиса. Количество проблем, возникавших в этих отношениях после распада СССР, негативно сказывалось на качестве партнерства РФ и ЕС. Со стороны Евросоюза неоднократно звучала критическая оценка многих аспектов российской внутренней и внешней политики. В Европе Москву упрекали в прямом отступлении от ценностей и принципов, положенных в основу партнерства и сотрудничества между Россией и ЕС. В свою очередь российская политическая элита неоднократно выражала обеспокоенность структурным кризисом в самом Европейском союзе, ростом национализма и радикализма в Европе, антироссийским настроением некоторых стран “новой Европы” и т. д. Вместе с тем до украинского конфликта [1] партнерам все же удавалось сохранять уровень взаимодействия и нарабатанный позитивный капитал в двусторонних отношениях. Относительно легко ЕС и Россия смогли пережить кавказский кризис 2008 г., но конфликт на Украине, прежде всего присоединение Россией Крыма, явился своего рода моментом истины. Именно в нем видится в Европейском союзе главная причина сегодняшнего раскола в постбиполярной Европе и резкого ухудшения отношений ЕС и России.

В отличие от кавказского кризиса 2008 г., который был с самого начала противостоянием России и НАТО, внешне конфликт на Украине и вокруг нее начинался как столкновение Евросоюза и РФ, а точнее, как соперничество их региональных стратегий – политики Восточного партнерства (ВП) ЕС и российского проекта Евразийского союза. В обеих стратегиях Украине отводилось центральное место. Могут быть названы разные точки отсчета в нарастании противоречий между Россией и ЕС, в частности отказ Украины заключить Соглашение об ассоциации с Европейским союзом – решение, принятое Киевом в ноябре 2013 г. незадолго до Вильнюсского саммита.

Представляется, что поворотный момент произошел все же раньше. В 2012 г. с возвращением Владимира Путина на пост президента РФ Москва изменила вектор своего развития с европейского на евразийский и не захотела, чтобы Украина пошла в другую сторону от России. Энтузиазм по поводу евразийского призвания РФ возник в период неопределенности относительно перспектив модернизации страны. Экономический и финансовый кризис на Западе заставил В. Путина сделать вывод о том, что России больше не следует слушать нравоучения от ослабленного ЕС, который, по мнению Кремля, утратил право читать лекции другим государствам о надлежащем управлении или пути к экономическому процветанию. Негативная реакция ЕС на возвращение В. Путина в Кремль в 2012 г. стала еще одним стимулом для поворо-

та в сторону Евразии. Путин решил, что Россия должна модернизировать свою экономику, не надеясь на европейские технологические новшества, а приняв новый план индустриализации, основанный на современных национальных технологиях и Евразийском союзе. Последний должен был создать единое политическое, экономическое, военное, таможенное, гуманитарное и культурное пространство, которое станет равным ЕС [2, р. 3]. Однако в этой концепции многое оставалось непонятным. Упор на военную промышленность, как и советские технологии, не смог предотвратить распада СССР. Кроме того, откуда придут эти новые технологии и как этот проект все-таки соотносится с проектом модернизации, который официально никто не отменял?

Оглядываясь назад, нельзя не признать, что реакция России на европейский проект Восточного партнерства была чрезмерной. У Москвы сложилось впечатление, что подписание Киевом Соглашения об ассоциации с Брюсселем чуть ли не автоматически введет Украину в Евросоюз. Вместе с тем история свидетельствует о том, что между ассоциированным членством и статусом кандидата на вступление в ЕС лежит огромная дистанция. Например, Турция, член НАТО и страна – основатель Совета Европы, ОЭСР и других международных организаций, получила статус “ассоциированного члена” ЕЭС в 1964 г. Через 23 года (1987) она официально подала заявление на вступление в ЕС и только через 12 лет (1999) получила статус страны-кандидата. Еще через шесть лет (2005) начались переговоры по вступлению Турции в ЕС, которые продолжаются и по сей день безо всякой перспективы на членство. Заикленность внимания Кремля на европейском выборе Киева объяснялась тем, что Украина являлась для России самой важной страной на постсоветском пространстве, и пониманием того, что без нее любой крупный интеграционный проект в Содружестве Независимых Государств (СНГ) лишен первоначального смысла.

Стратегия Европейского союза в отношении постсоветского пространства была разработана в рамках Европейской политики соседства (ЕПС), направленной на стабилизацию ближайших соседей. Россия отказалась участвовать в ЕПС, и на саммите РФ–ЕС в Санкт-Петербурге в 2003 г. было решено, что ее отношения с Евросоюзом будут развиваться в отдельном формате четырех общих пространств сотрудничества вне рамок ЕПС. Идея проекта ЕС “Восточное партнерство” была выдвинута по инициативе Швеции и Польши в 2007 г. – еще до кавказского кризиса, но в 2009 г. приобрела конкретные очертания. Конфликт Грузии и России, окончившийся независимостью Южной Осетии и Абхазии, по мнению европейских политиков, исключал всякую возможность участия РФ в про-

грамме Восточного партнерства. Однако формальным поводом для того, чтобы не приглашать Россию в ВП, было нежелание Москвы участвовать в региональных проектах Евросоюза, в частности в ЕПС, и развивать сотрудничество в отдельном формате стратегического партнерства.

Восточное партнерство стало реакцией Брюсселя на недостатки Политики соседства, его разочарованием в “оранжевых революциях” на пространстве СНГ и молчаливым признанием неэффективности ГУАМ¹ как субрегионального интеграционного объединения. Восточное партнерство преследовало цели политического сближения и экономической интеграции Евросоюза с шестью странами (Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Грузией, Молдавией и Украиной), которым Брюссель не мог предоставить перспективу членства в ближайшие годы, а также содействия проведению реформ в странах ВП. Все эти меры должны были стабилизировать ситуацию на пространстве, находящемся в непосредственной близости к ЕС.

Первоначально отношение РФ к Восточному партнерству было относительно спокойным, хотя подспудно существовали опасения относительно того, что Европейский союз вторгается в регион особых интересов России на постсоветском пространстве и пытается вытеснить ее оттуда, лишив статуса привилегированного партнера стран – членов СНГ. Несмотря на то что вопросы безопасности не входили в повестку дня ВП, тот факт, что Брюссель включил в проект Армению и Белоруссию, ближайших союзников России по ОДКБ, вызывал подозрение Кремля относительно истинных целей Евросоюза [3]. Эти страхи подтверждались высказываниями некоторых европейских экспертов. В частности, немецкий политолог Александр Рар заявил в одном из интервью, что через ВП “ЕС нацелился вывести Украину, Грузию, Армению и даже Белоруссию из-под влияния России, а Россию, в свою очередь, фактически оттолкнуть от Европы в Азию. И очень мало говорилось внутри этого европейского партнерства о попытках или стимулах интегрировать Россию в общее европейское пространство” [4]. Это же, по сути, отмечал директор организации “Сеть европейских лидеров” (*European Leadership Network, ELN*) Ян Кернс: “Многие в ЕС теперь признают, что слишком мало внимания уделялось уязвимости, интересам и сузившимся возможностям России влиять на события в регионе, особенно в Украине, но и не только” [5].

Перспектива подписания Украиной Соглашения об ассоциации с ЕС, предусматривающего

¹ ГУАМ – региональная организация, созданная в 1997 г. (Хартия организации подписана в 2001 г., а Устав – в 2006 г.) Грузией, Украиной, Азербайджаном и Молдавией (с 1999 по 2005 г. в организацию также входил Узбекистан).

создание зоны свободной торговли, вызвала негативную реакцию Москвы не только из-за столкновения двух региональных проектов – Восточного партнерства ЕС и Евразийского проекта России. В российском руководстве возникли подозрения относительно того, что ВП является дымовой завесой для расширения Организации Североатлантического договора на пространство СНГ. По мнению бывшего канцлера Германии Герхарда Шрёдера, возвращение Крыма в состав России произошло из-за расширения НАТО, и если бы Украина вступила в нее, как того хотели США, Севастополь, один из важнейших российских морских портов, оказался бы на территории западного альянса [6].

Нужно отметить, что расширение НАТО сильно повлияло на восприятие Россией политики расширения ЕС, поскольку лидеры обеих организаций неоднократно подчеркивали, что это два взаимодополняющих процесса, способствующих возвращению стран ЦВЕ в Европу. Формально расширение альянса обосновывалось желанием самих стран Центральной и Восточной Европы примкнуть к евро-атлантическому партнерству, преодолением исторической несправедливости в отношении этих стран, оторванных от Европы в результате ее раскола на две системы. И хотя Копенгагенские критерии² Европейского союза не определяют членство в НАТО как необходимое условие для вступления в ЕС, последние волны расширения Евросоюза на посткоммунистические страны Центральной и Восточной Европы подтверждают, что де-факто это так. Сначала страны-кандидаты вступают в союз безопасности Запада – НАТО, а затем они могут претендовать на членство в ЕС. Этот фактор изменил изначально позитивные отношения РФ к расширению Европейского союза, как и к его Политике соседства и Восточному партнерству. Продвижение обоих союзов на постсоветское пространство стало восприниматься Кремлем как угроза жизненно важным интересам страны.

Резкое обострение отношений между Россией и Западом было вызвано Бухарестским саммитом альянса (апрель 2008 г.), где обсуждался вопрос о присоединении Украины и Грузии к Плану действий по подготовке к членству в НАТО (ПДПЧ). США, которых поддерживали Канада и страны “новой Европы”³, выступали активным сторонником присоединения Грузии и Украины к ПДПЧ. “Старая Европа” во главе с франко-германским тандемом призывала руководство блока не торопиться, опасаясь негативной реакции России. Не-

² Копенгагенские критерии – критерии вступления стран в Европейский союз, принятые в июне 1993 г. на заседании Европейского совета в Копенгагене.

³ Латвия, Литва, Эстония, Болгария, Румыния, Польша, Чехия, Словакия и Словения.

смотря на то что Грузия и Украина не получили официального приглашения стать участниками ПДПЧ в Бухаресте, им дали понять, что они смогут стать членами НАТО, когда будут соответствовать критериям членства в этой организации. Президент Грузии Михаил Саакашвили воспринял поддержку Вашингтона слишком буквально и попытался заодно решить военным путем и проблему с мятежными регионами – Южной Осетией и Абхазией, чтобы эти конфликты не препятствовали членству страны в НАТО. Это привело в конечном счете к утрате Грузией этих автономий.

В войне с Грузией 2008 г. РФ провела красную линию – “нет расширению НАТО в зону российского влияния!”. Те же соображения безопасности лежали в основе присоединения Россией Крыма, хотя пример Украины отличался от грузинского сценария. По мнению некоторой части российской элиты, после жесткой реакции Москвы в кавказском кризисе Запад решил изменить тактику и выставил на первый фланг Европейский союз со своей программой ВП, чтобы затем открыть дорогу НАТО. Еще в 2009 г. чрезвычайный и полномочный посол США на Украине Уильям Тейлор, отвечая на вопрос о том, обязательно ли Украина должна вступить в НАТО, чтобы потом стать членом ЕС, заявил, что “Украина должна сама решать, куда ей вступать раньше: в Европейский союз (ЕС) или НАТО” [7].

Задним числом многие западные эксперты признавали негативное влияние расширения НАТО на присоединение Россией Крыма. Так, британское агентство *Reuters*, комментируя присоединение Крыма к РФ, отмечало, что “Россия давно выступает против расширения НАТО на восток, воспринимая его как угрозу собственной безопасности, и заявляет, что план Киева, нацеленный на более тесную связь с Западом, в том числе с военным альянсом и Европейским союзом, заставил ее на это отреагировать” [8].

Кроме того, по мнению некоторых западных экспертов, территориальные конфликты в странах СНГ, которые рассматривались НАТО в качестве потенциальных членов, автоматически снимают вопрос об этом с повестки дня альянса. После “пятидневной войны” 2008 г. Москва признала сепаратистские регионы Абхазию и Южную Осетию независимыми государствами, что значительно усложнило для НАТО возможность принять Грузию в свои ряды и взять обязательство защищать это разделенное государство [9]. То же самое можно сказать и об Украине. Вместе с тем жесткая реакция Кремля на процессы расширения ЕС и НАТО в СНГ лишь усиливает стремление Украины и Грузии присоединиться к этим организациям. Такое противоборство создает некий замкнутый круг,

в котором невозможно урегулировать противоречия между Россией, с одной стороны, и ее соседями и Западом, с другой.

Иными словами, и кавказский кризис, и украинский конфликт, которые называются европейскими лидерами главной причиной ухудшения отношений с РФ, в действительности являются не причиной, а следствием более глубоких проблем. Эти проблемы проистекают из разных представлений России и Запада об основах постбиполярной безопасности в Европе и соперничества на пространстве бывшего Советского Союза.

СТОЛКНОВЕНИЕ ДВУХ ПОДХОДОВ К ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Окончание двустороннего противостояния со всей остротой поставило вопрос об институциональных основах постбиполярной Европы. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) рассматривалась российским руководством после распада СССР как организация безопасности, концептуально более приспособленная к новым реальностям, чем НАТО. Прежде всего это объяснялось тем, что ОБСЕ была единственной организацией коллективной безопасности в Европе, где Россия обладала полноценным правом голоса и возможностью влиять на процесс принятия решений. Именно по этим причинам российское руководство отдавало ей предпочтение как главному институту европейской безопасности. Усилия России в 1990-е годы, направленные на повышение роли ОБСЕ в Европе и на превращение ее в “европейскую ООН”, были продиктованы в немалой степени разочарованием политикой НАТО на посткоммунистическом пространстве. Тем не менее реформы ОБСЕ (создание ряда новых органов при сохранении прежнего механизма принятия решений), предпринятые в начале 1990-х годов, не привели к кардинальным переменам и повышению ее роли в решении конкретных проблем европейской безопасности, что было со всей очевидностью продемонстрировано на первом этапе югославского кризиса.

Кроме того, российское руководство продолжало настаивать на сохранении принципа консенсуса из-за опасения остаться в меньшинстве при решении важных для российских интересов вопросов. Таким образом, создавался заколдованный круг, когда Россия выступала против реализации новой модели ОБСЕ, сторонницей которой она сама являлась. Контрпродуктивным для российских интересов было и излишнее акцентирование необходимости усиления ОБСЕ как альтернативы НАТО в качестве несущей конструкции европейской безопасности. Естественно, такая позиция вызывала жесткое сопротивление стран НАТО и прежде

всего США, выступавших против усиления ОБСЕ. Усилия РФ, направленные на повышение роли ОБСЕ и превращение ее в “европейскую ООН”, были продиктованы в середине 1990-х годов обеспеченностью Кремля возросшей ролью альянса в складывающейся системе безопасности в Европе [10, с. 149]. Фактически все посткоммунистическое пространство было разделено между двумя организациями – НАТО и ОБСЕ. Первая стала ответственной за страны Центральной и Восточной Европы, тогда как вторая – за страны СНГ. Это не могло в конечном счете не изменить отношения России к ОБСЕ, поскольку создавало впечатление, что это второразрядная организация для второразрядных стран.

В целом нужно отметить, что после окончания биполярности на Западе появилось достаточно пренебрежительное отношение к ОБСЕ, организации, сыгравшей важнейшую роль в укреплении стабильности в Европе. В частности, отмечалось, что “роль этой разрозненной конференции наций (а она, по сути, осталась конференцией, несмотря на изменение названия⁴) не могла быть никакой другой, кроме как дополняющей” [11]. Запад снисходительно относился к противоречивым попыткам России реформировать ОБСЕ, поскольку выбор в пользу несущей конструкции европейской безопасности для него был очевиден.

Руководство НАТО и политические лидеры стран, входящих в эту организацию, не рассматривали в принципе никаких иных институтов в качестве институциональной основы безопасности постбиполярной Европы. Кристоф Бертрам, известный немецкий политолог и журналист, достаточно откровенно выразил точку зрения, преобладающую в НАТО. “Когда исчез старый порядок холодной войны, – писал Бертрам, – мог исчезнуть и альянс. Военные пакты обычно длятся не дольше, чем угроза, которую они сдерживают. По мере того как стены рушились по всей Европе, многие надеялись, что теперь альянсы времен холодной войны будут заменены общеевропейской структурой безопасности, и немногие предвидели, что эта новая структура в конечном итоге должна быть представлена НАТО. Но так оно и вышло не только потому, что члены НАТО продолжали чувствовать себя комфортно в своей организации (курсив мой. – Н.А.), но и потому, что не существовало другой структуры, которая могла бы предложить реальную альтернативу им, а также многим другим государствам, которые сейчас ищут стабильной международной обстановки на континенте” [11]. Эта доста-

⁴ Первоначально Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (*Conference for Security and Cooperation in Europe*). Принято решение о переименовании СБСЕ с 1 января 1995 г. в ОБСЕ – Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе.

точно длинная цитата примечательна тем, что она очень понятно объясняет неготовность руководства НАТО к кардинальным переменам в системе европейской безопасности бюрократическими интересами этой организации.

Вместе с тем руководство НАТО сознавало, что традиционные цели, ради которых и создавался военный оборонительный союз Запада, были утрачены после окончания биполярности. *Первая цель* НАТО – защита Запада от потенциальной угрозы с Востока – СССР и Организации Варшавского Договора (ОВД). В условиях расколота на два враждебных лагеря Европы угроза с Востока была главным фактором, цементирующим атлантическую солидарность. Распад ОВД и Советского Союза, появление независимой России, заявившей о готовности к демократическим преобразованиям, лишили НАТО прежнего и единственного врага. Несмотря на противоречивое развитие РФ после распада СССР, ошибки и просчеты российского руководства как во внутренней, так и внешней политике, породившие на Западе опасения относительно непредсказуемости России, так называемый российский фактор, не могут играть ту же объединяющую роль, что и советская угроза, в обеспечении атлантической солидарности. Даже присоединение РФ Крыма не стало сигналом странам Запада для поворота к традиционному атлантизму. Мечта убежденных атлантистов в Европе о том, что трансатлантические отношения могут вернуться в первородное состояние, оказалась иллюзорной, потому что *status quo ante* относится к эпохе холодной войны и полной зависимости Западной Европы от американского союзника в сфере безопасности. *Вторая цель* НАТО – осуществлять контроль над Германией – утратила свою актуальность еще во времена холодной войны. Германия – демократическое и экономически процветающее государство, неотъемлемая часть альянса и Евросоюза и один из моторов европейской интеграции. Наконец, *третья цель* – обеспечивать присутствие США в Европе – объективно претерпела радикальные изменения в силу как развития европейской интеграции в сфере общей внешней политики и политики безопасности, так и смещения интересов безопасности Соединенных Штатов в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона.

Таким образом, *новая цель* была найдена в процессе расширения на страны Центральной и Восточной Европы. Иными словами, расширение на восток было выбрано как новая функция НАТО, которая должна была бы дать второе дыхание организации, причем без радикальных перемен.

Формально отношения с Россией, с точки зрения руководства альянса, были улажены подписанием Основопологающего акта в 1997 г.

и созданием Постоянного совместного совета, не выдержавших первого серьезного испытания – козовского кризиса. По иронии судьбы военная операция НАТО против Югославии в 1999 г. была первой операцией, расширившейся НАТО, что лишь подтвердило подозрения Москвы относительно истинного смысла расширения этой военной организации.

Оставляя за скобками вопрос о том, может ли в принципе процесс заменить цель, следует признать, что решение о расширении НАТО означало в конечном счете победу традиционных взглядов на европейскую безопасность, несмотря на всю риторику о неделимости этой безопасности после окончания биполярности. Важно отметить и психологический аспект этого процесса. Поскольку расширение воспринималось Россией в штыки и неизменно вызывало самую жесткую реакцию российской политической элиты, оно культивировало некий конфронтационный климат, который поддерживал НАТО в ее традиционном измерении. Сегодня, оглядываясь назад, можно со всей определенностью сказать, что отношения РФ с НАТО и Западом в целом развивались в соответствии с логикой самооправдывающихся пророчеств. Рост антинаатовских настроений в России, с которыми приходилось считаться даже Борису Ельцину, время от времени раздражавшемуся гневными тирадами “Россия не допустит!” в адрес НАТО и Вашингтона, убеждал Запад в правильности избранного пути. Откровенное же игнорирование руководством НАТО российской позиции еще больше подливало масло в огонь взаимных подозрений. Главной же причиной негативного отношения России к расширению НАТО являлось то, что это был процесс “с открытым продолжением”, что вызывало подозрения Кремля, как оказалось небезосновательные, о продвижении альянса на пространство СНГ.

Постсоветское пространство не сразу превратилось в одну из главных арен международных противоречий между Россией и Западом (ЕС, НАТО/США). Стратегия Европейского союза после исчезновения “коммунистического блока” была сосредоточена главным образом на странах так называемой народной демократии и имела целью интегрировать восемь бывших коммунистических стран в Центральной Европе и Балтии. В основе этой стратегии лежали в первую очередь соображения безопасности. Война в Югославии продемонстрировала конфликтный потенциал, скрытый в странах посткоммунистической трансформации. Через интеграцию бывших социалистических стран Центральной Европы Евросоюз стремился обезвредить этот конфликтный потенциал в непосредственной близости. Он стабилизировал восточных соседей путем их поглощения

и приведения их институтов в соответствие со своими собственными институтами [12, р. 5].

В принципе отношения ЕС с соседними государствами предполагают три уровня отношений: сотрудничество, ассоциацию и полное членство. Первоначально пространство бывшего СССР было исключено из стратегии расширения ЕС. Единственным исключением стала Молдавия. Она была отнесена к региону Юго-Восточной Европы (ЮВЕ), который также был включен в региональную стратегию Евросоюза – Процесс ассоциации и стабилизации, не предусматривавший автоматического членства в ЕС. В отличие от стран ЦВЕ и ЮВЕ, с Россией⁵ и 10 бывшими республиками СССР, входящими в СНГ (кроме Таджикистана), Европейским союзом были заключены типовые соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС), самый низкий формат отношений с третьими странами.

Разумеется, в Брюсселе признавали важность России как ближайшего соседа. В связи с этим руководством ЕС в середине 1990-х годов был взят курс на включение РФ в “Большую Европу”, однако ни в ЕС, ни в России не было четкого концептуального видения целей и сути этой инициативы. Она носила общий благожелательный характер, который хорошо отражен в высказываниях известных политических деятелей Европы, членов Комиссии “За Большую Европу”, сделанных на заседании Комиссии в Москве в 1994 г.: “Помочь России установить сильные и долговременные связи сотрудничества должно стать приоритетной задачей европейцев” (Жак Ширак, председатель Комиссии “Большая Европа”); “Даже ниже уровня членства (в ЕС) может быть достигнут очень высокий уровень интеграции” (Отто Фон Ламбсдорф, председатель Либерального интернационала); “Россия, несомненно, имеет право быть в Европе, если она хочет этого” (Алоис Мок, министр иностранных дел Австрии, председатель Европейского демократического союза) [13, р. 9, 29, 19].

В отличие от НАТО, Россия в своем отношении к расширению Европейского союза исходила из того, что европейская интеграция – закономерный, объективный процесс в развитии Европы, способствующий расширению зоны стабильности и экономического процветания на Европейском континенте. В основе такого благожелательного отношения лежали ожидания того, что расширение ЕС является альтернативой экспансии НАТО. Однако этого не произошло.

⁵ СПС между Россией и ЕС было заключено в 1997 г. на 10 лет и автоматически продлено в 2007 г. СПС должно было заменить новое Соглашение о стратегическом партнерстве, переговоры по которому были заморожены после присоединения Россией Крыма.

Интерес Запада – и ЕС, и НАТО – к пространству СНГ возник только после того, как страны ЦВЕ были благополучно возвращены в лоно европейской и евро-атлантической интеграции, а балканские страны находились в процессе экономической и политической демократизации. После распада СССР в начале 1990-х годов ни ЕС, ни НАТО не выражали никакого желания участвовать в разрешении конфликтов на территории новых независимых государств (ННГ) в СНГ, предоставляя России самой разбираться со своим “ближним зарубежьем”. Оглядываясь назад, можно признать, что это была недальновидная политика, упустившая шанс сотрудничества с РФ в миротворческих операциях. Ее участие в миротворческой операции НАТО в Боснии осталось фактически единичным положительным примером такого сотрудничества, поскольку формат миротворческой операции в Косово лишь усилил разногласия между Россией и западными партнерами.

Однако когда России удалось стабилизировать это пространство (чаще всего силовым методом через замораживание конфликтов), и Европейский союз, и НАТО стали проявлять интерес к вовлечению постсоветских государств, за исключением РФ, в свои региональные стратегии. Тема возрождения “российского экспансионизма” была движущей силой региональных стратегий двух организаций. Одержимость Запада угрозой неоимперских поползновений Кремля укрепляла антизападные настроения в российском обществе и ощущение осажденной крепости, создавая ситуацию порочного круга.

Вместе с тем нельзя не признать, что Россия несет ответственность за то, что неудачи на пути демократических преобразований вновь породили у ее соседей чувства неуверенности и страха. Ей некого винить, кроме себя, за то, что не была своевременно сформулирована новая, реалистичная концепция европейской безопасности. Только руководство страны виновато в том, что не смогло выстроить новые отношения с бывшими республиками СССР и скатилось к самой контрпродуктивной модели отношений, основанной на экономических бонусах взамен политической лояльности. И, наконец, начав первую чеченскую войну, Москва дала повод как Западу, так и соседним государствам использовать “непредсказуемость” России для скорейшего расширения НАТО.

Уже в 1993 г. министр иностранных дел Андрей Козырев подлил масло в огонь западных подозрений, определив область “ближнего зарубежья” как “уникальное, в своем роде, геополитическое пространство, которому никто, кроме России, не может принести мир”, что было расценено Западом как заявление о недопущении в этот регион

“третьих стран”. Ельцинское руководство хотело, чтобы СНГ было отнесено к разряду международных организаций со статусом наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН. Стремясь заручиться поддержкой Запада в отношении операций по поддержанию мира, проводимых РФ и другими государствами СНГ на постсоветском пространстве, А. Козырев предпринял вторую попытку на встрече лидеров государств – членов ОБСЕ в Будапеште в декабре 1994 г., что возбудило у западных стран подозрения по поводу целей Москвы, касающихся данного региона [14].

В конечном счете недоверие и подозрительность в отношении истинных намерений друг друга преопределили превращение СНГ в зону соперничества России и Запада наряду с Большим Ближним Востоком и Южной Азией. Причем стало очевидно, что соперничество в этом регионе могло выйти за рамки экономического и политического и принять форму военного противостояния ведущих держав и их союзов в конфликтных зонах. Новая конфронтация России и Запада с непредсказуемыми последствиями стала реальностью, что со всей очевидностью было продемонстрировано в период кавказского кризиса и украинского конфликта. Однако сами разногласия между двумя акторами вокруг системы европейской безопасности и места в ней постсоветских государств, породившие эти конфликты, являются следствием более глубоких причин.

КТО ПРОИГРАЛ ХОЛОДНУЮ ВОЙНУ?

30 лет прошло со времени распада СССР, который ознаменовал конец биполярной эпохи, а споры о том, кто проиграл холодную войну, не утихают ни в России, ни на Западе. Есть определенная путаница в понятиях. Окончание холодной войны между горбачевским Советским Союзом и Западом ознаменовалось принятием Парижской хартии для новой Европы в ноябре 1990 г. Однако оно не означало окончание биполярности, которое произошло спустя год с распадом СССР. Близость по времени этих двух событий воспринимается многими как одно явление. Во всяком случае, сложилось мнение, что, проиграв холодную войну, Советский Союз был обречен, то есть, распавшись, он и является проигравшей стороной.

Известный американский историк Джон Льюис Гэддис, написавший блестящее исследование о холодной войне, считал между тем, что разрядка международной напряженности продлевала жизнь Советскому Союзу [15]. С этим можно поспорить, поскольку разрядка международной напряженности была неестественной “средой обитания” СССР, созданного для конфронтации с Западом. И хотя горбачевский Советский Союз существенно отличался от сталинского и даже брежневского,

разрядка размывала его системные основы, лишая смысла существования. Горбачевская реформа была в большой степени импровизацией, стремлением к социализму “с человеческим лицом”, пониманием того, что жить в конфронтации со всем миром нельзя. Михаил Горбачев не ставил целью уничтожение СССР, он хотел реформировать то, что реформировать нельзя было по определению. Самодержавная система в советском исполнении, не являясь очень изощренной по своему замыслу, имела свою железную логику и даже определенную гармонию. Именно по этой причине невозможно было вынуть из ее фундамента даже один кирпич, не обрекая все здание на разрушение. Сталин понимал это очень хорошо, поэтому железный занавес должен был защитить советскую конструкцию от “вредного влияния” западного либерализма. Перестройка, новое политическое мышление были несовместимы с конструкцией, предназначенной только для холодной войны. Советский Союз проиграл не холодную войну, а разрядку, показавшую неэффективность советской экономической и политической модели в нормальных, невоенных и неконфронтационных условиях.

Вопрос о том, кто проиграл холодную войну, а кто ее выиграл, не только имеет теоретическое и философское значение, но напрямую связан с эволюцией постбиполярных международных отношений, прежде всего отношений России с основными центрами силы Запада – ЕС, НАТО/США. Мировые войны, а холодная война была мировой войной двух систем, заканчивались, как правило, мирными конгрессами, на которых страны-победительницы устанавливали новый мировой порядок. Страны Запада, прежде всего США, считали себя по умолчанию победившей стороной в холодной войне, а Россию проигравшей. Окончание биполярности стало мощным стимулом для развития европейской интеграции и обусловило появление самого Европейского союза, пришедшего в 1993 г. на смену Европейскому экономическому сообществу. Руководство НАТО праздновало победу, поскольку пережило своего соперника – Организацию Варшавского Договора, и считало, что именно по этой причине Североатлантический альянс должен быть основой европейской безопасности. Идея необходимости нового мирового порядка после крушения двусторонней конфронтации не значилась в повестке дня ни США, ни НАТО, ни ЕС. Более того, Хельсинкский декалог, 10 знаменитых принципов Хельсинкского заключительного акта, стал восприниматься в Европе и США как анахронизм. Таким образом, исчезли общие правила международно-политического поведения держав, соблюдения которых в годы двустороннего противостояния являлось гарантией предотвращения конфликтов в Европе.

Главным триумфатором в победе над Советским Союзом ощущали себя США, провозгласившие себя “полюсом демократии и свободы”. Триумфализм Америки после холодной войны имел две разные модели, но ни одна из них не ставила целью перестройку международных отношений в соответствии с новыми реальностями. Первой была модель Билла Клинтона, которая продвигала программу процветания рыночных ценностей в глобальном масштабе. Норвежский ученый Одд Арне Вестад, специализирующийся на истории холодной войны, отмечал, «что отсутствие международно-политических целей в этой модели было поразительным, но ее внутривластные инстинкты, вероятно, были правильными: американцы устали от внешних обязательств и хотели получить “дивиденды от мира”». Вторая — модель Джорджа Буша. Если президент Клинтон делал упор на процветание, президент Буш делал упор на превосходство (США. — Н.А.). Модель Буша формировалась советниками по внешней политике, которые думали о мире преимущественно в терминах холодной войны, подчеркивая важность проекции силы, контроля над территориями, а также смены режимов [16]. Иными словами, руководители Соединенных Штатов, провозгласивших себя победителем в холодной войне и лидером свободного мира, не озадачивались ни в первом, ни во втором случае проблемами нового мироустройства.

Немаловажно и то, что и в США, и в Европе, несмотря на поддержку российских демократов-реформаторов, в действительности существовало несколько снисходительное, если не сказать пренебрежительное отношение к постсоветской России. Если во времена холодной войны ни один международный вопрос любой важности не мог быть решен, по словам министра иностранных дел Андрея Громыко, “без Советского Союза или в противовес ему”, то после распада СССР этот фактор, раздражающий Запад, исчез. Россия, вышедшая из СССР, воспринималась и в США, и в Европе как слабое и зависимое государство, утратившее статус великой державы. Майкл Мандельбаум, известный американский политолог, отмечал, что “через шесть лет после распада Советского Союза пришедшее на смену российское правительство было слабым, более слабым, чем его царские и коммунистические предшественники, и значительно слабее, чем его западные партнеры” [17].

Критически оценивая западную политику на российском направлении, Мандельбаум подчеркивал: “Подход Запада к России не был, как во времена холодной войны, подходом активной и принципиальной вражды... Однако, исходя из инициативы НАТО и ЕС, подход Запада к России также нельзя было назвать политикой активных действий. Через шесть лет после распада Советского Союза дверь

на Запад для России не была закрыта; но при этом она не была и широко распахнута. В любом случае посткоммунистическая Россия еще не была в состоянии уверенно войти в эту дверь. *Однако, когда и если она будет готова к этому — и даже до этого — российская внешняя политика... не будет определяться только Россией* (курсив мой. — Н.А.)” [17]. В Европе этот подход наиболее прямолинейно выразил в свое время известный английский политолог Лоренс Фридман: «Нет более никакой конкретной причины классифицировать Россию как “великую державу”, — писал он. — ...Поэтому она не может более ожидать привилегий, уважения и особой деликатности в отношении к ее интересам, которые обычно оказываются великой державе» [18, р. 26]. Несомненно, высокомерное отношение США и Европы к России создавало взрывоопасный потенциал на будущее.

Отчасти такое отношение Запада к РФ объяснялось тем, что там просто не понимали, чего она хочет, каковы ее внешнеполитические цели и ресурсы. В течение двух лет российское руководство не выдвинуло ни одной более или менее реалистичной и разумной инициативы по разрешению конфликтов, контролю над вооружениями или реформированию международных организаций, которое помогло бы в решении возникших по окончании холодной войны проблем. Стоит напомнить, что первая важная инициатива России на этом направлении — Договор о европейской безопасности (ДЕБ) — была выдвинута президентом Дмитрием Медведевым лишь 20 лет спустя, когда международная обстановка была уже не такой благоприятной. Российское предложение о региональном пакте, “который бы опирался на принципы устава ООН и внес бы окончательную ясность в значение фактора силы во взаимоотношениях в Евроатлантическом сообществе” [19], вызвало шквал критики Запада. Эта инициатива была воспринята как попытка расколоть НАТО и создать новые сферы влияния в Европе.

Будучи достаточно неопытным (в отличие от того же Горбачева) во внешнеполитических вопросах, президент Б. Ельцин рассматривал новые отношения России с США, которые олицетворяли для него весь Запад, как главное и единственное условие “большого скачка” — быстрой интеграции России в западные структуры. По сути, это означало, что в начале 1990-х годов администрация Ельцина не проводила никакого различия между ЕС и НАТО — Москва считала обе эти структуры единой составной частью возглавляемого Соединенными Штатами западного сообщества.

Представляется, что президент Б. Ельцин и его ближайшая команда подсознательно восприняли подчиненное положение России Западу, хотя ре-

ально для этого не было никаких причин. В области внешней политики задача налаживания “новых отношений” с Западом строилась главным образом на декларации приверженности России общим человеческим ценностям, что при всей правильности провозглашаемых принципов не могло заменить определение конкретных внешнеполитических приоритетов и целей. Так, А. Козырев выдвинул концепцию “стратегической демократической инициативы России” в противовес “новому политическому мышлению” Горбачева—Шеварднадзе. Название концепции было дано по аналогии с рейгановской стратегией “Звездных войн”⁶. Претензия на остроумие и словесная эквилибристика, желание понравиться западным коллегам и подчеркнуть непохожесть на советских дипломатов превалировали в деятельности первого министра иностранных дел России над содержанием российской внешней политики. Этим же целям были подчинены и публичные выступления президента России. Так, в первом обращении президента Ельцина к Совету Безопасности ООН 31 января 1992 г. отмечалось: “Наши принципы очень просты и понятны: господство демократии, человеческих прав и свобод, закона и морали” [20]. Силовое антиконституционное решение внутриполитического кризиса в Москве в октябре 1993 г., случившееся всего лишь несколько месяцев спустя после этого обращения, девальвировало слова президента России и напугало Запад.

Иными словами, в первое десятилетие существования постсоветской России по широкому спектру вопросов Кремль просто воспринимал политическую линию Запада. Такая политика не могла не стать уязвимой мишенью для нападок со стороны антизападной националистической оппозиции, которая критиковала МИД за то, что интересы России “преданы” в угоду Западу. Наконец, такая политика не имела широкой поддержки внутри страны. Российский политический маятник был обречен на движение от сотрудничества с Западом в противоположную сторону.

Оглядываясь назад, можно с уверенностью сказать, что и Россия, и Запад в равной степени проиграли постбиполярный мир. Запад — высокомерным отношением к России и нежеланием менять что-то в своей политике по существу, а Россия — провалом на пути демократических преобразований и стремлением восстановить статус великой державы, подобный советскому, восстанавливая отношения холодной войны. «В результате взаимных разочарований опытом отношений последних полутора десятилетий, — пишет академик Алексей Арбатов, — и в России, и в США пришла носталь-

гия по простому двумерному мирозданию “холодной войны”. Немало нынешних российских теоретиков, восполняя ушибленные догмами истмата советское образование, с восторгом неофитов открывают для себя столетней давности идеи Хэлфорда Маккиндера и просвещают других по части “извечной борьбы морских и континентальных держав” и неизбывной вражды “западно-христианского материализма” к “восточно-православной духовности”. На Западе тоже хватает проповедников представлений о России как о “врожденно-авторитарной, полуазиатской и империалистической” державе» [21, р. 13]. Тем не менее незавершенность эпохи биполярности в Европе остается важнейшей задачей, которую все равно когда-нибудь придется решать России, Европейскому союзу, НАТО и США.

ПОДВЕШЕННЫЙ ВЫБОР

Приближаясь к сердцевине “матрешки”, раскрывающей глубинные причины несостоявшегося партнерства РФ и Европы, нельзя обойти вопрос о том, почему европейский выбор постсоветской России не стал окончательным и бесповоротным. Следует оговориться, что само понятие европейского выбора или европейского пути гораздо шире отношений России с Европейским союзом. С прикладной точки зрения европейский вектор — это императив модернизации России, превращение ее в современное или европейское демократическое государство. В более широком историко-философском плане европейский вектор — это возвращение России в Европу, к своим европейским корням.

Распад Советского Союза, ознаменовавший крах биполярности, коренным образом изменил международные отношения в Европе и во всем мире. Выход России на международную арену как нового независимого государства со всей остротой поставил перед российским руководством необходимость определения ее дальнейшей судьбы, поиска наиболее эффективной модели политического и социально-экономического развития, национальной идентичности, четкой внешнеполитической стратегии, основанной на ясном понимании долгосрочных национальных интересов и адекватной оценке собственных возможностей для их обеспечения. Иными словами, как и в конце XIV и XV вв., в начале XVII и начале XX в., на рубеже 1990-х годов Россия стремилась обрести новую экономическую и политическую систему, геополитическое пространство, идеологию и национальное самосознание, политических союзников и экономических партнеров за рубежом [22, с. 16].

Применительно к внешней политике, а в более широком смысле национальной стратегии безопасности задача российского руководства состо-

⁶ На английском языке обе инициативы имеют одинаковое сокращение *SDI*.

яла в том, чтобы определить место и роль России в новой постбиполярной системе международных отношений, осознать и сформулировать ее национальные интересы и последовательно реализовывать и защищать их на международной арене.

Формирование внешнеполитических интересов государства само по себе представляет собой нелегкий процесс осознания потребностей государства, но этот процесс приобретает особую сложность на крутых переломах истории. «В каждую эпоху, — писал Гегель, — оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху возможно и необходимо принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния. В сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью или свободой настоящего» [23, с. 7, 8].

Несомненно, что после устранения идеологических барьеров в Европе одна из важнейших внешнеполитических потребностей России была связана с европейским или евро-атлантическим направлением, где российскому руководству предстояло выстраивать отношения с бывшими оппонентами Советского Союза — ведущими странами Запада и их институтами.

Формирование внешнеполитических целей на этом направлении в огромной степени зависело от определения Россией своей идентичности. На протяжении всей своей истории, будучи расположенной на «перекрестке» Европы и Азии, она представлялась внешнему миру совершенно особенной страной. История истекшего тысячелетия показывает, что особое географическое положение России как сердцевины Евразии неизменно влияло на ее геополитическую эволюцию, внутреннее развитие и внешнюю политику.

Независимо от существующих политических определений Европы, которые могут включать или не включать Россию, она исторически, культурно и географически — неотъемлемая часть европейской цивилизации. Однако, несмотря на это, Россия всегда оставалась самой отдаленной частью Европы и, по сути дела, никогда не была действительно интегрирована в ее социально-экономическую жизнь.

Противоречивая и трагическая история России, неоднократно уводившая ее в сторону от объективных процессов европейского развития, создавала благодатную почву для различных мифов, идеологических и политических измышлений на тему ее уникальности, неповторимой системы ценностей, ее особой «миссии» в мире. Вполне понятно, что дебаты о российском пути и выборе

приобрели как остроту, так и политический смысл именно после распада Советского Союза и всей коммунистической системы.

Драматизм исторического развития России, европейской страны по своей цивилизационной идентичности, состоит в том, что она на 250 лет была отрезана от остальной Европы монгольским игмом, затянувшимся крепостничеством и непоследовательными реформами, обусловившими ее социально-экономическую отсталость. Монгольское иго сыграло особую роль в дальнейшем развитии России, поскольку заложило основы российского самодержавия, сделав упор на централизацию власти, личную лояльность единственному правителю, строгую социальную иерархию, милитаризацию нации и огромный репрессивный аппарат. Позже сверху этого конструкта была приделана идеологическая надстройка — мессианское обоснование отсталости России великими целями и особым предназначением судьбы Российской/Советской империи. Однако всякий раз, когда предоставлялась возможность, советский/российский народ демонстрировал удивительные примеры модернизационного рывка, расцвета науки и культуры.

Миф о «несовместимости» России и Европы традиционно использовался правящей элитой в царской России и позднее (уже под новым идеологическим знаменем) в СССР, для того чтобы оправдать неэффективность существующего экономического и политического строя и, следовательно, отсталость страны в сравнении с цивилизованным миром. Эта концепция имеет обыкновение возрождаться каждый раз, когда Россия не может стать передовой державой по существующим современным стандартам и чувствует необходимость оправдывать свою отсталость с помощью метафизических теорий, будь то «Москва — Третий Рим» или неоевразийство. Нарастающая в современной России волна ностальгии по былому имперскому величию вновь обращается к российской особости, смысл которой состоит в том, что она — не Европа. Как пишет известный политик-антизападник Сергей Бабурин, «идея развития Русской земли и как территории, и как государства определяла внешнюю и внутреннюю территорию России на протяжении нескольких веков... Эта идея лежала в основе политической доктрины «Москва — Третий Рим», была и остается стержнем современного русского самосознания... Рассматривая территорию как один из основных признаков любого государства, следует подчеркнуть, что трагедия 1991 г. заключается не только в том, что некоторые внутренние административные границы стали государственными. Главное состоит в том, что Россия, носившая в XX в. имя Советский Союз, единый организм, единая культура, единая цивилизация оказались разорванными на несколь-

ко частей» [24, с. 407, 408]. Представляется, что сторонники подобных взглядов в России не понимают причин распада Советской империи. Основанием развала Советского Союза стал не только крах всей коммунистической системы, но и само крушение исторической, политической и экономической идеи, основанной на особости ее миссии в мире. «Парадокс российской истории заключается в неизменном раздвоении между мессианским порывом и постоянной неуверенностью в собственной безопасности. Будучи в конечном счете глубоко порочным, это раздвоение порождало страх того, что, если империя перестанет расширяться, она взорвется “внутрь”», — писал известный американский историк и политический деятель Генри Киссинджер [25, р. 143].

Распад СССР открыл для России возможности ее экономической и политической модернизации и возвращения в Европу как современного процветающего государства. К сожалению, эти возможности не были использованы реформаторами 1990-х годов. Более того, их просчеты в выборе экономической модели в большой степени дискредитировали понятия рынка, демократии и сотрудничества с Западом. Эти просчеты в полной мере можно объяснить отсутствием реформаторского опыта нового российского руководства, пришедшего на волне революционных преобразований, но вышедшего из “советской шинели”. Посчитав сам факт своего прихода к власти победой демократии, новое руководство при всех благих намерениях стало править, по сути, прежними, авторитарными методами. Создавая рыночную экономику любой ценой (шоковой терапией), реформаторы рассчитывали, что волшебная рука рынка преобразует и политический фундамент постсоветской России. Сделав шаг в сторону развития парламентаризма, они подстраховались и поставили институт президентства над разделением властей, заложив в Конституцию 1993 г. авторитарный механизм, создав гибридную форму государственности с элементами самодержавия и неразвитой демократии. Императив последовательной европеизации России был подменен наивно-прагматическим расчетом “заграница нам поможет” [26].

Программа “шоковой терапии” была навязана неподготовленному обществу силой, типично неолевелювистскими методами, без широкого профессионального обсуждения, без формирования широкого политического консенсуса, необходимого для успешного проведения реформ [10, с. 17]. Политический кризис в октябре 1993 г. — противостояние так называемых реформаторов под руководством Б. Ельцина и Верховного Совета — имел и экономическое измерение, являясь реакцией на отсутствие политического консенсуса по проводимым реформам. Вызвав взрыв неслыхан-

ной инфляции в 1992–1993 гг., который отбросил огромную часть населения за черту бедности, правительство заиклилось на борьбе с инфляцией, закручивая финансовые гайки, отменяя субсидии и пособия, не выдавая зарплату и пенсии, жестко урезая государственные социальные программы. Кризис 1993 г. поставил страну на грань гражданской войны. Силовое решение и последующий роспуск Верховного Совета не только не устранили оппозицию курсу реформ, но и сплотили ее, вызвав рост консервативных и антизападных настроений, что отразилось на составе Государственной думы и на увеличивающейся пропасти между руководством страны и основной частью населения.

Еще одним из важнейших политических последствий реорганизации экономики и перераспределения собственности в 1990-е годы было становление олигархической модели отношений бизнеса и власти, которая строилась на семейственности и продавливании тех или иных решений узкой группой лиц, приближенных к президенту. Кроме того, быстрыми темпами шел процесс сращивания крупного бизнеса с высшими эшелонами государственной бюрократии, предопределивший чудовищный рост коррупции на всех уровнях власти, которая конвертировалась в деньги. Таким образом, уже в 1990-е годы стала складываться политическая и экономическая модель современной России. Это, во-первых, доминирование института президентства над разделением властей и, во-вторых, экспортно-сырьевая ориентация экономики, которая по определению является моделью авторитарной политической системы. Такая модель в конечном счете неумолимо ведет к переориентации на Азию, потому что там более обещающие в долгосрочном плане рынки сбыта энергоэкспорта, благожелательное или, как минимум, равнодушное отношение к авторитаризму и национализму во всех их проявлениях.

Конечно, современная Россия — не Советский Союз. Она имеет рыночную (хотя и неразвитую) экономику, все атрибуты демократического государственного устройства. Однако они еще не наполнены реальным содержанием. Кроме того, происходит ползучая реставрация многих свойств советской однопартийной системы, представленной новой “номенклатурой”, расширяются полномочия органов безопасности, суда и правоохраны в общественной жизни, тратятся огромные средства для наращивания военной мощи, идет реабилитация сталинизма. Возрождаются православно-имперская идеология, мифология и державная традиция царской России как противоядие европейскому либерализму. Иными словами, восстанавливается традиционная российская конструкция под новой крышей.

Уход России с европейского пути случался не раз в ее истории, но все же после зигзагов и аберраций она возвращалась на прежний путь.

ЧТО НАС ЖДЕТ ЗА ПОВОРОТОМ?

В условиях глубокого раскола между Российской Федерацией и Европейским союзом вряд ли можно надеяться на их полнокровное сотрудничество, прежде всего в международно-политической сфере. Лишь там, где интересы РФ и ЕС совпадают, какими бы ни были их мотивы, возможно точечное взаимодействие, как это было продемонстрировано в ходе сотрудничества по спасению ядерной сделки с Ираном. Иными словами, избирательное сотрудничество – это максимум, на что будут способны обе стороны в обозримом будущем. Изменения сложившейся парадигмы потребует кардинальных перемен как от Евросоюза, так и от России.

Одним из условий поворота к нормализации отношений между партнерами является урегулирование украинского конфликта в формате Минских соглашений, которое может снять болезненный для них вопрос санкций. Однако, как было изложено выше, глубинные корни сегодняшнего разлада в отношениях России и Евросоюза поднимают и другие пласты в противоречиях партнеров. Россия хотела бы получить от Запада гарантии того, что НАТО не вторгнется на пространство СНГ, но западные державы не могут дать таких гарантий “поверх голов” Украины и Грузии. Для этого нужна новая общеевропейская конференция для обсуждения и выработки правил для постбиполярной Европы. Однако это невозможно сделать без урегулирования украинского конфликта. Таким образом, складывается порочный круг, из которого, как кажется, нет выхода. Но выход есть. Он связан с организацией международной миротворческой операции под эгидой ООН на территории Украины

в коридоре, который разделяет противоборствующие стороны. Согласование такой операции между РФ и европейскими партнерами могло бы стать той ниточкой, потянув за которую можно было бы начать распутывать весь клубок противоречий.

Представляется, что немаловажную роль формирования новой повестки дня в отношениях Европейского союза и России будет играть динамика их собственного внутреннего развития. Сумеет ли Евросоюз укрепить свои международные позиции и превратиться в реальный центр силы? Сумеет ли руководство ЕС преодолеть внутренний раскол между “старой и новой Европой”, между севером и югом, между еврооптимистами и евроскептиками, справиться с последствиями выхода Великобритании, пандемии и обрести в результате стратегическую автономию? Что касается России, то ее отношения с Евросоюзом будут зависеть от вектора ее внутреннего развития, прежде всего переосмысления евразийского пути развития, отказа от антизападничества и принятия своей европейской идентичности. Определенный оптимизм внушают слова Владимира Путина, сказанные на Давосском форуме (январь 2021 г.). Президент России поддержал “позицию выдающегося европейского политического деятеля, бывшего канцлера Гельмута Коля, который говорил о том, что если европейская культура хочет сохраниться и остаться одним из центров мировой цивилизации в будущем... то, конечно, Западная Европа и Россия должны быть вместе. Трудно с этим не согласиться. Мы придерживаемся точно такой же точки зрения и позиции” [27].

Статья опубликована в рамках проекта “Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество” по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Арбатова Н.К., отв. ред. *Отношения Евросоюз–Россия и Украинский кризис*. Москва, ИМЭМО РАН, 2014. 183 с. [Arbatova N.K., ed. *Otnosheniya Evrosoyuz–Rossiya i Ukrainskii krizis* [The EU-Russia relations and the Ukraine crisis]. Moscow, IMEMO, 2014. 183 p.] Available at: <https://www.imemo.ru/publications/info/eu-russia-relations-and-the-ukrainian-crisis-arbatova-nk-ed-moscow-imemo-ran-2014-183-r> (accessed 05.02.2021).
2. Alexandrova-Arbatova N. The EU-Russia partnership: a new context. *European Strategic Partnerships Observatory*. Egmont-FRIDE, Policy brief 5, July 2012. Available at: http://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2014/01/PB5_EU_RUSSIA_PARTNERSHIP.pdf (accessed 05.02.2021).
3. “Восточное партнерство”: проблемы реализации и возможные последствия. *Материалы заседания Экспертного совета Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств*. 19 ноября 2009 г. [Eastern Partnership: Problems of Implementation and Possible Consequences. Proceedings of the meeting of the Expert Council of the Federation Council Committee on the Commonwealth of Independent States. November 19, 2009. (In Russ.)] Available at: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f243fdc22b87385.pdf> (accessed 05.02.2021).
4. Рар А. Многие хотят вернуться в холодную войну. *Взгляд*, 02.04.2014. [Rar A. Many want to return to the Cold War]. *Vzglyad*, 02.04.2014.] Available at: <https://vz.ru/world/2014/4/2/680168.html> (accessed 05.02.2021).

5. Kearns J. Kissinger's Cold War Lessons for the EU's Eastern Partnership. *ELN*, February 19, 2014. Available at: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/commentary/kissingers-cold-war-lessons-for-the-eus-eastern-partnership/> (accessed 05.02.2021).
6. Шрёдер назвал расширение НАТО причиной возвращения Крыма в состав России. *Коммерсант*, 17.01.2021. [Schroeder called the expansion of NATO the reason for the return of Crimea to Russia. *Kommersant*, 17.01.2021. (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4652261> (accessed 05/02/2021).
7. США: Украина должна сама выбрать между ЕС и НАТО. *Росбалт*, 21.03.2009. [USA: Ukraine must choose between the EU and NATO. *Rosbalt*, 21.03.2009. (In Russ.)] Available at: <https://www.rosbalt.ru/ukraina/2009/03/21/627819.html> (accessed 05/02/2021).
8. Russia would react to NATO build-up near borders: minister. *Reuters*, 09.06.2014. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-ukraine-crisis-russia-nato-idUSKBN0EK0VJ20140609> (accessed 07.02.2021).
9. Croft A. NATO unlikely to grant Georgia step to membership: diplomats. *Reuters*, 20.06.2014. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-nato-georgia-idUSKBN0EV1HZ20140620> (accessed 07.02.2021).
10. Арбатова Н. К. *Национальные интересы и внешняя политика России: европейское направление (1991–1999)*. Москва, ИМЭМО РАН, 2005. 185 с. [Arbatova N.K. *Natsional'nye interesy i vneshnyaya politika Rossii: evropeiskoe napravlenie (1991–1999)* [National interests and foreign policy of Russia: European direction (1991–1999)]. Moscow, ИМЭМО, 2005. 185 p.]
11. Bertram C. Why NATO must enlarge. *NATO Review*, March 1997, vol. 45, no. 2, pp. 14–17. Available at: <https://www.nato.int/docu/review/1997/9702-4.htm> (accessed 07.02.2021).
12. Ehrke M. The European Union and the Post-Communist Sphere. *Compass 2020*. Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/iez/05160.pdf> (accessed 10.02.2021).
13. "No Great Europe without Russia-No Great Russia without Europe". Report of the Commission for the Greater Europe. Helsinki, Suomen kansallisviestintä Oy, 1994 (Gummerus Printing 1995). 121 p.
14. Козырев А. Россия фактически в одиночку несет бремя реального миротворчества в конфликтах по периметру своих границ. *Независимая газета*, 22.09.1993. [Kozyrev A. Rossiya fakticheski v odinochku neset bremya real'nogo mirotvorchestva v konfliktakh po perimetru svoikh granits [Russia actually alone bears the burden of real peacekeeping in conflicts along the perimeter of its borders]. *Nezavisimaya gazeta*, 22.09.1993.] Available at: <https://yeltsin.ru/day-by-day/1993/09/22/28290/> (accessed 10.02.2021).
15. When worlds collided. *The Guardian*, 07.01.2006. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2006/jan/08/historybooks.features> (accessed 10.02.2021).
16. Westad O.A. The Cold War and America's Delusion of Victory. *New York Times*, 28.08.2017. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/08/28/opinion/cold-war-american-soviet-victory.html> (accessed 10.02.2021).
17. Mandelbaum M. Introduction: Russian Foreign Policy in Historical Perspective. *Council on Foreign Relations*. Available at: <https://www.cfr.org/excerpt-new-russian-foreign-policy> (accessed 10.02.2021).
18. Freedman L. The new Great Politics. *Russia and the West: The Twenty First Century Security Environment*. Arbatov A., Kaiser K., Legvold R., ed. Armonk, New York, Sharpe, 1999, pp. 21–43.
19. *Speech at Meeting with German Political, Parliamentary and Civic Leaders*. June 5, 2008. Berlin. Available at: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dv/d_ru_20080617_04/_D_RU_20080617_04_en.pdf (accessed 11.02.2021).
20. *Выступление Президента РФ Бориса Ельцина на заседании Совета Безопасности ООН 31.01.1992 г.* [Speech by Russian President Boris Yeltsin at a meeting to the UN Security Council 31.01.1992. (In Russ.)] Available at: <https://news.un.org/ru/audio/2013/02/1002851> (accessed 11.02.2021).
21. Arbatov A. *Moscow and Munich: A New Framework for Russian Domestic and Foreign Policies*. Working Papers no. 3, Moscow, Carnegie Moscow Center, 2007. 27 p.
22. Арбатов А. *Безопасность: российский выбор*. Москва, ЭПИцентр, 1999. 526 с. [Arbatov A. *Bezopasnost': rossiiskii vybor* [Security: the Russian choice]. Moscow, EPITSentr, 1999. 526 p.]
23. Гегель. *Философия истории. Сочинения*. Т. VIII, Москва–Ленинград, Государственное социально-экономическое издательство (Соцэкгиз), 1935. 468 с. [Hegel. *Filosofiya istorii. Sochineniya* [Philosophy of history. Essays]. Т. VIII, Moscow-Leningrad, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo (Sotsekgiz), 1935. 468 p.]
24. Бабурин С.Н. *Территория государства. Правовые и геополитические проблемы*. Москва, Изд-во МГУ, 1997. 477 с. [Baburin S.N. *Territoriya gosudarstva. Pravovye i geopoliticheskie problem* [State territory. Legal and geopolitical issues]. Moscow, Izd-vo MGU, 1997. 477 p.]
25. Kissinger Henry. *Diplomacy*. New York, Simon & Shuster, 1994. 912 p.
26. Арбатова Н. Европейский маятник России. *Независимая газета*, 25.11.2020. [Arbatova N. Evropeiskii mayatnik Rossii [The European pendulum of Russia]. *Nezavisimaya gazeta*, 25.11.2020.] Available at: https://www.ng.ru/ideas/2020-11-25/7_8023_heritage.html (accessed 11.02.2021).
27. *Выступление Владимира Путина на форуме в Давосе*. *Вести*, 27.01.2021. [Speech by Vladimir Putin at the Davos forum. *Vesti*, 27.01.2021. (In Russ.)] Available at: <https://www.vesti.ru/article/2515983> (accessed 11.02.2021).

RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION: THE POSPONED PARTNERSHIP*(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 5, pp. 14-27)**Received 12.02.2021.**Nadezhda K. ARBATOVA (arbatova@imemo.ru),**Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.**Acknowledgements. The article was prepared within the project "Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).*

The article is devoted to the analysis of the fundamental reasons that led to the crisis in relations between the Russian Federation and the European Union as well as relations between Russia and the West at large. The main attention is paid to both objective changes in international relations and subjective factors in the policies of Russia and the EU, that which predetermined the vector of evolution of their interaction. The article proposes a layer-by-layer analysis of these reasons, leading from a superficial perception of problems in depth to the origins of the current crisis. This method of analysis can be called the "matryoshka method", when the main problem lies in the very depths of the phenomenon under study. In other words, the article proposes a "countdown" from the current crisis to the post-bipolar start of cooperation between Russia and the European Union. Why did it all go wrong when it all started so well? And, finally, who is to blame for the failed partnership, and is it possible to get out of this deadlock? These and other questions are at the center of this article. The Ukraine conflict is widely perceived by the European Union and the West as whole as a turning point in their relations with the Russian Federation and the main reason of the deepest divide between them. However, this conflict is not so much the reason but rather the consequence of more profound contradictions between Russia and the West. These contradictions are revolving around the mutual misperceptions about the acceptable foundation of the post-bipolar European security and rivalry in the CIS space. The EU and NATO enlargement strategies presented by both institutions as two complementary processes raised Russia's concerns about their intentions in the CIS region. But these contradictions did not appear from "the middle of nowhere". They resulted from the uneven end of the bipolarity and mistakes made by the West and its institutions as well as miscalculations of the new Russian leadership. In the very centre of this "matryoshka doll" one can find the arguments explaining Russia's historic convolutions on its way to Europe.

Keywords: Russia, European Union, USA, China, CIS, international relations, European security, Euro-Atlantic relations, EU and NATO enlargement, Ukrainian conflict, Caucasian crisis, peacekeeping operations, conflict.

About author:

Nadezhda K. ARBATOVA, Doctor of Political Science, Head of Department for European Political Studies.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-14-27

О ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЫ

© 2021 г. Б. Гуселетов

ГУСЕЛЕТОВ Борис Павлович, доктор политических наук,
Институт Европы РАН, РФ, 125009 Москва, ул. Моховая, 11/3 (bguseletov@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 30.10.2020.

В статье рассматриваются процессы становления и институционализации общеевропейских партий (Европартий) как нового института в партийно-политической системе Европейского союза. Этот институт возник сравнительно недавно – в середине 1970-х годов, накануне первых общеевропейских выборов 1979 г. Представлены основные этапы институционализации Европартий и их фракций в европейском парламенте в политическую систему ЕС. Дан анализ современного состояния этих партий и влияния на него важнейших вызовов, с которыми столкнулся Евросоюз в последнее десятилетие: мировой финансово-экономический кризис, миграционный кризис в Европе, Брекзит, пандемия коронавируса. Представлены новые тенденции в развитии института Европартий, связанные с активным использованием в партийном строительстве новых коммуникационных технологий, а также появлением нового типа Европартий, выступающих за федерализацию Евросоюза.

Ключевые слова: политические партии, Евросоюз, европейское политическое пространство, Европартии, еврооптимисты, евроскептики, киберпартии.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-28-38

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ

Институт политических партий, зародившийся в Европе в середине XIX в., претерпел за прошедшие годы заметную трансформацию от элитарных клубов к массовым идеологическим партиям, а затем к всеохватным и картельным партиям [1, 2, 3]. Указанные процессы вели, с одной стороны, к размыванию традиционных идеологических основ политических партий и их социальной базы [4], а с другой – к превращению этих партий в избирательные машины, основная цель которых – завоевание как можно большей доли политического рынка [5].

С конца XX в. в процессе трансформации института политических партий наметились еще две новые тенденции, связанные с развитием глобализации и наступлением эры цифровых технологий. Первая тенденция нашла свое отражение в создании так называемых наднациональных партий, примером которых стали общеевропейские, или Европартии [6, 7], которые иногда еще называют федерациями политических партий [8, 9]. В качестве примеров можно привести Европейскую народную партию, Партию европейских социалистов и др. Всего в настоящее время официально зарегистрировано 10 Европартий¹. Еще порядка 10 таких

объединений не имеют официальной регистрации в институтах ЕС, но тем не менее действуют на политической арене Европы, в том числе участвуя в национальных и общеевропейских выборах.

Их главное отличие от традиционных политических партий заключается в том, что, являясь объединением европейских и неевропейских национальных партий, они действуют на общеевропейском уровне, участвуя каждые пять лет в выборах депутатов Европарламента и стремясь сформировать в нем собственную фракцию.

Вторая тенденция выразилась в возникновении феномена киберпартий [10, 11, 12]. Суть киберпартий состоит в том, что они в своей деятельности практически полностью опираются на использование современных цифровых технологий, в первую очередь Интернета. Для этих объединений характерны отсутствие формального членства, стремление к непосредственному взаимодействию с электоратом, минимизация численности и влияния партийного аппарата (особенно его среднего звена). Впервые такого рода партии возникли в ряде европейских стран, а именно: “Йоббик” в Венгрии, “Партия свободы” в Нидерландах, “Движение пяти звезд” в Италии, “Пиратская партия” в Швеции и др. Незадолго до европейских выборов 2019 г. впервые подобное объединение под названием “Вольт Европа” (*Volt Europa*, сокращенно *Volt*) появилось и на общеевропейском уровне. Традиционно эти партии выступают в качестве оппозиции

¹ *List of Registered European Political Parties*. Authority for European Political Parties and European Political Foundations. Available at: <http://appf.europa.eu/appf/en/parties-and-foundations/registered-parties.html> (accessed 20.10.2020).

к партиям мейнстрима, им свойственны ориентация на весь электорат, акцент на прямую демократию, идеологическая эклектичность и популизм.

Сегодня многие традиционные партии начали активно использовать современные средства коммуникации, то есть очевиден определенный дрейф в сторону киберпартий с точки зрения организации их работы, особенно в период проведения избирательных кампаний. Но назвать эти партии реальными киберпартиями было бы неправильно.

ФЕНОМЕН ЕВРОПАРТИЙ В ПАРТОЛОГИИ

Вопрос о том, является ли феномен возникновения Европартий чем-то новым в партологии, долгое время оставался открытым, хотя, как уже отмечалось выше, им было посвящено большое число работ западных (В. Вольф, К. Дешувер, К. Йоханссон, К. Колстер и Х. Вон Хомейер, Б. Кововска-Гастол, А. Креппел, Е. Килачи и С. Лайтфут, Т. Погунтке, Н. Тимус, С. Ван Хекке и др.) и российских (Н.Ю. Кавешников, Б.П. Гуселетов, А.С. Таршин и др.) исследователей.

Европартии как политический институт существуют уже более 30 лет, и за это время было опубликовано немало материалов, в которых анализировались их отличительные особенности. Эти публикации можно условно разделить на три группы с точки зрения оценки той роли, которую Европартии играли на политической арене объединенной Европы. Ключевым элементом, отличающим каждый из этих подходов, было различие в оценке уровня взаимозависимости между Европартиями и их национальными партиями-членами в ключевых вопросах, касающихся европейской политики.

Сторонники первого подхода считают, что Европартии представляют в европейских политических институтах интересы политических элит стран — членов Евросоюза посредством аккумуляции политических позиций национальных партий из этих стран [7, 13].

Согласно второму подходу, Европартии в политической системе ЕС играли самостоятельную роль лишь в определенных аспектах, касающихся в основном формирования Европарламента и в некоторой мере координации деятельности его политических групп или фракций. То есть Европартии наряду с национальными партиями являлись неким, причем не самым главным элементом этой системы, в рамках которой им приходилось взаимодействовать с их партиями-членами, сохраняя при этом собственную политическую независимость [6, 8, 14]. Например, при обсуждении в Европарламенте бюджета ЕС, а также при разработке общеевропейской политики в финансово-эко-

номической области, сферах науки, образования и др. Европартии играли главенствующую роль.

Представители третьего подхода полагают, что Европартии стали заметным элементом политической системы Евросоюза, в которой национальные политические институты находились уже на более низком уровне управления. Поэтому в европейской партийно-политической системе Европартии заняли ведущие позиции по отношению к национальным партиям. Данный подход был тесно увязан с начавшимся в середине 2010-х годов общеевропейским дискурсом о важности укрепления европейского общественно-политического пространства, в котором Европартии и общеевропейские неправительственные организации должны были играть ключевую роль [15, 16]. В подтверждение этого можно сослаться на п. 4 ст. 8А Лиссабонского договора², где было указано, что “Европартии вносят свой вклад в формирование европейского сознания и выражение политической воли граждан”, а значит, самым активным образом участвуют в процессе создания публичной сферы ЕС. Впервые статья о Европартиях была введена в Лиссабонский договор.

На первоначальном этапе своего возникновения и развития почти все ведущие Европартии, невзирая на их идеологическое разнообразие, самым активным образом поддерживали идеи формирования единой европейской политической сферы. Но после того как в начале XXI в. позиции “жестких” евроскептиков стали постепенно усиливаться и на национальном, и на общеевропейском уровне, этот вопрос оказался в центре общеевропейского политического дискурса, что стало особенно заметно в ходе европейских выборов 2019 г. [17].

Для более детального выяснения отличительных особенностей этого нового типа партий рассмотрим кратко процесс их эволюции. Само возникновение Европартий в середине 1970-х годов было тесно связано с формированием так называемой политической Европы, то есть появлением полноценных общеевропейских политических институтов: Европарламента, который является высшим представительным и законодательным органом ЕС и депутаты которого с 1979 г. избираются всеми гражданами Евросоюза; Еврокомиссии, которая с 1967 г. является высшим органом исполнительной власти ЕС и после принятия Лиссабонского договора его председатель утверждается Европарламентом; Европейского совета, который с 1974 г. является высшим политическим органом ЕС.

Введение процедуры избрания депутатов Европарламента объективно способствовало возник-

² Treaty of Lisbon Amending the Treaty on European Union and the Treaty Establishing the European Community. *Official Journal of the European Union*, C 306, vol. 50, 17.12.2007. Available at: https://mgimo.ru/files2/y11_2013/243404/3.6.treaty_lisbon.pdf (accessed 20.10.2020).

новению сначала неформального, а потом и формального объединения ведущих политических партий стран, являвшихся на тот момент членами Евросоюза. По мнению немецких исследователей К. Лютера и Ф. Мюллера-Роммеля [18], один из важнейших моментов, оказавших влияние на трансформацию партийно-политической системы ЕС, — процесс “европейской интеграции”, ставший заметным вызовом для традиционной модели деятельности национальных политических партий Европы. Этот процесс существенно активизировал формирование Европы политической, особенно после проведения прямых европейских парламентских выборов в 1979 г. и последующего заключения Маастрихтского договора. Все это в конечном итоге привело к “фундаментальному изменению контекста текущей деятельности европейских политических партий” [18].

Правда, следует отметить, что относительно долгое время общеевропейские выборы и Европартии считались в Европе чем-то второстепенным. Неслучайно немецкие ученые К. Райф и Х. Шмитт называли эти выборы “национальными выборами второго порядка” [19]. Действительно, первоначально общеевропейские выборы лишь формально могли называться таковыми, поскольку практически все ключевые вопросы самой избирательной кампании — подбор кандидатов, выбор избирательной модели, организация самой кампании и поведение ее итогов — решались в каждой конкретной стране национальными партиями и парламентом. Кроме того, эти выборы фактически не влияли напрямую на расстановку политических сил в той или иной стране Евросоюза и процесс формирования национальных правительств.

Все эти обстоятельства наложили заметный отпечаток и на сами общеевропейские партии, которые на начальном этапе своего существования имели следующие отличительные особенности.

1. В организационном плане они существенно зависели от национальных партий-членов, которые были их учредителями. Индивидуальное членство в этих партиях было разрешено сравнительно недавно.

2. В финансовом и политическом плане Европартии зависели от их парламентских фракций в Европарламенте, которые были созданы еще в 1952 г. в Парламентской ассамблее Европейского объединения угля и стали. До 2003 г. их финансирование осуществлялось через их фракции в ЕП, и только после принятия в том же году соответствующих законодательных норм ЕС они начали напрямую финансироваться Европарламентом³.

³ Regulation (EC) No. 2004/2003 of the European Parliament and the Council of 04.11.2003 on the regulations governing political parties at European level and the rules regarding

3. Эти партии, по сути, не имели прямых связей с европейским гражданским обществом и не оказывали на него особого влияния. Лишь в последние годы по мере возникновения некоторых зачатков такого общества на уровне ЕС у Европартий появилась возможность установления подобных связей.

4. Идеологически эти партии распределялись не только по традиционной шкале “правые (консерваторы) — центристы (либералы) — левые (социалисты, еврокоммунисты) плюс экологи (зеленые)”, но и по отношению к перспективам дальнейшего развития ЕС, по которому они делились на еврооптимистов (сторонников укрепления и расширения ЕС), “мягких” евроскептиков (противников действующей модели ЕС “справа” и “слева”) и “жестких” евроскептиков (полных оппонентов Евросоюза как такового). Причем примерно до 2010 г. евроскептики и на общеевропейском уровне, и на уровне стран-членов занимали маргинальные позиции, но после мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., а особенно после миграционного кризиса в Европе 2015 г. и референдума по Брекситу в Великобритании 2016 г. их электоральный рейтинг и политическое влияние заметно выросли.

5. Первоначально членами Европартий были лишь партии из стран ЕС, но постепенно это требование стало ослабевать, и в их состав стали входить партии из других европейских, а затем и неевропейских стран. Данное обстоятельство не вело напрямую к росту электоральной привлекательности этих партий, но, несомненно, способствовало укреплению их роли и влияния как в Европе в целом, так и на мировой политической арене. Например, Консервативная партия Канады (с 2012 г.), Республиканская партия США и Либеральная партия Австралии (обе с 2014 г.) являются региональными партнерами Европейской партии консерваторов и реформистов⁴.

О ПРОЦЕССЕ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЕВРОПАРТИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЕ ЕС

Для выявления основных особенностей современного положения Европартий в политической системе Евросоюза важно проанализировать то, как протекал процесс их институционализации в этой системе. Исследованию данного процесса был посвящен ряд публикаций европейских

their funding. *Official Journal of the European Union*, L 297, vol. 46, 15.11.2003. EUR-Lex. Access to European Union Law Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32003R2004> (accessed 20.10.2020).

⁴ *ECR Party*. Available at: <https://ecrparty.eu/about> (accessed 20.10.2020).

специалистов по патологии. Так, по мнению итальянского исследователя А. Панебьянко, на начальном этапе институционализации Европартий были присущи два отличительных элемента. Во-первых, степень их институционализации существенно зависела от уровня их автономии по отношению к партиям-членам, формирующим их окружение. И в этом смысле Европартии долгое время оставались слабыми, так как не имели реальных механизмов влияния и контроля за своим окружением, что осложняло и затягивало процесс их адаптации к европейской политической системе. Во-вторых, на процесс институционализации также влиял уровень их «системности», то есть степень взаимозависимости между Европартиями и их партиями-членами, которая определяется возможностями Европартии контролировать свои организационные, финансовые, кадровые и иные ресурсы [20]. Оба эти элемента взаимосвязаны, поскольку партии, имеющей низкий уровень системности, непросто добиться автономии относительно окружающей ее среды. И следует согласиться с Панебьянко в том, что в силу отмеченных им обстоятельств процесс институционализации Европартий в первые 25–30 лет их существования протекал достаточно вяло.

Более детально этот процесс, с выделением его основных этапов, был проанализирован рядом других европейских исследователей, среди которых особенно следует выделить работы С. Хикса и С. Лорда [21], А. Креппеля [22], Л. Барди [23] и Р. Ладреха [24]. Все они сходятся во мнении, что первым этапом становления Европартий был период с середины до конца 1970-х годов, когда были официально созданы и зарегистрированы три ведущие Европартии: левоцентристская «Конфедерация социалистических партий Европейского союза» (1973 г.), трансформировавшаяся в 1992 г. в Партию европейских социалистов (ПЕС); консервативная Европейская народная партия (ЕНП) (1976 г.) и «Либерально-демократическая федерация либеральных и демократических партий Европы» (1976 г.), которая в 2012 г. была переименована в «Альянс либералов и демократов Европы» (АЛДЕ) [25].

Второй этап институционализации Европартий был связан с процессом разработки и имплементации Единого европейского акта (1986 г.), который был направлен на формирование с 31.12.1992 г. единого рынка ЕС и кодификацию законодательства Евросоюза, регулирующего сферу европейского политического сотрудничества. В этот период Европартии, в основном еврооптимистического толка, которые доминировали в Европарламенте, стремились поддерживать расширение и углубление процесса евроинтеграции через свои фракции в ЕП и ведущие национальные партии, являющиеся их членами [26].

Третий этап институционализации Европартий был связан с принятием Маастрихтского договора (1992 г.), в ст. 138а которого впервые было указано: «...Политические партии на европейском уровне являются важным фактором интеграции в рамках Союза. Они способствуют формированию европейского сознания и выражению политической воли граждан Союза»⁵. Данная статья, по сути, конституировала Европартии как один из важнейших институтов европейского политического пространства, закрепив за ним соответствующую нишу в этом пространстве.

В 1997 г. был принят Амстердамский договор⁶, в ст. J.18 и K.13 которого было определено, что Европартии финансируются из европейского бюджета и могут в свою очередь финансировать своих членов — национальные партии, что ранее было запрещено. Данное законодательное решение ЕС существенным образом изменяло принципы взаимоотношений между Европартиями и их партиями-членами, не только делая первых более независимыми, но и давая им важный инструмент влияния на их национальных партнеров.

Не менее важное значение для Европартий и особенно их фракций в ЕП сыграло и то, что Маастрихтский и Амстердамский договоры заметно уравнили полномочия Европарламента и Европейского совета в законодательной сфере, и теперь Совет не мог принимать какие-либо важные решения без их одобрения Европарламентом. Помимо этого, ЕП получил право создавать собственный Комитет по расследованиям, требовать от других учреждений Евросоюза отчетов и в случае нарушения ими законодательства ЕС обращаться в Европейский суд. Парламент также избирает Европейского омбудсмена, который вправе рассматривать жалобы и петиции от любого гражданина Евросоюза или общественной организации на все учреждения Союза по проблемам, относящимся к компетенции ЕС.

В результате всех этих реформ Европарламент и его фракции стали играть более заметную и важную роль в политической системе ЕС, заняв соответствующую позицию в законотворческом процессе наряду с Европейским советом.

И, наконец, завершающий, четвертый, этап институционализации Европартий пришелся на период с 2004 по 2007 г., который, с одной стороны, был связан с заметным расширением Евро-

⁵ *Treaty of European Union*. EUR-Lex. Access to European Union Law. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:11992M/TXT> (accessed 20.10.2020).

⁶ *Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts*. EUR-Lex. Access to European Union Law. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:11997D/TXT> (accessed 20.10.2020).

союза после вхождения в него 12 стран Балтии, Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и Кипра. В результате этого расширения членская база Европартии заметно расширилась, и уже в скором времени некоторые партии из этих стран стали играть заметную роль в деятельности Европартии и их парламентских фракций. Так, в 2011 г. Партию европейских социалистов возглавил бывший премьер-министр Болгарии и лидер “Болгарской социалистической партии” С. Станишев, являющийся, кстати, выпускником Московского государственного университета. В 2012 г. чешский депутат Европарламента из “Гражданско-демократической партии” стал лидером партии Европейских консерваторов и реформистов (ЕКР). В 2009 г. фракцию ЕКР в ЕП возглавил польский депутат от партии “Порядок и Справедливость” (ПиС) М. Каминский, причем депутаты от ПиС с 2009 г. являлись, наряду с английскими консерваторами, основой фракции ЕКР [27].

А с другой стороны, с подписанием Лиссабонского договора, который завершил реформирование политической системы и системы управления Евросоюза, практически полностью были уравнены полномочия Европарламента и Европейского совета, в том числе в вопросах принятия бюджета. Парламент получил право назначать Председателя Еврокомиссии (раньше он лишь согласовывал его кандидатуру) по результатам общеевропейских выборов⁷. При этом фракции Европартии в ЕП могли выдвигать собственных кандидатов от этих партий на пост главы Еврокомиссии накануне голосования.

Подводя итог анализу процесса институционализации Европартии, следует отметить, что за сравнительно короткий период (с середины 1970-х до середины 2000-х годов) эти партии и их парламентские фракции сумели закрепиться на политической арене Евросоюза, добились финансовой и политической самостоятельности [28, 29], заметно расширили свои ряды за счет включения в них значительного числа новых партий-членов и из новых, и из старых государств Союза. При этом доминирующие позиции на всех общеевропейских выборах занимали консерваторы из ЕНП и социал-демократы из ПЕС: вместе они набирали от 53.9% (1979 г.) до 66% (1994 г.) голосов избирателей на выборах. Это позволяло им полностью контролировать Европарламент и обеспечивать доминирование их представителей в Еврокомиссии. Постепенно к ним стали подтягиваться либералы из АЛДЕ, которые практически во всех созывах ЕП имели третью по численности фракцию, набирая от 7.5% (1989 г.) до 12% (2004 г.). Европейская партия зеленых (ЕПЗ) вошла в Европарламент

в 1984 г. с результатом 4%, но уже в 2004 г. набрала 7.5% и сформировала четвертую по численности фракцию.

При этом “умеренные” евроскептики из ЕКР и Партии европейских левых (ПЕЛ) (бывшие еврокоммунисты и радикальные левые), набирая на европейских выборах соответственно 5–6% и 6–8%, занимали маргинальные позиции в ЕП и не оказывали существенного влияния на европейскую политику.

То же самое касалось и “жестких” евроскептиков, которые в Европарламенте были представлены либо группой независимых депутатов, в основном из французского “Национального фронта” (НФФ) Жана-Мари Ле Пена, либо небольшой фракцией “Европа свободы и прямой демократии” (ЕСПД), которая существовала в ЕП с 2014 по 2019 г. в основном за счет депутатов от “Партии независимости Соединенного Королевства Великобритании”, лидер которой Н. Фарадж возглавлял эту фракцию.

ИЗМЕНЕНИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЕС В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Период с 2010 по 2020 г. принес Евросоюзу, как и миру в целом, ряд серьезных вызовов, которые спровоцировали заметные потрясения его политической системы. Наиболее значимые вызовы были связаны с последствиями мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. [30], миграционного кризиса 2015 г. в Европе [31], решением Великобритании выйти из Евросоюза на основании итогов референдума 2016 г. [32] и, наконец, пандемией коронавируса 2020 г. [33]. Все эти события, кроме последнего, находились в повестке дня последних общеевропейских выборов 2014 и 2019 гг. и оказали существенное влияние на их результаты.

Выборы 2014 г. наглядно продемонстрировали сохранение сложившейся в последние годы тенденции падения поддержки избирателями двух основных Европартий: ЕНП и ПЕС. По сравнению с 2009 г. ЕНП потеряла почти 12% голосов, а ПЕС – около 6.8%, хотя вместе эти партии сохранили контроль над большинством депутатских мест в Европарламенте. Это снижение электоральной поддержки, очевидно, было связано с тем, что мировой финансово-экономический кризис привел к заметному падению жизненного уровня в большинстве стран – членов ЕС, особенно в Греции, Испании, Италии, странах Балтии. Причем его последствия с точки зрения падения темпов экономического роста, уровня занятости и доходов населения в этих странах носили долгосроч-

⁷ *The European Parliament*. Cvce.eu. Available at: https://www.cvce.eu/obj/european_parliament-en-ad6a0d57-08ef-427d-a715-f6e3bfaf775a.html (accessed 20.10.2020).

ный характер. Поэтому неслучайно европейские избиратели возложили ответственность за все это на ведущую европейскую партию, представители которой возглавляли в те годы правительства многих стран – членов ЕС и ведущий орган исполнительной власти Союза – Еврокомиссию [30].

Зато на этих выборах заметных успехов добились “умеренные” евроскептики из леворадикальной ПЕЛ и правоконсервативной ЕКР, а также “радикальные” евроскептики из партии “Европейский альянс за свободу” (ЕАС)⁸ [34]. Успехи ПЕЛ во многом были связаны с тем, что в Греции ее партия-член “СИРИЗА” сумела воспользоваться промахами правящей консервативной партии “Новая демократия” и победила на парламентских выборах в январе 2015 г., а ее лидер А. Ципрас стал премьер-министром и неформальным лидером ПЕЛ. Кроме того, неплохие результаты на национальных выборах показали и другие партии – члены ПЕЛ: “Левая партия Германии” (69 депутатов национального парламента – ДНП, 7 депутатов Европарламента – ДЕП), “Компартия Франции” (12 сенаторов и 12 ДНП, 2 ДЕП), “Левый блок Португалии” (19 ДНП, 1 ДЕП), “Объединенные левые Испании” (2 сенатора, 11 ДНП, 5 ДЕП), “Красно-зеленый альянс Дании” (13 ДНП, 1 ДЕП), “Левый союз Финляндии” (16 ДНП, 1 ДЕП), “Прогрессивная рабочая партия Кипра” (16 ДНП, 2 ДЕП), “Коммунистическая партия Чехии и Моравии” (15 ДНП, 1 ДЕП) и др.

Улучшение результатов праворадикальных евроскептиков из ЕАС было также связано с успехами на национальных выборах в Австрии, Бельгии, Италии, Нидерландах, Франции и других странах, где они умело воспользовались страхами многих европейцев потерять работу из-за кризиса, педантируя тему усиления притока мигрантов в Европу, которые обостряли конкуренцию за низкоквалифицированные рабочие места. Это привело к большей поддержке со стороны избирателей, традиционно голосующих за социалистов и социал-демократов, а также привлечению голосов граждан из стран ЦВЕ и Балтии, разочарованных тем, что их ожидания быстрого роста благосостояния после вступления в ЕС не оправдались [35].

⁸ ЕАС – это общеевропейская евроскептическая праворадикальная партия, созданная в конце 2010 г., основу которой составляли Австрийская партия свободы, бельгийская партия “Фламандский интерес”, итальянская “Лига Севера”, нидерландская партия “За свободу”, французский “Национальный фронт”, Словацкая национальная партия и партия “Шведские демократы”. В 2015 г. ряд депутатов Европарламента, представляющих эту партию, впервые сумели сформировать собственную радикально-евроскептическую фракцию “Европа наций и свободы” (ЕНС) во главе с лидером НФФ Марин Ле Пен. Партия прекратила существование в 2016 г., а большинство ее членов в 2019 г. перешли в новую партию “Идентичность и демократия”.

Выборы 2019 г., которые проходили после миграционного кризиса и в разгар процедуры выхода Великобритании из Евросоюза, еще более усилили отмеченные выше тенденции снижения электоральной привлекательности партий мейнстрима ЕНП и ПЕС (которые впервые на этих выборах не смогли обеспечить себе общее относительное большинство в ЕП) и рост популярности евроскептиков, особенно правых [36, 37].

Очевидно, что ключевым триггером этого процесса стал миграционный кризис, который еще усугубил социальную напряженность и способствовал росту националистических и ксенофобских настроений в европейском обществе. Консерваторы из ЕНП заняли в деле решения этой проблемы выжидательную позицию или даже, как лидер их ведущей национальной партии ХДС А. Меркель, стали приветствовать мигрантов, большинство из которых как раз стремились попасть в самую благополучную страну ЕС – Германию. В результате позиции многих партий – членов ЕНП в канун выборов заметно ослабли (Дания, Испания, Италия, Финляндия, Франция, Швеция), а в Австрии, например, по итогам национальных выборов 2017 г. Народной партии пришлось пригласить в правительство “Партию Свободы” (АПС). В результате на общеевропейских выборах 2019 г. ЕНП набрала лишь 24.23% голосов (наихудший результат за всю историю этих выборов), хотя и сохранила за собой первое место.

Социалисты из ПЕС и левые радикалы так и не смогли решить для себя дилемму между следованием принципу интернационализма и противодействием притоку незаконных мигрантов в Европу. Партии – члены ПЕС серьезно пострадали на национальных выборах, особенно в Австрии, Италии, Словакии, Франции, Чехии, где они потеряли статус правящих. Следствием этого стало ухудшение результатов этих партий на выборах: ПЕС получила лишь 20.5% (тоже наихудший результат в их истории), но осталась на втором месте с весьма урезанной по численности депутатской фракцией (154 депутата вместо 189 в 2014 г.), а ПЕЛ вообще смогла сформировать самую малочисленную фракцию в ЕП в составе 41 депутата, хотя в 2014 г. имела 52 депутата.

Зато заметного прогресса добилась праворадикальная евроскептическая партия “Движение за Европу наций и свобод” (ДЕНС), которая после выборов была переименована в партию “Идентичность и демократия” (ИД). Основу ДЕНС, а потом и ИД составляли итальянская партия “Лига” во главе с М. Сальвини, приведшим ее в итальянское правительство после выборов 2018 г., и французское “Национальное объединение” (бывший НФФ) во главе с М. Ле Пен, которая лишь во втором туре президентских выборов 2017 г. уступила Э. Макрону,

набрав приличные 33.4% голосов. ДЕНС получило на этих выборах рекордные для себя 10.8% голосов и сформировало пятую по численности фракцию в ЕП в количестве 73 депутатов, то есть практически удвоив ее по сравнению с 2014 г. При этом Движение добилось неплохих результатов в Германии (“Альтернатива для Германии”), Австрии (АПС) и Финляндии (“Финны”) [35]. Правда, в Европарламенте против фракции ИД ведущие фракции ЕНП, ПЕС и АЛДЕ выстроили так называемый санитарный кордон, не позволив ее представителям занять посты вице-спикера и руководителей комитетов Европарламента. Тем не менее успех ИД очевиден, и есть все основания предполагать, что на последующих выборах она сумеет сохранить и даже улучшить свой результат [38].

Следует также отметить относительный успех на этих выборах двух еврооптимистических партий: либеральной АЛДЕ и Европейской партии зеленых (ЕПЗ), которые добились рекордных для себя результатов – соответственно 14.38 и 9.85%. Результат АЛДЕ во многом был связан с успехом партии нового Президента Франции Э. Макрона “Республика на марше!”, которого неплохо поддержали бельгийские, немецкие, нидерландские, испанские, румынские и чешские либеральные партии. Кстати, либеральные демократы Великобритании заняли на этих выборах второе место с результатом 19.8%, но с 1 января 2020 г. 17 евродепутатов от этой партии покинули Европарламент [39].

Успех ЕПЗ был достигнут благодаря отличному выступлению трех ее партий-членов: “Зеленые” Германии, занявшие второе место с результатом 20.5%, “Зеленые” Франции, оказавшиеся на третьем месте с результатом 13.5%, и “Зеленая партия” Великобритании с результатом 11.8%, обеспечившим им почетное четвертое место. Но 11 евродепутатов от английских экологов также покинули Европарламент в начале 2020 г.

Что касается еще двух правоконсервативных евроскептических партий ЕКР и ЕСПД, то они явно проиграли в конкуренции с ДЕНС–ИД, с одной стороны, и ЕНП, с другой. В результате фракция ЕКР в Европарламенте сократилась с 77 (2014 г.) до 62 депутатов [40].

Фракция ЕСПД, несмотря на то что новая партия Н. Фараджа “Брекзит” на этих выборах уверенно заняла в Великобритании первое место с впечатляющим результатом 30.8%, а вторая по значимости итальянская партия “Движение пяти звезд” заняла у себя в стране третье место с результатом 13.05%, так и не была сформирована, поскольку депутаты от партии “Брекзит” покинули Европарламент, и итальянские евроскептики не смогли найти себе партнеров из еще шести стран – членов ЕС, как того требует регламент ЕП.

Таким образом, можно констатировать по результатам общеевропейских выборов 2014 и 2019 гг., что в Евросоюзе в целом сложилась система Европартий, которая включает в себя четыре ведущие еврооптимистические партии – ЕНП, ПЕС, АЛДЕ и ЕПЗ, занимающие доминирующие позиции во всех основных политических институтах ЕС: Евросовете, Еврокомиссии и Европарламенте. И есть три евроскептические партии: праворадикальная ИД и две умеренные – правоконсервативная ЕКР и леворадикальная ПЕЛ. Причем все они занимают маргинальные позиции на политической арене объединенной Европы, хотя ЕКР и ПЕЛ имеют чисто символическое представительство в Еврокомиссии (один еврокомиссар от Польши представляет ЕКР) и Европарламенте (ЕКР имеет посты двух руководителей комитетов, а ПЕЛ – одного вице-спикера и одного руководителя комитета) [41].

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ В СИСТЕМЕ ЕВРОПАРТИЙ

Тем не менее последние выборы в Европарламент выявили две новые интересные тенденции в развитии системы Европартий. Во-первых, в Европе давно уже наметилась тенденция более активного использования политическими партиями новых информационных технологий и даже появился новый тип так называемых киберпартий. Об их основных особенностях было сказано выше. Однако до недавнего времени ни одну из европартий нельзя было назвать киберпартией.

И, во-вторых, все действующие Европартии, по определению М. Дюверже, были “созданы изнутри” (*internally created*), в отличие от партий, “созданных снаружи” (*externally created*), возникновение которых не зависит от действующих политических институтов. И это обстоятельство, как уже отмечалось ранее, наложило сильный отпечаток на модель этих партий и их взаимоотношения с созданными их национальными партиями и парламентской фракцией.

Но в последние шесть-десять лет на политической арене Евросоюза стали возникать общеевропейские партии, заявившие, что действующие Европартии не являются по-настоящему общеевропейскими, так как серьезно зависят от своих партий-членов и в значительной мере отражают интересы их руководства. И эти новые Европартии строились по совершенно другой модели, как “созданные снаружи”: они практиковали индивидуальное членство, и любой гражданин из страны ЕС мог стать их членом; они имели общеевропейские руководящие органы, избираемые членами этих партий; они сами создавали в странах ЕС свои фи-

лиалы; и, самое главное, их ключевым предвыборным лозунгом было требование создания действительно наднациональной партийно-политической системы Евросоюза и проведения общеевропейских выборов по общенациональным партийным спискам. Эти партии участвовали и в общеевропейских, и в национальных выборах, но исключительно как общеевропейские. Некоторые из них даже выдвигали лозунг федерализации Евросоюза, как бы бросая вызов и партиям евроскептиков, и партиям еврооптимистов, выступающим за сохранение сложившегося статус-кво.

подавляющее большинство сторонников таких партий принадлежало к молодому поколению образованных и успешных европейцев, понимающих, что в условиях обострения конкуренции на мировой экономической и политической арене Евросоюз может оставаться конкурентноспособным по отношению к США, Китаю и другим ведущим мировым акторам только будучи более сплоченным, управляемым из одного центра. Поэтому естественно, что в этих партиях активно использовались современные информационные технологии и по своему типу они были гораздо ближе к киберпартиям.

Впервые общеевропейские партии такого типа возникли в начале XXI в. В 2003 г. появилась партия “Европа—Демократия—Эсперанто”, которая даже принимала участие в общеевропейских выборах с 2004 г., хотя и без особого успеха, набирая не более 0.2% голосов. В 2005 г. появилась партия новых европейцев *Newropeans*, которая приняла участие в выборах 2009 г. в ряде стран и тоже без особого успеха.

Более успешной оказалась созданная в 2011 г. в результате объединения “Федералистской партии Франции” и “Объединенного движения Европы” “Европейская федералистская партия” (ЕФП). Она сумела создать свои отделения в 12 странах — членах ЕС и фактически стала первой общеевропейской партией, прямо выступившей за федерализацию Европы. ЕФП изначально была настроена на активное сотрудничество с представителями европейского гражданского общества, в частности с общественным движением “Вставай на защиту Европы”⁹. Партия приняла участие в выборах в Европарламент 2014 и 2019 гг., не сумев, однако, провести туда своих кандидатов, и выборах в национальные парламенты¹⁰.

После общеевропейских выборов 2014 г. возникли две новые инициативы по созданию Европартий.

⁹ *Stand Up for Europe*.

¹⁰ *Europe's First Transnational List Has Been Presented by the European Federalist Party*. CFI.co. 07.05.2014. Available at: <https://cfi.co/europe/2014/05/europes-first-transnational-list-has-been-presented-by-the-european-federalist-party/> (accessed 20.10.2020).

Первая из них была связана с Я. Варуфакисом, бывшим министром финансов Греции, в период нахождения у власти партии “СИРИЗА” А. Ципраса. В 2015 г. он объявил о создании левоцентристского “Движения за демократию в Европе 2025”¹¹. Целью этого движения было участие в общеевропейских выборах 2019 г. под лозунгами о необходимости радикального реформирования политической системы ЕС в интересах гражданского общества¹². Для достижения этой цели *DiEM25* создало ряд филиалов в странах — членах ЕС: в Германии и Греции это были партии *DiEM25* и *MeRA25* соответственно, а в Дании, Польше, Португалии и Чехии — существующие левоцентристские партии. Причем в Греции новая партия *MeRA25* (что по-гречески означает *DiEM25*) на выборах в парламент страны в 2019 г. набрала под руководством Варуфакиса 3.4% и получила девять депутатских мандатов. И хотя на общеевропейских выборах *DiEM25* не сумело провести ни одного кандидата, в целом следует считать, что за небольшой срок Движение смогло добиться хороших результатов на национальном уровне, что говорит о его неплохих перспективах.

Второй инициативой стало создание проевропейского социал-либерального и федералистского движения “Вольт Европа”, инициаторами которого стали три молодых гражданских активиста из Германии — Д. Боэслегер, Италии — А. Вензон и Франции — К. Каэн-Сальвадор. Всем им было от 24 до 32 лет. Решение о создании “Вольт” было анонсировано 29 марта 2017 г., в тот самый день, когда в Великобритании было официально объявлено о выходе из ЕС. В связи с этим К. Каэн-Сальвадор опубликовала в сентябре 2018 г. статью в *Guardian* с броским названием “Шокированные Брекситом, мы объявили о создании первого панъевропейского прогрессивного движения”¹³.

Отличительной особенностью “Вольт” стало то, что его основу составляют в основном молодые высокообразованные европейцы, но уже с опытом работы в бизнесе, которые отлично владеют современными цифровыми технологиями и намерены сказать свое слово в европейской политике.

В сентябре 2018 г. “Вольт” обнародовало свой предвыборный манифест, основными положениями которого были: требование федерализации ЕС;

¹¹ *Democracy in Europe Movement 2025, DiEM25*.

¹² *DiEM25 Manifesto. The EU Will Be Democratized. Or It Will Disintegrate!* DiEM25.org. Available at: https://diem25.org/wp-content/uploads/2016/02/diem25_english_long.pdf. (accessed 20.10.2020).

¹³ Kahen-Salvador C. Hocked by Brexit, We Launched the First Pan-European Progressive Movement. *The Guardian*, 05.09.2018. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/sep/05/shock-brexit-launch-erasmus-generation-volt> (accessed 20.10.2020).

переход к цифровому государству; полное обеспечение гражданских прав и свобод; реальное обеспечение социального равенства; создание условий для успешного экономического возрождения Евросоюза и обеспечение баланса сил на мировой арене.

Организационная структура “Вольт” существенно отличается от оргструктуры подавляющего большинства Европартий и очень близка к структуре киберпартии. Во всех странах – членах ЕС, за исключением Словакии, у Движения есть свои группы сторонников. Программа “Вольт” едина для всех его национальных отделений, которые в случае участия в любых выборах внутри своей страны могут вносить в нее собственные дополнения и изменения, отражающие их национальную специфику.

Ключевыми принципами “Вольт” по организации политической работы являются партнерство и соучастие, что обеспечивает баланс между общеевропейской солидарностью и определенной независимостью национальных отделений. Для этого внутри Движения налажен регулярный обмен информацией между его членами с помощью современных интернет-технологий, что позволило

реально создать “неиерархическую модель функционирования всего движения” [37].

“Вольт” впервые приняло участие в общеевропейских выборах 2019 г. лишь в семи странах и набрало в них от 0.15 до 2% голосов. Тем не менее один из инициаторов движения Д. Боэстлагер был избран депутатом ЕП от Германии.

В июне 2019 г. члены “Вольт” посредством общего голосования по Интернету решили, что их евродепутат должен войти во фракцию “Зеленые – Европейский свободный альянс”. Руководство Движения надеется, что на следующих европейских выборах “Вольт” сможет сформировать в Европарламенте собственную фракцию.

Сегодня, конечно, трудно оценивать реальную перспективу дальнейшего успешного развития этих двух новых по форме и содержанию Европартий, но, учитывая взрывной характер распространения современных цифровых технологий и их широкую поддержку со стороны молодого поколения европейцев, вполне вероятно, что уже через пять-десять лет они смогут занять неплохие позиции на европейской политической арене и, может быть, даже сформировать собственные фракции в Европарламенте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Дюверже М. *Политические партии*. Москва, Академический проект, 2000. 538 с. [Duverger M. *Politicheskie partii* [Political Parties]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2000. 538 p.]
2. Krouwel A. Otto Kirchheimer and the Catch-All Party. *West European Politics*, 2003, vol. 26 (2), pp. 23-40.
3. Katz R.S., Mair P., eds. *How Parties Organize: Change and Adaptation in Party Organizations in Western Democracies*. London, SAGE Publications, 1995. 375 p.
4. Schwartz M.A., Lawson K. Political Parties: Social Bases, Organization, Environment. *The Handbook of Political Sociology*. Janosky T., ed. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, pp. 266-286.
5. Kunz V. *Rational Choice*. Frankfurt-New York, Campus Verlag, 2004. 175 p.
6. Deschouwer K. Political Parties as Multi-Level Organizations. *Handbook of Party Politics*. Katz R.S., Crotty W., eds. London, Sage Publications, 2000, pp. 291-300.
7. Kosowska-Gaštoł B. Are the Europarties Real Political Parties? National Parties' Involvement in Multi-Level Structures of European Political Parties. *Historia i Polityka*, 2017, vol. 20, no. 27, pp. 9-29.
8. Johansson K.M. Towards a Theory of Federations of Political Parties in Multilevel Europe: at the Nexus of International Relations and Comparative Politics. *The Europarties. Organisation and Influence*. Delwit E, Külahci E., Van de Walle C., eds. Brussels, CEVIPOL Free University of Brussels, 2004, pp. 18-44.
9. Van Hecke S. Do Transnational Party Federations Matter? (... and Why Should We Care?). *Journal of Contemporary European Research*, 2010, vol. 6, pp. 395-411.
10. Margetts H. Cyber Parties. *Handbook of Party Politics*. Katz R.S., Crotty W., eds. London, SAGE, 2006, pp. 28-35.
11. Pedersen K., Saglie J. New Technology in Ageing Parties. *Party Politics*, 2005, vol. 11, no. 3, pp. 59-77.
12. Сморгунов Л.В. Сетевые политические партии. *Полис. Политические исследования*, 2014, № 4, сс. 21-37. [Smorgunov L.V. Setevye politicheskie partii [Net Political Parties]. *Polis. Political Studies*, 2014, no. 4, pp. 21-37.]
13. Hix S. Parliamentary Behavior with Two Principals: Preferences, Parties, and Voting in the European Parliament. *American Journal of Political Science*, 2002, vol. 46, no. 3, pp. 68-98.
14. Poguntke T., Aylott N., Ladrech R., Luther K.R. The Europeanisation of National Party Organisations: A Conceptual Analysis. *European Journal of Political Research*, October 2007, vol. 46 (6), pp. 747-771.
15. Külahci E., Lightfoot S. Governance, Europarties and the Challenge of Democratic Representation in the EU: A Case Study of the Party of European Socialists. *Acta Politica*, 2014, vol. 49, no. 1, pp. 71-85.
16. Timuş N., Lightfoot S. Europarties: Between the Processes of “Deepening” and “Widening”. *Acta Politica*, 2014, vol. 49, no. 1, pp. 1-4.

17. Квашнин Ю.Д., Кудрявцев А.К., Плевако Н.С., Швейцер В.Я., ред. *Выборы в Европарламент 2019: национальные ответы на вызовы европейской интеграции*. Москва, ИМЭМО РАН, ИЕ РАН, 2019. 178 с. [Kvashnin Yu.D., Kudryavtsev A.K., Plevako N.S., Shveitser V. Ya., eds. *Vybory v Evroparlament 2019: natsional'nye otvety na vyzovy evropeiskoi integratsii* [European Parliament Elections 2019: National Responses to the Dilemmas of European Integration]. Moscow, IMEMO RAN, IE RAN, 2019. 178 p.] DOI: 10.20542/978-5-9535-0559-8
18. Luther K.R., Müller-Rommel F. Parties and Party Research in the New Europe. *Political Parties in the New Europe: Political and Analytical Challenges*. Luther K.R., Müller-Rommel F., eds. Oxford, Oxford University Press, 2005. 391 p.
19. Reif K., Schmitt H. Nine Second-Order National Elections: A Conceptual Framework for the Analysis of European Elections Results. *European Journal of Political Research*, 1980, vol. 8 (1), pp. 3-44.
20. Panebianco A. *Political Parties: Organisation and Power*. Cambridge, Cambridge University Press, 1988. 318 p.
21. Hix S., Lord C. *Political Parties in the European Union*. Basingstoke, Macmillan, 1997. 240 p.
22. Kreppel A. *The European Parliament and Supranational Party System: A Study in Institutional Development*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 282 p.
23. Bardi L. EU Enlargement, European Parliament Elections and Transnational Trends in European Parties. *European View*, 2006, vol. 2 (1), pp. 13-19.
24. Ladrech R. The European Union and Political Parties. *Handbook of Party Politics*. Katz R.S., Crotty W., eds. London, Sage, 2006, pp. 492-498.
25. Гуселетов Б.П. Становление института общеевропейских политических партий. *Современная Европа*, 2020, № 4, сс. 133-143. [Guseletov B.P. Stanovlenie instituta obshcheevropeiskikh politicheskikh partii [Establishment of the Institute of Pan-European Political Parties]. *Contemporary Europe*, 2020, no. 4, pp. 133-143.] Available at: http://sov-europe.ru/images/pdf/2020/4-2020/Guseletov_4-20.pdf (accessed 20.10.2020). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42020133143>
26. Carter E., Luther R.K., Poguntke T. European Integration and Internal Party Dynamics. *The Europeanization of National Party Organisations: Power and Organisational Adaptation*. Poguntke T., Aylott N., Carter E., Ladrech R., Luther K.R., eds. London, Routledge, 2007, pp. 1-27.
27. Hix S., Noury A.G., Roland G. *Democratic Politics in the European Parliament*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 242 p.
28. Johansson K.M., Raunio T. Regulating Europarties: Cross-Party Coalitions Capitalising on Incomplete Contracts. *Party Politics*, 2005, vol. 11, no. 5, pp. 515-534.
29. Lightfoot S. The Consolidation of Europarties? The “Party Regulation” and the Development of Political Parties in the European Union. *Representation*, 2006, vol. 42 (4), pp. 303-314.
30. Economic Crisis in Europe: Causes, Consequences and Responses. European Commission, Directorate-General for Economic and Financial Affairs. *European Economy*, Luxembourg, Office for Official Publications of the European Communities, 7/2009. 90 p. Available at: https://ec.europa.eu/economy_finance/publications/pages/publication15887_en.pdf (accessed 20.10.2020). DOI: 10.2765/84540
31. Borowicz A. The European Migration Crisis – Economic and Political Factors and Challenges for the Future. *European Integration Studies*, 2017, vol. 11, pp. 89-97. DOI: <http://dx.doi.org/10.5755/j01.eis.0.11.18958>
32. Bruton J. The Political Consequences of Brexit. *Fair Observer*, 21.07.2017. Available at: <https://www.fairobserver.com/region/europe/brexit-european-union-britain-united-kingdom-theresa-may-uk-election-result-latest-europe-news-today-97421/> (accessed 20.10.2020).
33. Krastev I., Leonard M. *Europe's Pandemic Politics: How the Virus Has Changed the Public's Worldview. Policy Brief*. European Council on Foreign Policy. June 24, 2020. Available at: https://www.ecfr.eu/publications/summary/europes_pandemic_politics_how_the_virus_has_changed_the_publics_worldview (accessed 20.10.2020).
34. Швейцер В.Я. Итоги выборов в Европейский парламент 2014 г.: общее и особенное. *Выборы в Европейский парламент 2014: итоги и перспективы*. Швейцер В.Я., Гуселетов Б.П., Плевако Н.С., ред. Москва, ИЕ РАН, 2014, сс. 12-24. [Shveitser V.Ya. Itogi vyborov v Evropeiskii parlament 2014 g.: obshchee i osobennoe [The Results of the European Parliament Elections 2014: General and Special]. *Vybory v Evropeiskii parlament 2014: itogi i perspektivy* [European Parliament Elections 2014: Results and Prospects]. Shveitser V.Ya., Guseletov B.P., Plevako N.S., eds. Moscow, IE RAN, 2014, pp. 12-24.]
35. Teraz E., Şenel S. The Effects of the Global Financial Crisis on the Central and Eastern European Union Countries. *International Journal of Business and Social Science*, vol. 2, no. 17, pp. 186-192. Available at: http://www.ijbssnet.com/journals/Vol_2_No_17/25.pdf (accessed 20.10.2020).
36. Хиллебранд Э. Выборы в Европарламент: осязаемый сигнал, но не триумф евроскептиков. *Выборы в Европейский парламент 2014: итоги и перспективы*. Швейцер В.Я., Гуселетов Б.П., Плевако Н.С., ред. Москва, ИЕ РАН, 2014, сс. 38-41. [Hillebrand E. Vybory v Evroparlament: oshchutimyi signal, no ne triumf evroskeptikov [European Parliament Elections: a Tangible Signal, but not a Triumph for Eurosceptics]. *Vybory v Evropeiskii parlament 2014: itogi i perspektivy* [European Parliament Elections 2014: Results and Prospects]. Shveitser V.Ya., Guseletov B.P., Plevako N.S., eds. Moscow, IE RAN, 2014, pp. 38-41.]
37. Kolster C., Von Homeyer H. *Pan-European Parties in a Time of Resurgent Nationalism*. Berlin, German Marshall Fund of the United States, 2019. 21 p.

38. Ривера Э., Дэвис М., Буневич Д. *“Идентичность и демократия”: ультраправые в Европарламенте*. Крашенинникова В.Ю., ред. Москва, Институт внешнеполитических исследований и инициатив, 2019. 48 с. [Rivera E., Davis M., Bunevich D. *“Identichnost’ i demokratiya”: ul’trapravye v Evroparlamente* [“Identity and Democracy”: Ultra-Right in the European Parliament]. Krashennnikova V.Yu., ed. Moscow, Institut vneshnepoliticheskikh issledovaniy i initsiativ, 2019. 48 p.]
39. Кавешников Н.Ю. Влияние трансформации партийно-политического пространства Евросоюза на организацию и функционирование Европарламента. *Современная Европа*, 2020, № 2, сс. 163-175. [Kaveshnikov N.Yu. Vliyanie transformatsii partiino-politicheskogo prostranstva Evrosoyuza na organizatsiyu i funktsionirovanie Evroparlamenta [Transformation of Party and Political Space of the European Union and Its Influence on the Organization and Functioning of the European Parliament]. *Contemporary Europe*, 2020, no. 2, pp. 163-175.] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020163175>
40. Steven M. *European Conservatives and Reformists: Politics, Parties and Policies*. Manchester, Manchester University Press, 2020. 32 p.
41. Гуселетов Б.П. Политическая структура и руководящие органы нового Европейского парламента. *Европейский союз: факты и комментарии*, июнь–август 2019, сс. 15-23. [Guseletov B.P. Politicheskaya struktura i rukovodyashchie organy novogo Evropeiskogo parlamenta [Political Structure and Governing Bodies of the European Parliament]. *Evropeiskii soyuz: fakty i kommentarii*, June–August 2019, pp. 15-23.] Available at: http://www.edc-aes.ru/data/edcaes/content/user_files/files/97.pdf (accessed 20.10.2020).

**NEW TENDENCIES OF POLITICAL PARTIES TRANSFORMATION
IN THE ERA OF GLOBALIZATION AND DIGITAL TECHNOLOGIES
ON THE EXAMPLE OF EUROPE**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 5, pp. 28-38)

Received 30.10.2020.

Boris P. GUSELETOV (bguseletov@mail.ru),

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (IE RAS), 11–3, Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation.

The article examines the processes of formation and institutionalization of pan-European parties (Europarties) as a new institution in the party-political system of the European Union. This institution emerged relatively recently in the mid-1970s, on the eve of the first European elections in 1979. The main stages of institutionalization of European parties and their factions in the European Parliament are presented. The article shows the key differences between this type of a party and traditional political parties as well as the way relations between the European parties and national parties from the EU member states are developing. It analyzes the current state of these parties and the impact of the most important challenges that the European Union has faced in the last decade: the global financial and economic crisis, the migration crisis in Europe, Brexit, and the coronavirus pandemic. The article considers the legal basis for ensuring the functioning of these parties, which is contained in the Lisbon Treaty, and a number of other fundamental acts of the European Union regulating the activities of its political system. The results of the 2014 and 2019 pan-European parliamentary elections are analyzed; it is shown how positions of the leading European parties represented in the European Parliament have changed. The reasons for the change in the electoral results of these parties, including the growing popularity of Eurosceptic parties, are indicated. It is noted to which EU member states the most popular European parties belong, and what the reason for this distribution is. The article presents new trends in the development of the Institute of European parties associated with an active use of new communication technologies in party building, as well as the emergence of a new type of European parties that advocate the federalization of the European Union.

Keywords: political parties, European Union, European political space, European parties, Euro optimists, Eurosceptics, Cyberparty.

About author:

Boris P. GUSELETOV, Doctor of Political Science, Senior Researcher, Center for Party and Political Studies.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-28-38

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОЙ ВНЕШНЕЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЕС: КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

© 2021 г. О. Юдина

ЮДИНА Ольга Николаевна, аспирант,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (lamp12@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 08.05.2020.

Проводится анализ деятельности Европейской комиссии начала XXI в., направленной на коммуни-таризацию энергетической политики. Рассматриваются причины активизации роли Еврокомиссии в вопро-сах энергетике в 2010-е годы и конкретные результаты формирования единой внешней энергопо-литики Европейского союза. Автор описывает механизмы экспорта энергетического законодательства ЕС на примере Энергетического сообщества и Ассоциации средиземноморских энергетических ре-гуляторов через призму экспорта. Отдельное внимание уделено первым законодательным решениям, касающимся вопросов энергетической безопасности, принятым в рамках созданного в 2015 г. Энерге-тического союза ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз, единая внешняя энергетическая политика, Европейская комис-сия, Энергетический союз, коммуни-таризация.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-39-48

Энергетика традиционно была и остается важ-нейшим вопросом в повестке дня Европейского союза. Серьезная зависимость от импорта энерго-ресурсов, составляющая более 50%, экологические “амбиции”, подталкивающие Европу ко все более и более грандиозным целям в области снижения вы-бросов углекислого газа, повышения энергоэффе-ктивности, увеличения использования возобновля-емых источников энергии, расширение ЕС за счет стран, практически полностью зависящих от поста-вок энергоресурсов, — все эти факторы дают проч-ное основание Европейской комиссии (ЕК) вплот-ную развивать единую энергетическую политику.

Первым серьезным толчком для Европейского союза, побудившим углубление энергетического взаимодействия внутри объединения и формиро-вания общеевропейского энергетического подхода, стали нефтяные кризисы начала и конца 1970-х го-дов. Эти события сыграли роль драйвера активи-зации политики, направленной на повышение энергоэффективности и увеличение использова-ния возобновляемых источников энергии. В 1980 г. энергетика получила 70% всего бюджета Евросою-за на НИОКР, а в 1985 г. расходы на проекты, спо-собствующие повышению энергоэффективности, заняли более половины бюджета в области неядер-ной энергетики¹.

¹ Подробнее см.: The Development of An Energy Strategy for the Community, 2 October, 1981. *Bulletin of the European Communities. Supplement*, 1981, no. 4; Council Decision of 12 March 1985 Adopting a Research and Development Program in the Field of Non-Nuclear Energy (1985 to 1988). *Official*

После кризиса 1970-х годов и вплоть до начала XXI в. для Европейской комиссии ключевой зада-чей было формирование общего внутреннего энер-гетического рынка. При этом в области создания механизмов единой внешней энергополитики су-ществовала дихотомия, складывающаяся, с одной стороны, из нежелания стран — членов ЕС пере-давать свои энергетические полномочия на над-национальный уровень, а с другой — задачи Евро-комиссии получить энергетическую область в свое исключительное ведение. Роль суверенных стран как главных акторов в энергетической политике ЕС оставалась незыблемой вплоть до 2000-х годов.

К ИСТОРИИ ВОПРОСА

В начале 2000-х годов ЕК стала более активно участвовать в формировании единой энергетиче-ской линии. В тот период перед Евросоюзом стояли задачи повышения глобальной конкурентоспо-собности, формирования всеохватывающей климати-ческой повестки и закрепления за ЕС лидирующих позиций в этом процессе. Одновременно Европей-ский союз столкнулся с внутренними сложностя-ми, в числе которых — масштабное расширение (2004—2013 гг.) и падение добычи природного газа в странах-членах.

Внешний и внутривнутриполитический контексты развязали руки ЕК для форсирования коммуни-тарного взаимодействия на энергетическом треке.

Journal of the European Communities, 25 March 1985, no. L83, vol. 28, pp. 16-19.

Первым документом, в котором подробно рассматривались вопросы формирования единой внешней энергетической политики ЕС, стала опубликованная в 2000 г. Зеленая книга “Навстречу европейской безопасности энергообеспечения” [1]. Публикация была приурочена к значительному расширению ЕС, которое только планировалось в то время.

Первую Зеленую книгу скорее можно назвать пробным шаром в продвижении концепции единой внешней энергетической политики Европейского союза. Фиксируя достаточно очевидные вещи, такие как рост зависимости ЕС от поставок энергоресурсов в среднесрочной перспективе, авторы призывали страны-члены найти совместное решение этой проблемы.

Следующей попыткой систематизировать подход и понимание ЕС в части единой внешней энергополитики стала вторая Зеленая книга, выпущенная Еврокомиссией в 2006 г. В книге более широко рассматривались вопросы обеспечения устойчивой, конкурентоспособной и безопасной энергетики в объединенной Европе [2].

Именно в этот период произошла смена риторики ЕК в отношении роли государств как самостоятельных акторов в достижении энергетических целей ЕС. В книге впервые в истории Евросоюза напрямую упоминалось о необходимости для Европы говорить “единым голосом” в энергетических вопросах, а также особо подчеркивалась возможность обеспечения их общих интересов в мире только совместными усилиями. До этой публикации в документах ЕС, когда речь шла о единой внешней энергополитике, в обязательном порядке подчеркивалась первостепенная роль отдельного государства.

Аргументация авторов в пользу единого общеевропейского голоса в энергетике сводится к необходимости колоссальных инвестиций, увеличению в ближайшие 20–30 лет зависимости стран – членов ЕС от импорта энергетических ресурсов на 70%, ограниченному количеству их поставщиков (зависимость в экспорте газа от трех ключевых стран), росту цен на нефть и газ, а также незавершенности реформ по созданию единого внутреннего рынка, требованию диверсификации как источников энергии, так и стран-поставщиков и маршрутов поставок.

Отличительной особенностью второй Зеленой книги также стали впервые поднятые в общесоюзном документе вопросы формирования единого органа, который будет отслеживать потребность стран ЕС в энергетических ресурсах, создания Европейского центра энергетических сетей (*European Centre for Energy Networks*)² для контроля работы

² В итоге в предложенном виде эти структуры так и не были созданы.

всех электросетей ЕС. Авторы также предложили идею развития Панъевропейского энергетического сообщества (*pan-European Energy Community*). В дальнейшем большая часть этих предложений найдет отражение в практических действиях Европейской комиссии и ЕС в целом.

Для достижения поставленных во второй Зеленой книге целей потребовалась конкретизация задач и механизмов их реализации. В период с 2006 по 2011 г. вышла серия документов вторичного права, которые уточняли, развивали и дополняли генеральную линию ЕК по формированию единой внешней энергетической политики. Заголовки этих документов говорят сами за себя: совместный доклад Европейской комиссии и Высокого представителя ЕС по общей внешней политике и политике безопасности “Внешняя политика – на службе энергетических интересов Европы”, сообщение Еврокомиссии “Внешние энергетические связи – от принципов к действию” [3, р. 25]. Целью выпуска этих документов с громкими названиями было прежде всего обоснование необходимости проведения общей внешней энергетической политики, которая обеспечит более безопасные и устойчивые поставки энергоносителей в страны ЕС.

Благодаря усилиям Еврокомиссии в январе 2007 г. появился документ “Энергетическая политика для Европы” [4], а уже в марте на Европейском совете страны ЕС одобрили ее ключевые цели: повышение безопасности поставок, обеспечение конкурентоспособности экономики Евросоюза и доступности ресурсов, а также поддержку устойчивого развития и борьбы с изменениями климата [5].

В опубликованном Европейской комиссией в 2008 г. Плане действий по обеспечению энергетической безопасности и солидарности в ЕС цели внешней энергетической политики выделены более четко. В документе отмечалась необходимость развития инфраструктурных проектов и диверсификации маршрутов, стран-поставщиков и видов энергоресурсов, а также предлагалось рассматривать вопросы обеспечения надежного энергоснабжения Европейского союза в качестве ключевого приоритета международного энергетического сотрудничества стран-членов с третьими странами.

Важнейшей вехой стало включение в обновленную версию Договора о функционировании ЕС, вступившую в силу в 2009 г. и являющуюся документом первичного права, энергетического раздела и фиксация энергетики как сферы смешанной компетенции. При этом вопросы формирования структуры энергобаланса, выбора поставщиков и проведения внешней энергетической политики по-прежнему остались в исключительной компетенции стран-членов.

Итог пятилетней работы подвел выпущенный в 2011 г. второй установочный документ для реализации внешней энергетической политики ЕС: доклад Европейской комиссии “Энергетическая политика ЕС: взаимодействие с партнерами за рамками наших границ” [6]. Этот доклад определил четыре ключевые цели проведения внешней энергетической политики ЕС, которые включают построение внешнего измерения внутреннего энергетического рынка ЕС, где внешняя энергетическая политика подразумевает взаимосвязь внутреннего рынка и взаимозависимость стран – членов ЕС, расширение международного энергетического сотрудничества, в основе которого лежат высокие стандарты безопасности, а также защиты окружающей среды, содействие обеспечению доступа третьих стран к надежным, устойчивым и современным источникам энергии, включая поддержку более широкого использования низкоуглеродных и энергоэффективных технологий, а также выстраивание новой системы энергодиалога с ключевыми партнерами ЕС, в основе которой лежит координация внешних энергетических стратегий стран – членов Евросоюза.

В документе в очередной раз подчеркивалась необходимость говорить “единым голосом” по энергетическим вопросам. Для реализации такого подхода Европейская комиссия предложила странам – членам ЕС обеспечить предоставление ей информации по соглашениям в области энергетики, заключаемым с третьими странами, провести диверсификацию поставщиков энергии с акцентом на развитие инфраструктурных проектов, включая проект “Южный коридор”, а также уделить особое внимание сотрудничеству с соседними странами.

Среди перечисленного прежде всего обращает на себя внимание впервые выдвинутое предложение о направлении в ЕК информации по соглашениям в области энергетики с третьими странами. Небезынтересно присутствие подобной риторики в период, когда ЕС и Россия продолжали развивать стратегическое партнерство и энергодиалог. Несмотря на декларируемый дружественный характер взаимодействия с Российской Федерацией, Еврокомиссия вела активную подготовительную работу по формированию единой внешней энергетической политики, которая в том числе была направлена на ослабление зависимости ЕС от российского экспорта.

В этот же период ЕК дебютировала в роли третьей стороны на переговорах по энергетическим контрактам со странами-экспортерами. Подключение ЕК к переговорному процессу между Польшей и Россией в 2010 г. и Литвой и Россией в 2011–2014 гг. способствовало более выгодному исходу переговоров для стран – членов ЕС.

Участие ЕК в переговорах обосновывалось прежде всего наличием единого внутреннего рынка ЕС и взаимозависимости стран, следующей из этого факта. Усилия Европейской комиссии, на протяжении не одного десятилетия направленные на создание общего энергорынка, усиливали эту взаимозависимость и, как следствие, необходимость проведения более скоординированной, а в некоторых случаях даже единой внешней энергетической политики. Получается, что созданный общий рынок теперь уже не призывает, а вынуждает государства Евросоюза слить свои голоса в единый концерт в энергетической области.

Безусловно, политическая и экономическая разнородность стран ЕС, наличие среди них слабых и сильных, нежелание последних отдавать свои национальные полномочия на наднациональный уровень сдерживали продвижение ЕК в формировании единой внешней энергетической политики. Несмотря на то что положения ключевых документов, выпущенных ЕК начиная с 2000-х годов, носили в большей степени декларативный характер и не обязывали государства-члены к каким-либо совместным действиям в рассматриваемой области, Еврокомиссии удалось продвинуться в данном направлении и на практике. Именно в этот период ЕК перешла от создания законодательства в энергетической сфере к его активной имплементации как внутри союза, так и за его пределами. Этому активно способствовала и внешнеполитическая обстановка. После “кавказского” кризиса лета 2008 г., который внес сумятицу в российско-европейские отношения и породил волну недоверия, ЕС и Россия столкнулись с новым испытанием в контексте газового кризиса конца 2008 – начала 2009 г., разразившегося между РФ и Украиной. Представляется, что именно внешний фактор послужил спусковым крючком для активизации коммунитарной политики ЕК в области энергетики и способствовал принятию многих решений, которые невозможно было согласовать при более благоприятной внешнеполитической обстановке, прежде всего в формате отношений Запада с Россией, существовавших в начале 2000-х годов.

Кроме того, все эти события способствовали формированию общественного мнения в поддержку проводимой ЕК линии по расширению наднациональных полномочий в энергетической сфере.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОЙ ВНЕШНЕЙ ЭНЕРГОПОЛИТИКИ ЕС

В качестве одной из доминант внешней энергетической политики ЕС Еврокомиссия называла стремление “выстроить вокруг себя широкую

сеть стран, функционирующую на основе общих правил и принципов, вытекающих из энергетической политики ЕС” [7, р. 20]. Для реализации этой задачи в 2005 г. была создана международная организация, объединяющая Европейский союз и страны Юго-Восточной Европы, – Энергетическое сообщество. Этому шагу предшествовало подписание ряда документов между ЕС и странами названного региона о создании интегрированных рынков электроэнергии и газа. Соглашение о новой организации носило юридически обязывающий характер. Ключевой задачей создания такого сообщества стало расширение единого внутреннего энергетического рынка ЕС на страны Юго-Восточной Европы и региона Черного моря.

Заключив данное соглашение, страны, не входящие в Евросоюз, взяли на себя обязательства по приведению своего законодательства в областях электроэнергии, энергоэффективности, природного газа, конкуренции, возобновляемых источников энергии и охраны окружающей среды в соответствии с законодательством ЕС. Помимо всех членов Европейского союза в состав Энергетического сообщества на начальном этапе входили Албания, Босния и Герцеговина, Грузия, Македония, Молдавия, Черногория, Сербия и Украина. Статус наблюдателя имели Турция, Армения и Норвегия.

Цели ЕС по созданию Энергосообщества – это прежде всего экспорт законодательства, содействие региональной интеграции по периметру границ Евросоюза, создание предсказуемого рынка на его рубежах для обеспечения стабильных условий и, как следствие, повышения притока инвестиций. Выгода для ЕС очевидна, поскольку благодаря механизму Энергосообщества он экспортировал третьим странам свое законодательство, не включая их в собственный состав.

Подобное сотрудничество выгодно и странам, которые не являются членами ЕС, в частности, возможностью получения грантов через каналы Всемирного банка и других международных финансовых институтов. Кроме того, такие государства мотивированы созданием единого энергетического сообщества с членами ЕС с перспективой дальнейшего вступления в Европейский союз, обязательным условием которого является приведение странового законодательства в соответствие с союзным.

Повышению роли Энергетического сообщества для ЕС существенно способствовало вступление в его состав в 2010 г. Украины и Молдавии. Это расширение определило роль сообщества как ключевого гаранта обеспечения безопасности поставок энергоресурсов в страны Европейского союза.

В 2015 г. ЕС активизировал сотрудничество со странами Энергетического сообщества по созданию газовой инфраструктуры. Значимость Евросо-

юза в этом процессе как наднационального актора, проводящего единую внешнюю энергетическую политику, подчеркивает тот факт, что Меморандум по интенсификации сотрудничества Энергетического сообщества в июле 2015 г. от лица ЕС подписывали представители Европейской комиссии, а не представители всех стран союза.

Вице-президент Энергетического союза ЕС (подробнее об этой организации речь пойдет чуть ниже) М. Шевчович в 2015 г. особо выделил значимость Юго-Восточного региона Европы в контексте обеспечения безопасности поставок энергоресурсов [8]. Активное участие ЕС в Энергетическом сообществе от лица государств-членов стоит рассматривать как успешный пример проведения Еврокомиссией единой внешней энергетической политики.

ЕС путем экспорта своих норм и правил максимально приблизил границы европейского энергетического рынка, функционирующего по общесоюзным правилам, к непосредственным границам стран – экспортеров энергоресурсов. Очевидной его целью являлось исключение из цепочки “страна-экспортер – страна-транзитер – страна-импортер” среднего звена. “Энергоконтроль” ЕК над странами-транзитерами позволял обеспечить, во-первых, стабильность в энергохабах, важных для Евросоюза с точки зрения бесперебойности поставок, а во-вторых, предсказуемость проводимой энергетической политики вне зависимости от внешнеполитического контекста, учитывая, что смена законодательства – процедура достаточно длительная.

Более того, за счет активного экспорта коммунального законодательства ЕС приобрел возможность навязывать свои правила “энергетической” игры странам-импортерам, вынуждая их также подстраиваться под собственные нормы.

Стоит отметить, что экспорт своей внутренней политики ЕС проводит не только в области энергетики, но и в других направлениях, таких как социальная сфера, институциональная среда. Иными словами, ЕС руководствуется правилом: “Наш размер подходит всем” [9].

Примером может служить созданное в 2009 г. “Восточное партнерство”, участие в котором принимают шесть стран: Украина, Молдавия, Грузия, Армения, Белоруссия и Азербайджан. На первый взгляд партнерство – это прежде всего организация, преследующая политические цели. При этом нельзя не отметить, что одним из трех ключевых направлений его деятельности является подключение стран-партнеров к единой энергетической системе ЕС. Среди четырех направлений работы комитетов старших должностных лиц партнерства есть направление “энергетическая безопасность”. Одним из ключевых инструментов работы

ЕС по этим направлениям является финансовая поддержка проектов, реализуемых на территории партнеров программы. Таким образом, мы видим, что даже структуры, направленные на политическое сближение стран-соседей с ЕС, не обходят стороной энергетическую проблематику.

Подобную политику по экспорту законодательства Европейская комиссия проводит и в странах Средиземноморского региона. Для этих целей в 2007 г. была создана Ассоциация средиземноморских энергетических регуляторов (*Association of Mediterranean Energy Regulators, MEDREG*). В нее вошли 22 страны, из которых только восемь – члены Европейского союза³. Деятельность ассоциации также нацелена на интеграцию энергетических рынков и повышение инвестиций в энергетическую инфраструктуру. В отличие от Энергетического сообщества, в котором участвуют все страны ЕС, *MEDREG* включает в себя лишь ограниченное количество его членов. При этом во множестве документов ассоциации подчеркивается направленность на интенсификацию сотрудничества с Европейским союзом.

Несмотря на различные и довольно часто отстающие от графика успехи двух интеграционных объединений, с их помощью Еврокомиссия воплощает в реальность приоритеты единой внешней энергетической политики, которая также способствует созданию Панъевропейского энергетического сообщества в соответствии с положениями Зеленой книги 2006 г.

Более чем десятилетний опыт функционирования таких объединений, прежде всего Энергетического сообщества, безусловно, является существенным подспорьем в развитии ключевого на данный момент проекта Европейской комиссии в области энергетики и важнейшим достижением в контексте создания единой внешней энергетической политики – Энергетического союза ЕС.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СОЮЗ ЕС: БЕЗОПАСНОСТЬ ПОСТАВОК, СОЛИДАРНОСТЬ И ДОВЕРИЕ

Вопросы создания общего института, который будет отвечать за формирование единой энергетической политики ЕС, поднимались начиная с 2006 г. При этом до 2015 г. их не удавалось превратить в жизнь.

Стечение обстоятельств, к которым можно отнести смену руководства Европейского союза в 2014 г. и выборы представителя Польши – страны, которая всегда являлась сторонником уменьшения энергезависимости от России, – на должность

председателя Европейского совета, выход на завершающий этап формирования единого внутреннего энергетического рынка, а также осложнившиеся отношения Брюсселя и Москвы, способствовали продвижению идеи создания Энергетического союза ЕС его сторонниками. Отнюдь неслучайность, что начиная с марта–апреля 2014 г. европейские политики начали активно продвигать тему создания новой энергетической структуры.

В своем выступлении 29 марта 2014 г. на церемонии закладки первого камня нового энергоблока в польском южном городе Тыхы премьер-министр Польши Д. Туск призвал страны ЕС реформировать энергетическую политику и серьезно задуматься о создании Энергетического союза, целью которого будет диверсификация источников энергии и снижение зависимости от поставок ресурсов Россией⁴. Главной идеей Д. Туска, которая вызвала многочисленные дебаты среди стран – членов ЕС, была централизация закупок газа для ЕС и приведение к единому знаменателю цены на этот вид топлива для всех членов объединения. Это предложение было отвергнуто, однако идея создания Энергосоюза продолжала развиваться.

15 июля 2014 г. Ж.-К. Юнкер – на тот момент кандидат в председатели Европейской комиссии – в своей предвыборной речи обозначил 10 приоритетов деятельности в случае избрания на этот пост. Одним из ключевых он назвал изменение энергетической политики ЕС путем создания Энергетического союза. В этой речи Ж.-К. Юнкер отметил ключевые направления работы новой структуры, к числу которых он отнес диверсификацию источников поставок энергоресурсов, уменьшение энергезависимости стран ЕС от экспорта, развитие возобновляемой энергетики, повышение энергоэффективности, борьбу с климатическими изменениями.

В целом в своей речи тогда еще кандидат в председатели Еврокомиссии не представил каких-то новых, ранее не озвученных целей энергетической политики Евросоюза. Упор был сделан на создание новой структуры – Энергетического союза ЕС – и объединение голосов государств-членов в энергодиалоге с третьими странами. Эти выступления вызвали активные обсуждения необходимости кардинальной трансформации европейской энергополитики и ее форсирования.

Дополнительным подспорьем для продвижения Энергосоюза стал выпуск в 2014 г. концептуальных документов: страны ЕС согласовали новые цели в области изменения климата и энергетики до 2030 г., а также одобрили стратегию энергетической безопасности.

³ См.: *Официальный сайт Ассоциации средиземноморских энергетических регуляторов*. Available at: <http://www.medreg-regulators.org/Aboutus.aspx> (accessed 11.02.2021).

⁴ Подробнее см.: PM Tusk Outlines Vision for EU Energy Union. *Radio Poland*, 23.03.2014. Available at: <http://archiwum.thenews.pl/1/9/Artykul/166793> (accessed 11.02.2021).

Население ЕС одобрило линию ЕК на усиление коммунитарной энергополитики, о чем говорит исследование общественного мнения внутри стран-членов, проведенное в рамках серии “Евробарометр” в июле 2015 г. Согласно опросам, более 72% граждан поддержали проведение единой энергетической политики государствами, входящими в ЕС [10, р. 34]. Не бесосновательно можно полагать, что общественное мнение в среднесрочной перспективе может стать весомым “козырем” в руке Европейской комиссии.

Таким образом, сочетание благоприятных внешних и внутренних факторов подготовило базу для активизации Еврокомиссией действий, направленных на формирование общей энергетической политики Европейского союза, и в конечном итоге привело к созданию в 2015 г. Энергетического союза ЕС. Это событие стало безусловной победой сторонников передачи на уровень ЕК функционала, необходимого для осуществления такой политики. История запуска Энергетического союза ЕС наглядно продемонстрировала сильную сторону Еврокомиссии, которая заключается в долгосрочном стратегическом планировании и возможности в этой связи осуществлять плавное поступательное движение вперед с параллельным поиском благоприятного момента для совершения прорыва. Если бы не многолетний труд ЕК, направленный на формирование предпосылок для старта единой внешней энергетической политики, даже самые благоприятные факторы не привели бы к созданию Энергетического союза.

Но, несмотря на удачно выбранный момент по запуску этого проекта, внутри институтов ЕС не существовало единства в деле поддержки Энергосоюза. После публикации 25 февраля 2015 г. стратегии его создания парламентарии ЕС разделились в своих оценках предложения Европейской комиссии. Президент Европейского парламента высказался в пользу создаваемого союза, особо выделив внешнеполитический контекст, в котором происходит трансформация энергополитики ЕС. Идея также была полностью поддержана ведущими партиями Европарламента. Однако высказывались и мнения против. “Зеленые”, или как их еще называют “Европейский свободный альянс”, не поддержали новшество, ориентированное, по их представлению, исключительно на газовую проблематику. Риторика “Зеленых” разделили представители группы “Европейские объединенные левые”, сославшись на необходимость активизации действий в области возобновляемых источников энергии, тогда как стратегия Энергосоюза таковых не предусматривала [11].

В основу деятельности Энергетического союза ЕС действительно легло отнюдь не развитие возобновляемой энергетики. Три ключевые долгосроч-

ные цели энергетической политики ЕС сводились к обеспечению безопасности поставок, устойчивости и конкурентоспособности. При этом среди пяти приоритетов работы Энергосоюза, включающих продолжение формирования внутреннего рынка, повышение энергоэффективности, борьбу с изменением климата, развитие науки и инноваций, особняком стояло направление по обеспечению безопасности поставок энергоносителей, солидарности и доверия между странами ЕС.

В пояснительной записке, подготовленной Европейской комиссией, о целях, задачах и принципах работы Энергетического союза ЕС, в очередной раз подчеркивалось, что ЕС импортирует 53% потребляемой энергии, при этом ряд стран-членов зависит исключительно от одного поставщика [12]. В этой связи диверсификация источников и поставщиков энергии назвалась основным инструментом достижения энергетической безопасности ЕС.

Если такие направления, как энергоэффективность, наука и инновации, были хорошо знакомы как гражданам ЕС, так и еврочиновникам, то для разъяснения прочих основ и целей работы Энергетического союза ЕС, прежде всего первого направления деятельности – безопасности поставок, солидарности, доверия, вице-президент Энергосоюза ЕС совершил специальный тур по странам Евроосоюза. В преддверии посещения каждой страны Европейская комиссия совместно с профильным национальным ведомством готовила пакет документов, включавший в том числе обзор энергетического сектора конкретного государства, а также информацию о преимуществах, которые оно получит от участия в Энергосоюзе.

По данным этой документации, только 16 стран могли претендовать на улучшение параметров своей энергобезопасности посредством участия в Энергетическом союзе. Среди них – Бельгия, Болгария, Хорватия, Кипр, Чехия, Эстония, Финляндия, Венгрия, Ирландия, Италия, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия и Словения. При этом в большинстве случаев обещанные преимущества описывались общими фразами и формулировками относительно диверсификации поставщиков, маршрутов энергоресурсов и лучшей координации действий стран-членов в непредвиденных обстоятельствах в области поставок электроэнергии. Ряду государств недвусмысленно демонстрировались перспективы избавления от зависимости от поставок российского газа.

“ГАЗОВЫЙ ПАКЕТ”: УСПЕХ ПЕРВЫХ ШАГОВ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОЮЗА ЕС

Параллельно с разъяснительной работой в феврале 2016 г. ЕК выпустила первый пакет законода-

тельных инициатив в рамках Энергосоюза. Ключевыми документами “пакета по безопасности” – или, как его еще называют, газового пакета – стали новые правила регулирования безопасности поставок газа, пересмотр правил относительно заключения межправительственных соглашений в области энергетики с третьими странами, Стратегия развития в области сжиженного природного газа и хранения газа, а также Стратегия по вопросам отопления и охлаждения. Два документа из представленных в “газовом пакете” напрямую относятся к сфере внешней энергетической политики.

По итогам рассмотрения “газового пакета” Еврокомиссия 5 апреля 2017 г. приняла решение № 2017/684 “Об учреждении механизма обмена информацией о межправительственных соглашениях и необязательных документах между государствами – членами ЕС и третьими странами в области энергетики”, а затем 25 октября 2017 г. – регламент 2017/1938 “О мерах по обеспечению надежности поставок газа”, который вступил в силу с 1 ноября 2017 г. и пришел на смену соответствующему регламенту 994/2010, применявшемуся с 2010 г.

Решение об обмене информацией стало важнейшим на пути к единой внешней энергополитике. Вопрос раскрытия сведений по заключаемым странами – членами ЕС соглашениям в области энергетики обсуждался с 2008 г. Тогда в одном из своих выступлений Высокий представитель ЕС по общей внешней политике и политике безопасности Х. Солана отметил, что обеспечение обмена информацией о двусторонних переговорах способно усилить переговорные позиции ЕС в целом.

В ноябре 2010 г. Европейская комиссия направила обращение в Европарламент и Совет ЕС под названием “Развитие энергетики до 2020 года. Стратегия для конкурентоспособной, устойчивой и безопасной энергетики”. В этом документе прозвучало предложение привести международные соглашения (прежде всего в области газа) в соответствие с правилами внутреннего энергетического рынка ЕС.

По итогам заседания Европейского совета 4 февраля 2011 г. странам – членам ЕС было предложено предоставлять в Европейскую комиссию сведения об уже заключенных или новых двусторонних соглашениях в области энергетики. При этом ЕК получила полномочия передачи полученных сведений всем государствам союза [13].

В рамках обсуждения этой идеи европейские парламентарии высказывали опасения, что подобные действия ухудшат отношения некоторых членов ЕС с третьими странами. Отмечалась общая неподготовленность документа, и звучали требования его дальнейшей доработки [14]. При этом по окончании дебатов в Европарламенте 12 сентября

2012 г. предложение ЕК получило поддержку. На голосовании 13 сентября 2012 г. 369 парламентариев высказались за принятие решения и 240 – против. Столь существенное количество противников данного предложения в очередной раз подчеркнуло нежелание весомой доли членов ЕС передавать полномочия по проведению внешней энергетической политики на наднациональный уровень.

В октябре 2012 г. Европейский парламент принял ключевое решение 994/2012 о необходимости государствам ЕС предоставлять Еврокомиссии информацию о новых и существующих соглашениях с третьими странами в области энергетики [15]. В решении особо подчеркивалось, что требование о предоставлении такого рода сведений в ЕК не распространяется на коммерческую документацию. Также страна, передающая соответствующие данные, может объявить любую их часть коммерческой тайной. В таком случае этот раздел соглашения будет скрыт от остальных участников ЕС. Доступ к полной информации получит только Еврокомиссия, что обеспечит ее осведомленность и усилит позиции в качестве наднационального актора. Кроме того, изначально предполагалось, что решение 994/2012 наделит Еврокомиссию полномочиями для рассмотрения текстов соглашений до их подписания, однако из итогового документа это положение было удалено.

В соответствии со ст. 8 решения Еврокомиссия в феврале 2016 г. опубликовала первый отчет об итогах его выполнения [16]. Начиная с 2012 г. государства-члены предоставили Еврокомиссии 124 соглашения, причем в статусе уже заключенных. В отчете отмечалось, что ни одна из стран не представила ЕК для оценки планируемый к подписанию документ. По оценкам Еврокомиссии, 17 соглашений, касающихся поставок энергоресурсов, их транзита или инфраструктуры (в основном речь шла о газо- и нефтепроводах), не соответствовали законодательству ЕС. Информация о необходимости приведения их к действующим нормам была передана представителям соответствующих стран. Однако ни одна из последних не переработала эти соглашения.

Ключевым заключением отчета Еврокомиссии о реализации решения 994/2012 стало положение о его неэффективности. Эта неэффективность была обусловлена главным образом тем, что ЕК рассматривала уже заключенные соглашения, внесение изменений в которые постфактум практически невозможно. Сделанный в отчете вывод ошутимо помог в переговорном процессе о принятии нового решения по вопросам раскрытия информации.

В соответствии с решением 2017/684 от 2017 г. страны – члены ЕС должны в настоящее время уве-

домлять ЕК о старте переговоров по заключению межправительственного соглашения в энергетической сфере и об их ходе. В обязательном порядке это касается межправительственных соглашений в нефтегазовой области. Итоговый проект документа перед подписанием договаривающимися сторонами должен быть направлен в ЕК для оценки его на предмет соответствия законодательству Европейского союза. При этом рекомендации ЕК не являются обязательными к исполнению.

В тексте решения речь шла о намерениях сторон прийти к общему пониманию с учетом рекомендаций ЕК. Механизмы обязательного направления проектов соглашений с третьими странами на рассмотрение в ЕК для Евросоюза не стали новинкой, но отличие данного кейса заключалось в том, что прежде подобные механизмы работали лишь в сферах исключительной компетенции ЕС, тогда как энергетика *остаётся* зоной совместного ведения.

Для усиления координации и транспарентности ЕК, используя специально предназначенные для этого электронные ресурсы, отныне могла распространить информацию о межправительственном соглашении среди всех стран — членов ЕС. При этом сохранялась возможность по запросу страны-члена, выступающей одной из сторон межправительственного соглашения, публикации не полного его текста, а краткого обзора. Такое резюме в обязательном порядке должно содержать информацию о целях, задачах, периоде действия соглашения и о его участниках. За ЕК закреплялось право присутствовать на переговорах в качестве наблюдателя в случае согласия страны — члена ЕС, ведущей эти переговоры.

Важно отметить, что решение было ориентировано прежде всего на соглашения, касающиеся газовой тематики. Соглашения в области электроэнергетики оглашались на добровольных началах.

Решение было принято достаточно быстро. В феврале 2016 г. ЕК внесла пакет документов в Европарламент, затем в июне 2016 г. предложение уже одобрил Совет Европейского союза, и менее чем через год оно вступило в силу. Ускоренное принятие подобного решения можно объяснить, во-первых, благоприятными внешними факторами, в числе которых эскалация конфликта с Россией, а также кардинальная смена энергетической и экологической политики в США с приходом к власти президента Д. Трампа. Во-вторых, нельзя не отметить, что чиновники ЕК умело использовали в своих целях результаты создания единого внутреннего энергетического рынка, включая либерализацию рынка газа. В обоих документах — 2012 и 2017 гг. — красной нитью проходил тезис о том, что в ситуации, когда энергорынки всех стран ЕС

взаимозависимы, члены объединения не должны принимать решений в одностороннем порядке. Этот тезис обосновывался тем, что в случае ошибочных решений пострадают не только принявшая его страна, но и другие члены ЕС. К этому же выводу подводят стресс-тесты⁵, проведенные по указанию ЕК Европейской сетью операторов газотранспортных систем. Данные стресс-тесты показали, что обеспечение безопасности на страновом уровне не так эффективно, как комплекс мер на наднациональном, коммунитарном уровне⁶.

Действительно, по сравнению с решением 2012 г. полномочия ЕК существенно расширились. При этом рекомендации Еврокомиссии остались необязательными к исполнению. Кроме того, они касались лишь соглашений на государственном уровне, речи о коммерческих контрактах в этом решении не шло.

Представляется, что сам факт получения ЕК полномочий по предварительному рассмотрению проектов соглашений с большей долей вероятности затянет процесс подписания подобного рода документов и даст комиссии дополнительные рычаги давления на страны — члены ЕС в проведении их национальной энергетической политики, отвечающей прежде всего интересам конкретной страны-члена, а не общекоммунитарным.

Не вошедшее в решение положение о рассмотрении коммерческих контрактов на поставки газа нашло отражение в документе, посвященном вопросу безопасности поставок этого энергоресурса. Регламент 2017/1938 ввел обязательства для газовых компаний информировать национальный уполномоченный орган о заключении или внесении изменений в контракты, которые влияют на обеспечение энергетической безопасности. К таковым согласно регламенту отнесены контракты, срок действия которых составляет более года, а объем законтрактованного газа превышает 28% общего объема газа, потребляемого страной — членом ЕС, на территории которой этот контракт выполняется. Обращает на себя внимание тот факт, что в первом варианте проекта документа объем законтрактованного газа в договорах, подлежащих раскрытию в обязательном порядке, должен был превышать 40%. Понизив эту норму до 28%, Еврокомиссия расширила число контрактов, подлежащих обязательно раскрытию.

⁵ Стресс-тестирование — одна из форм тестирования, которая используется для определения устойчивости системы или модуля в условиях превышения пределов нормального функционирования.

⁶ Подробнее см.: *Communication from the Commission to the European Parliament and the Council on the Short Term Resilience of the European Gas System*. 16.10.2014. Available at: https://ec.europa.eu/energy/sites/default/files/documents/2014_stresstests_com_en_0.pdf (accessed 11.02.2021).

Помимо раскрытия информации в документе поднимался еще один очень важный и давно стоящий в повестке вопрос о необходимости перехода от национального подхода к еврорегиональному. Координирующая роль ЕК подчеркивалась по всем направлениям, на которые распространялся регламент. ЕК должна оценивать планы предотвращения кризисных ситуаций и планы действий при чрезвычайных ситуациях, которые разработают страны. Европейская комиссия наделялась координационной ролью в части согласования действий между компетентными органами в каждой из стран-членов на региональном и коммунитарном уровнях. У нее также появилась возможность объявлять чрезвычайное положение в ЕС на основе обращения всего лишь двух стран-членов. В случае объявления ЧП ЕК уполномочена вести диалог с третьими странами от лица Европейского союза, а также рекомендовать странам-членам действия, которые стоит предпринимать в сложившейся ситуации.

Расширение регионального компонента выразилось в обязательности включения скоординированных планов регионального сотрудничества в страновые планы действий при чрезвычайных и кризисных ситуациях. Традиционно не был забыт трек сотрудничества со странами Энергетического сообщества в случаях, когда это необходимо.

* * *

Очевидно, что законодательные инициативы Европейской комиссии направлены на углубление практической реализации общей внешней энергетической политики ЕС в таких аспектах, как расширение собственного законодательства на

третьи страны и повышение субъектности Европейского союза.

Чуть менее 20 лет потребовалось ЕС для достижения ощутимых результатов на пути продвижения к единой внешней энергополитике. Особенно продуктивным стал период, начавшийся в 2014 г.: при внешнеполитических условиях, благоприятных для отстаивания тезиса о необходимости “единого энергетического голоса” для всей Европы, ЕК удалось запустить проект Энергетического союза ЕС, а затем провести важнейшие решения о безопасности поставок газа и раскрытии информации по международным соглашениям.

Решения и нормы, зафиксированные в сопроводительных документах, с большой долей вероятности будут способствовать усилению зависимости стран – членов ЕС от решений наднациональных органов, приведут к усложнению и удлинению переговорного процесса при заключении соглашений, ослабят переговорные позиции суверенных государств, а также могут осложнить двусторонние отношения между государствами Евросоюза и третьими странами, прежде всего поставщиками энергоресурсов, в будущем.

Подход Европейской комиссии, основанный на поступательном движении и поиске момента для прорыва, доказал свою результативность. Путь ЕК к коммунитарному энергетическому будущему продолжается и сейчас. Странам – партнерам Европейского союза необходимо тщательно анализировать происходящие процессы и просчитывать свои действия в ответ на усиливающийся общеевропейский энергетический голос.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Green Paper: Towards a European Strategy for the Security of Energy Supply*. European Commission, COM (2000) 769 final. Brussels, 29.11.2000. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52000DC0769&from=EN> (accessed 11.02.2021).
2. *Green Paper: a European Strategy for Sustainable, Competitive and Secure Energy*. European Commission, COM (2006) 105 final. Brussels, 08.03.2006. Available at: http://europa.eu/documents/comm/green_papers/pdf/com2006_105_en.pdf (accessed 11.02.2021).
3. Пашковская И.Г. Европейский Союз: формирование внешней энергетической политики. *Аналитические доклады научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России*, 2008, № 1 (20). 65 с. [Pashkovskaya I.G. Evropeiskii Soyuz: formirovanie vneshnei ehnergeticheskoi politiki [European Union: Shaping of the External Energy Policy]. *Analiticheskie doklady nauchno-koordinatsionnogo soveta po mezhdunarodnym issledovaniyam MGIMO (U) MID Rossii*, 2008, no. 1 (20). 65 p.]
4. *An Energy Policy for Europe*. European Commission, COM (2007) 1 final. Brussels, 10.01.2007. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52007DC0001&from=EN> (accessed 11.02.2021).
5. *Brussels European Council 8/9 March 2007. Presidency Conclusions 7224/1/07*. The Council of the European Union. Brussels, May 2, 2007. Available at: https://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/ec/93135.pdf (accessed 11.02.2021).
6. *On Security of Energy Supply and International Cooperation – “The EU Energy Policy: Engaging with Partners beyond Our Borders”*. European Commission, COM (2011) 539 final. Brussels, 07.09.2011. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52011DC0539&from=EN> (accessed 11.02.2021).
7. Конопляник А.А. Вхождение Украины в Договор об Энергетическом сообществе ЕС со странами Юго-Восточной Европы: последствия для всех заинтересованных сторон. *Нефть и газ*, 2010, № 6, сс. 20-36. [Konoplyanik A.A. Vkhozhdenie Ukrainy v Dogovor ob Ehnergeticheskom soobshchestve ES so stranami Yugo-Vostochnoi

- Evropy: posledstviya dlya vsekh zainteresovannykh storon [The Entry of Ukraine into the EU Energy Community Treaty with the Countries of Southeast Europe: Effects for All Stakeholders]. *Neft' i Gaz*, 2010, no. 6, pp. 20–36.]
8. CESEC Countries Move to Build Integrated Gas Market. *Sofia News Agency*, 10.07.2015. Available at: <https://www.novinite.com/articles/169800/CESEC+Countries+Move+to+Build+Integrated+Gas+Market> (accessed 11.02.2021).
 9. Renner S. The Energy Community of Southeast Europe: A Neo-Functionalist Project of Regional Integration. *European Integration online Papers*, 2009, vol. 13. Available at: <http://eiop.or.at/eiop/pdf/2009-001.pdf> (accessed 11.02.2021).
 10. Public Opinion in the European Union. *Standard Eurobarometer 83*, Spring 2015. p. 34. Available at: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb83/eb83_first_en.pdf (accessed 11.02.2021).
 11. Levy-Abegnoli J. Challenges Ahead for EU Energy Union Implementation, Warn MEPs. *The Parliament*, 02.03.2015. Available at: <https://www.theparliamentmagazine.eu/articles/news/challenges-ahead-eu-energy-union-implementation-warn-meps> (accessed 11.02.2021).
 12. *Energy Union Factsheet*. European Commission. 25 February, 2015. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_15_4485 (accessed 11.02.2021).
 13. *European Council 4 February 2011*. Conclusion EUCO/2/1/11.13. Brussels, 8 March, 2011. Available at: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/119175.pdf (accessed 11.02.2021).
 14. *Intergovernmental Agreements between Member States and Third Countries in the Field of Energy (Debate)*. European Parliament. 12 September, 2012. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20120912+ITEM-014+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (accessed 11.02.2021).
 15. Decision No. 994/2012/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 Establishing an Information Exchange Mechanism with Regard to Intergovernmental Agreements between Member States and Third Countries in the Field of Energy. *Official Journal of the European Union*, 27.10.12. Available at: EUR-Lex-32012D0994-EN-EUR-Lex (europa.eu) (accessed 11.02.2021).
 16. *Report from the Commission to the European Parliament, the Council and the European Economic and Social Committee on the Application of the Decision 994/2012/EU Establishing an Information Exchange Mechanism on Intergovernmental Agreements between Member States and Third Countries in the Field of Energy*. European Commission, COM (2016) 54 final. Brussels, 16.02.2016. Available at: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/1_EN_ACT_part1_v5_0.pdf (accessed 11.02.2021).

FORMING THE EUROPEAN UNION COMMON EXTERNAL ENERGY POLICY: KEY EVENTS AND RESULTS

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 5, pp. 39-48)

Received 08.05.2020.

Ol'ga N. YUDINA (lamp12@yandex.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Energy has always been of particular importance to the European Union. Meanwhile, up to the beginning of the 21st century, this area had been in exclusive competence of member states, with timid attempts of the European Commission (EC) to receive part of the powers in the energy sphere. The article is devoted to the issues of the EU common external energy policy development that was accompanied by a dichotomy of interests between the member-states, which hardly like the idea of the energy sector communitarisation, and the European Commission, which has been the main driver of supranationalisation of the energy sphere for a long period of time. The author characterizes the main achievements towards the EU common external energy policy, including the law regarding the export of energy to neighboring non-member countries through various organizations, such as the Energy Community, the Eastern Partnership, MEDREG, and launching of the European Energy Union (EEU) in 2015. Special attention is paid to external factors that facilitated the enhancement of the European Commission's role in the energy sphere. The new era for the EU common external energy policy started in 2015 with the EEU and energy security as one of its priority, partly due to the gas crises and political tension between the European Union and Russia. It is noted that the EEU has facilitated the adoption of some EC's legal proposals that could not be adopted for a long time, such as the mechanism of consultations on new intergovernmental contracts. In general, the creation of the Energy Union should certainly be seen as strengthening the supranational energy competences of the European Commission. It is concluded that the European Commission has made a significant progress towards a common external energy policy, strongly supported by the public opinion that the European Union should speak one voice with third countries. Despite the lack of legally supported competencies in energy for the EC, it gained authority in different directions of the EU energy policy development. Under these circumstances, the common energy market that has led to energy interdependent of the member states, forces them to cooperate at a supranational level. The author argues that third countries should clearly understand the dynamic and processes of communitarisation of the energy sphere and adopt their cooperation with the European Union based on this knowledge.

Keywords: European Union, common external energy policy, European Commission, Energy Union, communitarisation.

About author:

Ol'ga N. YUDINA, Post-Graduate Student.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-39-48

ЮЖНАЯ АЗИЯ
В РЕГИОНАЛЬНОЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: ИНДИЙСКИЙ ВЗГЛЯД

© 2021 г. А. Куприянов

*КУПРИЯНОВ Алексей Владимирович, кандидат исторических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (a.kupriyanov@imemo.ru).*

Статья поступила в редакцию 06.02.2021.

Статья посвящена анализу индийского подхода к концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). Автор дает описание истории появления термина и анализирует предпосылки в сферах политики, экономики, безопасности и культуры, которые способствовали формулированию и продвижению концепции ИТР в индийских политических элитах и экспертных кругах. Автор отмечает, что в политическом сообществе Индии можно выделить два течения: представители первого делают акцент на антикитайской составляющей ИТР, для представителей второго она служит потенциальным фундаментом обоснования экспансии на Восток.

Ключевые слова: Индия, Индийский океан, Тихий океан, ИТР, Индо-Тихоокеанский регион, Индо-Пацифика.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-49-58

Индо-Тихоокеанский регион (ИТР, Индо-Пацифика) – сравнительно новый геополитический конструкт. Он появился в мировом политическом дискурсе менее полутора десятилетий назад и вскоре вызвал ожесточенные споры: в то время как экспертное сообщество и политические круги США, Индии, Австралии, Японии, Индонезии, ряда европейских стран взяли его на вооружение, Китай относится к нему с подозрением, полагая, что он призван ограничить рост его экономического и политического могущества. Дальше всего в концептуализации ИТР продвинулись США и Индия, при этом их варианты Индо-Пацифики с каждым годом расходятся все больше. Для Вашингтона ИТР – удобный политический конструкт, который, в соответствии с Индо-Тихоокеанской стратегией США, необходим для того, чтобы использовать страны региона (прежде всего Индию и Австралию) для сдерживания Китая. Для Нью-Дели ИТР – это прежде всего концепция, позволяющая подвести базу под претензии Индии на статус великой державы. Эта концептуальная разница зачастую ускользает от внешних наблюдателей, ставящих знак равенства между концепциями ИТР, разрабатываемыми в разных странах и зачастую кардинально отличающимися друг от друга.

Индийская концепция Индо-Пацифики представляет для России наибольший интерес по двум причинам. Во-первых, именно там зародилась идея ИТР в современном его понимании. Индийские ученые, политики и эксперты за прошедшие годы сформировали во внешнеполитическом дискурсе своего рода модельный образ Индо-Пацифики на основе принципов инклюзивности и асеаноцентризма, который, в отличие от американского,

охотно принимается политическими элитами стран Юго-Восточной Азии (ЮВА). Во-вторых, Индия является особо привилегированным стратегическим партнером России, и Москва неоднократно заявляла о заинтересованности в расширении связей с Нью-Дели. Понимание императивов Индии в регионе, степени укорененности идеи Индо-Пацифики в индийской внешнеполитической мысли и ее влияния на индийскую стратегию представляется крайне важным: только с учетом этого фактора Москве удастся выстроить успешную стратегию развития российско-индийских отношений.

Это тем более важно, что в российских внешнеполитических кругах восприятие ИТР крайне неоднозначное. Часть российских политических элит просто не замечает того, что у Индии есть своя, особая концепция Индо-Пацифики, по сути ставящая знак равенства между идеей ИТР, от кого бы она ни исходила, и американской стратегией сдерживания Китая, рассматривая Индо-Пацифику как творение Вашингтона, призванное заменить концепцию Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и лишить АСЕАН ее центральной роли в регионе. С другой стороны, президент В.В. Путин осенью 2019 г., отвечая на вопрос индийского журналиста об Индо-Пацифике, заявил: “Есть разные толкования этой концепции. Если будет создаваться сетевая структура различных организаций и их взаимодействий между собой, ее можно назвать как угодно. Если будет предпринята попытка создать блоковые организации – это чуждо Азии вообще и это вряд ли удастся сделать. Нужно учитывать интересы, искать компромиссы и двигаться дальше” [1]. Тем самым российский президент подтвердил, что Москва не выступает против самой идеи ИТР до тех пор,

пока она не превратится в организацию, ставящую целью силовое сдерживание Китая.

Эта неоднозначность оценок связана, по всей видимости, с тем, что индийская концепция Индо-Пацифики совсем недавно начала обретать форму, превращаясь из полуабстрактного видения в инициативу, подразумевающую постановку целей и разработку механизма их достижения. Для того чтобы понять их, необходимо изучить историю формирования самой концепции ИТР, используя для этого методы *критической геополитики и исторической социологии*, позволяющие не только проследить сам процесс такого формирования и выяснить, какими идеями руководствовались люди, эту концепцию выдвигавшие, но и выделить факторы, оказавшие влияние на формирование их идей.

ИНДО-ПАЦИФИКА: 170 ЛЕТ ИСТОРИИ

Термин *Indo-Pacific* был изобретен в 1850 г. британским этнологом Джеймсом Ричардсоном Логаном, опубликовавшим книгу “Этнология Индийского архипелага: изучение отношений жителей Индо-Тихоокеанских островов с континентом” [2]. В те годы шло активное изучение островов ЮВА, и многие ученые, в частности Альфред Уоллес, Джордж Эрл, Джеймс Логан, предлагали свои варианты названия для архипелага, призванные подчеркнуть обособленность его культурных традиций и в то же время их связь с континентальными культурами. В итоге утвердился термин А. Уоллеса “Малайский архипелаг”, а изобретенный Дж. Эрлом термин “Индонезия” закрепился впоследствии в названии страны. Предложенный Логаном вариант “Индо-Тихоокеанские острова” не прижился.

Вновь термин “Индо-Пацифика” появился в политическом словаре 1920-х годов благодаря немецкому геополитику Карлу Хаусхоферу. Он был военным атташе Баварии в Японии, позже служил инструктором в японской армии, объездил значительную часть региона, побывал в Маньчжурии, Индии, Юго-Восточной Азии и Корее. После поражения Германии в Первой мировой войне Хаусхофер посвятил себя науке, став одним из отцов новой волны немецкой геополитики. В своих статьях и обзорах, регулярно публиковавшихся в журнале *Zeitschrift für Geopolitik*, и в монографии “Немецкая культурная политика в Индо-Тихоокеанском регионе” [3] он отстаивал идею о том, что именно в Индо-Тихоокеанском регионе, в который он включал Индийский океан и западную часть Тихого океана, будет решаться будущее человечества, и Германии, для того чтобы вернуть себе былое величие, необходимо вступить в союз с ведущими странами этого региона. Хаусхофер, как считается, сыграл важную роль в заключении Антикоминтерновского пакта,

убедив Гитлера в необходимости ориентироваться на Японию как на перспективного партнера на Дальнем Востоке.

После Второй мировой войны идеи Хаусхофера вышли из моды; но сама мысль о том, что регион Индийского океана и Западная Пацифика представляют собой единое культурно-политическое пространство, прослеживается в работах индийских исследователей 1940–1950-х годов. Первые ученые, геополитики независимой Индии — Балкришна Ваидья и Кавалам Мадхара Паниккар — включали в сферу интересов нового государства весь регион Индийского океана, ЮВА и западную часть Тихого океана, хотя не называли эту воображаемую географическую общность Индо-Тихоокеанским регионом. В годы холодной войны этот термин, временно утратив геополитическое значение, неоднократно использовался в исключительно географическом смысле — к примеру, в наименовании *Индо-Тихоокеанского совета по рыболовству*. В 1950-х годах его применяли австралийские ученые при обсуждении проблем колонизации (“*Индо-Тихоокеанские доминионы*”) [4, р. 64]; десятилетием позже он использовался в ряде работ по ядерной и региональной безопасности [5, 6]. Во время этих дискуссий австралийские ученые сделали важный шаг к концептуализации Индо-Пацифики, выдвинув идею о том, что безопасность Австралии будет обеспечена в случае формирования в Индо-Тихоокеанском регионе устойчивого баланса сил между Китаем, Японией, СССР и США [7, р. 307], но дальнейшего развития эта идея не имела. В последующие годы термин “Индо-Пацифика” практически исчез из исторических и политических работ, зато прочно вошел в употребление среди биологов, которые до сих пор обозначают им зоогеографическую область, включающую весь Индийский океан, западную и центральную часть Тихого.

Право считаться человеком, вдохнувшим в термин “Индо-Пацифика” новую жизнь, оспаривают вице-адмирал Премвир Дас, бывший глава Восточного военно-морского командования Индии, и кэптен Гурприт Кхурана. П. Дас впервые упомянул об Индо-Тихоокеанском регионе на одной из сессий Индо-Японского диалога по океанской безопасности [8, р. 111, 115], но сборник докладов был издан лишь в марте 2007 г. — уже после того, как Кхурана опубликовал в январском номере журнала *Strategic Analysis* статью “Безопасность морских путей: перспективы индийско-японского сотрудничества” [9], в которой использовал термин “Индо-Тихоокеанский регион”. Статья была посвящена безопасности морского пути, ведущего из стран Персидского залива в Японию. Кхурана указывал, что она может быть обеспечена только при помощи Индии, которая в силу географического

положения контролирует участок этого маршрута, проходящий через Индийский океан. Один из этих материалов, вероятно, попался на глаза Синдзо Абэ, который в августе того же года, во время визита в Индию в выступлении перед индийским парламентом развил идею отставных индийских моряков, объявив о “слиянии двух океанов” и начале эры Индо-Пацифики¹.

Эта идея была сразу воспринята индийскими элитами. В Индии в связи с окончанием холодной войны и изменением внешнеполитической ситуации возник запрос на новую стратегию, которая бы позволила Индии найти место в изменившемся мире и достичь главной цели – войти в число великих держав. Начало этого процесса было положено в рамках политики *Look East*, “Смотри на Восток”, которая предусматривала экономическую и политическую переориентацию на страны ЮВА. В течение последующего десятилетия Индия провела экономические реформы, испытала ядерное оружие, успешно завершила Каргильский конфликт с Пакистаном. Темпы роста ее экономики достигли почти 9% в год. У индийских элит возникла иллюзия, что Индия по экономическому развитию вскоре обгонит Китай. Следовало подумать о расширении сферы влияния, что можно было сделать только при помощи выхода за пределы Индийского океана и включения в эту сферу западной части Тихого океана. В процессе экспансии Индия в той или иной форме неизбежно вступила бы в противостояние с Китаем, которое требовало сильного флота. Неслучайно в конце 1990-х в индийских элитах сформировалось мощное лобби, поддерживающее развитие ВМС и выступающее за морскую экспансию, к которому принадлежали ключевые министры правительства А.Б. Ваджапай: глава МИД Джасвант Сингх, советник по нацбезопасности Баджеш Чандра Мишра и министр обороны Джордж Фернандес. Однако после поражения “Бхаратия Джаната парти” (БДП) на выборах к власти пришло правительство Манмохана Сингха, сравнительно мало внимания уделявшее китайской угрозе и не рассматривавшее Индийский и тем более Тихий океаны как зону противостояния с Китаем. Эта ситуация изменилась только после победы на выборах Нарендры Моди [12, pp. 56-74], при котором политика “Смотри на Восток” была переименована в “Действуй на Востоке” (*Act East*), чтобы подчеркнуть важность Юго-Восточной Азии для системы безопасности Индии [13, p. 70; 14, ss. 525-526].

¹ В отечественных и зарубежных публикациях можно встретить единичные упоминания о том, что этот термин впервые использовал Синдзо Абэ во время выступления в августе 2006 г. [10, 11], но отсутствие текста этого выступления в Интернете и упоминаний о нем в том числе в японоязычных источниках позволяет предположить, что речь идет об ошибке в дате.

Неудивительно, что вскоре идея Индо-Пацифики прочно вошла в индийский политический дискурс [15, p. 198]. Для того чтобы понять, как она превратилась в призму, через которую Нью-Дели рассматривает свои отношения со странами региона и внешними акторами, необходимо проанализировать политические, военные, культурные и экономические предпосылки, способствовавшие ее утверждению в умах индийских элит, которые в массе своей считают Индо-Пацифику “естественным” регионом, некогда исторически сложившимся, исчезнувшим в результате воздействия внешних сил и теперь восстающим из небытия.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Само формирование концепции ИТР в индийском понимании неразрывно связано с политическими изменениями в мире и, как следствие, поиском Индией нового места на мировой арене.

На протяжении последних двух десятилетий холодной войны внешняя политика Индии была сосредоточена прежде всего на укреплении позиций страны в ООН при поддержке стран третьего мира. Это определяло ориентацию Нью-Дели на страны Ближнего Востока и Африки, при этом развитию отношений с государствами ЮВА уделялось сравнительно мало внимания: регион, в котором часть акторов поддерживала СССР, часть – Китай, а часть находилась под влиянием США, превратился в поле битвы двух лагерей, в которую Индия старалась не вмешиваться. Акватория Индийского океана также являлась полем конфронтации двух сверхдержав. Несмотря на то что этот театр военных действий холодной войны рассматривался и Москвой, и Вашингтоном как второстепенный по сравнению с акваторией Атлантики и северной части Тихого океана, само наличие сил двух внешних игроков не позволяло сформироваться вакууму силы, в котором Индия могла бы реализовать свои амбиции.

Он возник только после окончания холодной войны, которое привело к кардинальным изменениям в регионе и в мире: в частности, объединение стран ЮВА в рамках АСЕАН превратило Ассоциацию в мощный экономический (но не военный) центр. Кроме того, заметно упала роль международных институтов. Перед Нью-Дели встала проблема: необходимо было, с одной стороны, вписаться в новый мир американской гегемонии, с другой – сделать это на своих условиях, так, чтобы не превратиться в американского вассала. Первые шаги в этом направлении были предприняты в начале 1990-х годов с запуском политики “Смотри на Восток”. В последние годы на смену этой проблеме пришла другая: в условиях роста китайского влияния и начала “прохладной войны” между Вашингтоном и Пекином Индия пытается обрести статус

регионального гегемона, проводящего независимую внешнюю политику, что требует балансирования между США и КНР с опорой на третьи полюса.

Для Индии концепция ИТР представляет собой реализацию схемы “АТР плюс Индия”, которая подразумевает признание Индии доминирующей силой в регионе Индийского океана, при этом АСЕАН выступает в качестве важнейшего регионального партнера. Это приводит к тому, что отношения Индии с Восточной Африкой и странами Персидского залива хотя и остаются важными, выводятся за рамки ИТР. Несмотря на то что индийские чиновники регулярно упоминают, что Индо-Пацифика в индийском понимании простирается до берегов Африки, западная часть Индийского океана в индийском политическом дискурсе зачастую не воспринимается как неотъемлемая часть ИТР, в отличие от Южной Азии, восточной части Индийского океана и Юго-Восточной Азии. На подобную “разорванность” индийского понимания Индо-Пацифики неоднократно указывали индийские эксперты [16, 17].

ПРЕДПОСЫЛКИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

В глазах индийских политических элит главным противником Индии является Пекин, который расширяет свою сферу влияния, что неизбежно должно привести его к столкновению с Нью-Дели. По мнению индийских аналитиков, китайцы реализуют формулу “многополярный мир, однополярная Азия”, в которой нет места для Индии как регионального гегемона. Восприятие Китая как главной угрозы формирует соответствующие предпосылки для создания пласта безопасности в концепции ИТР.

Как считают индийские стратеги, Китай угрожает Индии с четырех направлений. Первое – Пакистан, с которым у КНР существуют фактически союзнические отношения и который получает большое количество китайских займов и вооружений. Второе – линия фактического контроля в Гималаях, где Китай оспаривает принадлежность Индии ряда территорий, которые, согласно позиции Пекина, исторически являлись частью Тибета. Третье – Юго-Восточная Азия, где политическое и экономическое влияние КНР постоянно растет и в перспективе, по мнению индийцев, возможен сценарий, при котором часть стран региона утратит свой суверенитет и превратится в китайских вассалов. И, наконец, четвертое – регион Индийского океана, в котором КНР якобы последовательно реализует стратегию “Нити жемчуга”, стремясь при помощи дорогостоящих инфраструктурных проектов получить контроль над цепью портов, окружающих Индию; эти порты ВМС НОАК в случае конфликта смогут использовать для экономического удушения Индии путем блокады.

На пакистанском направлении Индия имеет превосходство в силах. Но полноценная война в Гималаях с учетом сложности рельефа, тяжелых природных условий и специфики ТВД, война, угрожающая существованию Индии как независимого государства, в ближайшем будущем вряд ли возможна. Наиболее уязвимыми выглядят восточное (Юго-Восточная Азия) и южное (регион Индийского океана) направления. Географически Индо-Пацифика включает в себя именно два этих субрегиона, и в рамках концептуализации ИТР Индия делает акцент, с одной стороны, на развитие связей с островными государствами Индийского океана (проект *SAGAR*), с другой – на укрепление контактов со странами Юго-Восточной Азии, от позиции которых зависит, в частности, обзаведется ли Китай портами в Индийском океане, будет ли построен канал через перешеек Кра и сможет ли ударная эскадра китайских ВМС при необходимости пройти через Малаккский пролив.

Нехватка собственных сил, дефицит средств и мощностей, не позволяющий ускоренно развернуть строительство большого флота, и общее экономическое отставание от Китая вынуждают Индию искать помощи у Японии, Австралии и США – партнеров по Четырехстороннему диалогу по безопасности (*Quad*). В то же время стремление обеспечить стратегическую автономию, нежелание превращаться в младшего союзника США в борьбе против Китая вынуждают Индию наращивать контакты со странами Юго-Восточной Азии, которые проводят независимую политику. Однако опора на *Quad* выглядит безальтернативной в условиях отсутствия в регионе других механизмов, нацеленных на сдерживание КНР, и военной слабости АСЕАН.

Серьезное преимущество дает Индии контроль за китайской линией снабжения, отмеченный еще Кхураной; но, для того чтобы его полностью реализовать, Индии необходимо предотвратить возможность китайского прорыва в акваторию Индийского океана. При этом попытка реализовать угрозу китайскому судоходству в регионе обернется для Индии определенными имиджевыми потерями, так как Нью-Дели последовательно выступает за открытость линий морских коммуникаций, позиционируя себя как гарант их безопасности в регионе. К тому же индийское руководство осознает риски, которые влечет за собой возможная попытка нарастить военное присутствие к востоку от Малаккского пролива.

КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Одним из путей, который позволяет избежать этих рисков и в то же время соответствует общей логике индийского видения ИТР, является развитие культурной составляющей сотрудничества

со странами Юго-Восточной Азии. Культурные связи и ощущение цивилизационного единства играют важную роль в индийском внешнеполитическом дискурсе и активно эксплуатируются ради достижения актуальных политических целей. Упоминания о едином культурно-религиозном пространстве, объединяющем Индию и страны ЮВА, встречаются уже в программных работах К.М. Паниккара [18], который при помощи этого тезиса обосновывал, в частности, необходимость включения стран региона в орбиту индийского влияния. К этому тезису регулярно апеллируют индийские власти, причем с 2014 г., когда к власти пришел Нарендра Моди, акцент на культурную составляющую Индо-Пацифики лишь усилился.

Как правило, в речах индийских политиков, посвященных этой теме, явно или неявно присутствует напоминание о том, что своим культурным развитием страны ЮВА обязаны прежде всего индийской культурной и религиозной экспансии в регион (упоминается, как правило, тот факт, что большая часть стран региона приняла буддизм тхеравады, пришедший из Индии, и отмечаются многочисленные культурные и языковые заимствования). Тем самым подчеркивается, что индийцы выступали как культуртрегеры, на протяжении до-мусульманского периода стимулировавшие развитие всего региона, страны которого ныне обогнали Индию в сфере экономики. Подразумевается, что рано или поздно Индия, развитие которой как регионального гегемона было прервано сперва мусульманскими, а затем европейскими вторжениями, вновь превратится в лидирующую силу. Ко всему прочему, такой взгляд удачно ложится в канву разрабатываемой рядом индийских ученых и политиков концепции Индии как культурно-этической сверхдержавы будущего, своего рода ковчега знаний и морального ориентира для остального мира.

Подобная “мягкая экспансия” с использованием культурных инструментов позволяет Индии обеспечить присутствие в политическом дискурсе без существенных финансовых вложений и наращивания военного присутствия. К тому же находящаяся у власти БДП изначально уделяла большое внимание культурно-цивилизационным вопросам, и многие функционеры партии и близкие ей правые движения и организации считают эти вопросы центральными для определения дальнейшей внешней и внутренней политики.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Экономика — самый слабый базовый элемент Индо-Пацифики. Это неизбежно: сама идея ИТР апеллирует к доколониальным временам, когда Индийский океан и западная часть Тихого были единой экономической системой. Исторически

она функционировала за счет товарообмена между Китаем, производившим предметы роскоши, и Европой, их потреблявшей. Прибрежные политики Индостана в этой конструкции выполняли роль ключевых посредников; кроме того, Индия сама была важным экспортером предметов роскоши, пользовавшихся большим спросом в Европе.

Эта система некоторое время функционировала и после прибытия в регион европейцев. В XVIII—XIX вв. благодаря усовершенствованию методов кораблестроения, развитию навигации, победе британцев в противостоянии с другими колониальными державами в регионе и ослаблению империи Великих Моголов экономическая система пережила серьезную трансформацию: Великобритания постепенно взяла под контроль львиную долю трансокеанского судоходства в регионе, захватив базы в районах входа в акваторию Индийского океана. Сформировался новый вариант индо-тихоокеанской экономической системы, построенный вокруг экспорта опия в Китай в обмен на серебро. Но вскоре он сменился классической позднеколониальной моделью, при которой метрополия получала из колонии сырье, взамен используя ее как рынок сбыта. Индия наряду с Китаем была включена в единую мировую экономическую систему, выстроенную в интересах западных политических и экономических акторов, и оставалась в этом состоянии до получения независимости в 1947 г.

В течение последующих десятилетий экономика Индии пережила серьезную трансформацию. Во многом ее удалось осуществить благодаря помощи СССР, которая позволила Индии построить необходимую промышленную базу. Индийское руководство, не закрывая глаза на слабости экономической модели Советского Союза, заимствовало тем не менее многое из плановой экономики советского образца. В результате индийская экономика демонстрировала медленный, но устойчивый рост, в среднем на 2–3% в год. Окончание холодной войны, смена внешнеполитических ориентиров и либерализация индийской экономики повлекли приток инвестиций и способствовали взрывному росту ВВП Индии; однако к тому моменту страна уже серьезно отстала от КНР, начавшей реформы более чем на десятилетие раньше и занявшей место мировой фабрики.

В результате в сформировавшемся после окончания холодной войны экономическом пространстве Индии пришлось искать свою нишу, и она сделала ставку на развитие сферы услуг. Такой вариант рассматривался индийскими и западными экономистами как возможность ускоренно перейти в постиндустриальное общество. Однако структура индийской экономики, где сектор услуг

занимает более 40%, имеет свои минусы: Индия не в состоянии соперничать с Китаем по объемам промышленного производства и в то же время не может играть прежнюю роль посредника и перевалочного центра в китайско-европейской торговле.

Таким образом, Нью-Дели оказался в сложном положении: при явно обозначившемся переносе центра тяжести мировой экономики на Восток основным бенефициаром этого процесса оказался Китай, который воспринимается индийскими элитами как основной соперник. Боязнь попасть в экономическую зависимость от Китая обернулась неприятием Индией концепции “Пояса и Пути”.

В сложившихся условиях у Индии было несколько альтернатив: развивать локальные форматы взаимодействия, сделать ставку на наращивание двусторонних экономических отношений со странами ЮВА, Японией, Кореей и США или вступить в один из формирующихся мегаблоков. В результате Нью-Дели выбрал комплексный подход, используя одновременно все эти варианты. Индия активизировала работу с региональными торгово-экономическими блоками (*SAARC* и *BIMSTEC*), в которых она является безусловным лидером; реализовала ряд совместных инфраструктурных проектов с привлечением инвестиций и технологий из Японии и стран АСЕАН; выразила заинтересованность в участии в Транстихоокеанском партнерстве, а после того как получила отказ, начала переговоры о членстве во Всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП).

Таким образом, появившаяся в 2007 г. концепция ИТР упала на благодатную почву: к этому моменту сложились почти все необходимые предпосылки для того, чтобы она была воспринята политическими элитами как геополитический конструкт, в рамках которого Индия могла бы претендовать на статус великой державы. В настоящий момент в индийском политическом дискурсе можно выделить два основных направления, в которых развивается осмысление концепции Индо-Пацифики; условно их можно назвать антикитайским и цивилизационным. Четкой границы между ними нет: принадлежность к тому или иному направлению определяется тем, какой именно стороне индо-тихоокеанской концепции – вопросам безопасности или культурно-политическим аспектам – уделяется больше внимания.

ИТР КАК АНТИКИТАЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

В упомянутом выше докладе П. Даса утверждалось, что Индия не рассматривает КНР как потенциального противника, а в статье Г. Кхураны Китай не упоминался вообще. В последующем, однако, Кхурана утверждал, что он и его коллеги

изначально закладывали в концепцию Индо-Пацифики идею о том, что Индия сможет сдерживать китайские амбиции, создавая у Пекина ощущение уязвимости его линии снабжения [19].

Эта идея была углублена группой индийских экспертов, военных и политиков, которых условно можно назвать “ястребами”. Среди наиболее ярких ее представителей выделяются Си Раджу Мохана [20], Абхиджита Сингха [21], Брахму Челлани [22, 23] и сам Гурприта Кхурану [24, 25]. В их представлении КНР выступает главным стратегическим противником Индии, лелеющим стратегические планы по подрыву ее экономического и военного могущества. В этой связи любые китайские действия в Индийском океане трактуются как направленные на реализацию упомянутой выше концепции “Нити жемчуга”.

Чтобы парировать эту угрозу, “ястребы” предлагают начать экспансию в восточном направлении, расширив зону индийских интересов на южную часть Тихого океана и Южно-Китайское море, и тесно, вплоть до заключения ситуативного союза, взаимодействовать с Австралией, Японией, США, Вьетнамом, Филиппинами и другими государствами, которые заинтересованы в сдерживании КНР. Стоит отметить, что даже среди “ястребов” сравнительно небольшое число выступает за полноценный военный альянс с антикитайскими акторами; большинство устраивает имеющийся формат взаимодействия в виде *Quad*, на данный момент представляющий собой неформальный клуб без обязательств. Однако в условиях дальнейшего обострения индийско-китайских отношений вполне возможен сценарий, при котором эта структура будет институционализирована с одобрения индийских элит, если они сочтут, что китайская экспансия представляет для них большую опасность, чем попадание в зависимость от США.

ИТР КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Нынешнее индийское руководство, однако, в основном отдает приоритет другому направлению, обращая внимание преимущественно на культурно-цивилизационные факторы. В представлении Нарендры Моди концепция ИТР подразумевает, помимо очевидных стратегических выгод, возвращение к “золотому веку” доколониальной истории, когда Индия, будучи центром так называемой Индосферы, играла ключевую роль в политике, экономике и культуре региона, простиравшегося от восточных берегов Африки до южных берегов Китая. Представления об этом “золотом веке” в значительной степени мифологизированы, но апелляция к нему дает индийским элитам подходящую философско-историческую

базу для выдвижения претензий на региональное доминирование.

Основные принципы ИТР в индийском понимании Нарендра Моди озвучил во время выступления на “Диалоге Шангри-Ла” в 2018 г. В соответствии с ними, Индо-Пацифика – свободный, открытый, инклюзивный регион; центральная роль в построении архитектуры мира и безопасности в нем должна принадлежать АСЕАН. В ИТР должен быть установлен порядок, базирующийся на правилах и выработанный в результате диалога между заинтересованными странами, которые в последующем должны безусловно выполнять взятые на себя обязательства. В этом регионе должен быть установлен равный доступ к использованию общих воздушных и морских пространств на основе принципов международного права; декларировались продолжение глобализации, создание открытого и стабильного режима международной торговли в рамках ВРЭП; повышение связности региона и формирование “мостов доверия”; отказ от соперничества великих держав в пользу партнерских отношений [26]. Во время выступления Моди сделал ряд выпадов в сторону Китая, упомянув о болезненных проблемах, с которыми сталкиваются страны региона – кабальных займах, угрозе свободе судоходства и недостаточном выполнении “отдельными странами” взятых на себя в соответствии с международным правом обязательств. При этом индийский премьер-министр назвал КНР одним из важнейших партнеров Индии и заявил, что Индия и Китай должны работать рука об руку в обстановке взаимного доверия, учитывая интересы друг друга.

До ноября 2019 г. Индо-Тихоокеанская концепция Индии существовала в формате “видения”, которое не предполагало постановки конкретных задач, заменяя их набором полуабстрактных целей, принципов и элементов. Однако 4 ноября 2019 г. Моди на Восточноазиатском саммите в Бангкоке объявил о запуске Индо-Тихоокеанской инициативы [27], определив основные направления сотрудничества в ее рамках: безопасность на море, охрана морской экологии, разработка морских ресурсов, совместное их использование, борьба с последствиями стихийных бедствий, сотрудничество в научной сфере, наращивание объема морских перевозок. По мысли индийского премьер-министра, любая держава могла бы взять на себя ведущую роль в развитии сотрудничества на интересующем ее направлении, а остальные по желанию присоединялись бы к ней позже (Индия, в частности, планирует играть лидирующую роль в сотрудничестве по обеспечению безопасности на море и по борьбе с последствиями стихийных бедствий). В таком виде концепция ИТР сохраняет заявленную ранее Нью-Дели инклюзивность, при этом способствуя продвижению претензий Индии

на роль поставщика безопасности и центра силы в регионе.

Однако какой бы стороне ни уделялось перво-степенное внимание – сдерживанию Китая или укреплению сотрудничества на культурно-цивилизационной базе – в Индии существует консенсус внутри элит по вопросу о необходимости дальнейшего развития концепции Индо-Пацифики как ключевой для индийской внешней политики. При этом у ИТР как политического конструкта есть ряд внутренних проблем – от уже отмеченного слабого наполнения в области экономического взаимодействия до конфликта концепций [28]. Так, параллельно с ИТР в индийском политическом дискурсе существуют другие конструкты, наиболее заметные из которых – регион Индийского океана и “расширенная Индо-Пацифика”, в теории простирающаяся до берегов Северной и Южной Америки, да и в самом индийском понимании ИТР заметно тяготение к восточной части Индийского океана. Нагромождение концепций и разница в их трактовке приводят к тому, что, например, Индия, официально декларируя инклюзивность и связанность Индо-Пацифики от Африки до Японии, в то же время не скрывает своего недовольства заходами китайских кораблей в Индийский океан.

В настоящий момент Индия находится в сложной ситуации. С одной стороны, Нью-Дели продолжает развивать концепцию ИТР, при этом все время расширяя ее границы в сторону морских пространств Тихого океана, – так, в сентябре 2020 г. в МИД Индии появился департамент Океании, который вошел в состав новой “вертикали” вместе с департаментом АСЕАН и незадолго до того созданным департаментом ИТР [29]. С другой стороны, индийская экономика переживает сейчас не лучшие времена: вопреки оптимистичным прогнозам, темпы роста ВВП Индии в последние годы замедляются. Дополнительный удар нанесла пандемия, от которой пострадала главным образом сфера услуг. Масштабная экспансия в Западной и Южной Пацифике, казавшаяся возможной еще десятилетие назад, сейчас представляется маловероятной. Начальник штаба обороны Бипин Рават в мае 2020 г. озвучил планы урезать ассигнования на флот и предложил ВМС отказаться от строительства третьего авианосца, необходимого для того, чтобы обеспечить традиционную схему контроля за акваторией Индийского океана, взамен выдвинув идею построить относительно дешевые подводные лодки.

Проблемы с военным строительством – это лишь верхушка айсберга. Осознание своей экономической слабости, нежелание превращаться в рынок китайских и асеановских товаров привели Индию к политическому болезненному решению отказаться от участия во ВРЭП – блоке, который

должен был стать первым полномасштабным индо-тихоокеанским экономическим проектом. Вместо этого Нью-Дели сосредоточился на развитии локальных форматов и проявляет интерес к любым инфраструктурным проектам, инициированным внешними игроками и альтернативными “Поясу и Пути”, в частности Азиатско-африканскому коридору роста (*Asia Africa Growth Corridor, AAGR*) и “Сети синих точек” (*Blue Dot Network, BDN*). Тем не менее очевидно, что экономическая составляющая Индо-Пацифики не будет институализирована до тех пор, пока индийская экономика не сможет на равных конкурировать с экономиками КНР, Японии и стран АСЕАН. Начало холодной войны между США и КНР дает Индии шанс: если Вашингтон и его союзники возьмут курс на постепенное ослабление экономических связей с Пекином, Нью-Дели в перспективе может сыграть роль “нового Китая”, заняв место КНР хотя бы в части производственных цепочек. В случае если такой сценарий реализуется, Запад получит новую “мировую фабрику” с заведомо более лояльными элитами, не намеренными оспаривать его гегемонию за пределами своей сферы влияния, и большим количеством низкооплачиваемой англоязычной рабочей силы. Индия же в краткосрочной перспективе сможет выполнить цели программы “Делай в Индии”, а в долгосрочной — обеспечить рост экономики на ближайшие десятилетия.

* * *

Таким образом, резюмируя, можно сказать, что Индо-Пацифика в индийском понимании на данном этапе представляет собой достаточно рыхлую концепцию. Первые попытки ее структурирования были предприняты осенью 2019 г., и процесс определения границ продолжается до сих пор.

Вопрос наполнения этого конструкта реальным содержанием пока окончательно не решен. Если в сферах политики, культуры, безопасности индий-

ский вариант ИТР выглядит как уже оформленная концепция, то ее экономический фундамент по-прежнему не сформирован. Более того, отказ Индии от вступления во ВРЭП, который должен был стать экономической базой Индо-Пацифики, вынуждает Индию выстраивать экономическую составляющую ИТР заново. Учитывая слабость многих отраслей индийской экономики в сравнении со странами ЮВА, перспектива этого строительства выглядит сомнительной. При этом отказа от самой концепции Индо-Тихоокеанского региона вряд ли стоит ожидать: она фактически очерчивает границы зоны потенциальной индийской политической, культурной и военной экспансии. Вероятнее всего, в ближайшем будущем Индия активизирует работу по сопряжению своего видения ИТР с концепциями Индо-Пацифики, предложенными дружественными государствами, чтобы сформировать в итоге общий концептуальный набор для Индийского и Тихого океанов. При этом Индии в таком наборе в любом варианте должна быть гарантирована сфера влияния в границах региона Индийского океана (не случайно в вышедшей в сентябре 2020 г. программной работе главы МИД Индии С. Джайшанкара в главе, посвященной ИТР, львиная доля внимания уделена Индийскому океану [30]) и роли одного из столпов Индо-Пацифики.

В связи с этим Нью-Дели заинтересован в создании российской концепции ИТР, так как Россия остается, за исключением КНР, последним крупным индо-тихоокеанским государством, не предложившим собственный вариант Индо-Пацифики. Представляется, что с учетом обозначенных выше императивных интересов Индии для Москвы было бы разумно представить свой инклюзивный вариант ИТР, который бы подразумевал включение в рамки региона всех партнеров Москвы, в том числе Китая, и который имел бы потенциал к сопряжению с индийским видением ИТР, став альтернативой американскому варианту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Путин заявил, что Россия выступает против создания новых военных блоков. [Putin Said Russia Opposes the Creation of New Military Blocs (In Russ.)] Available at: <https://tass.ru/politika/6961303> (accessed 05.02.2021).
2. Logan J.R. *The Ethnology of the Indian Archipelago: Embracing Enquiries into the Continental Relations of the Indo-Pacific Islanders*. Singapore, 1850. 96 p.
3. Haushofer K. *Deutsche Kulturpolitik im indopazifischen Raum*. Hamburg, Hoffmann u. Campe, 1939. 287 S.
4. Cumpston I.M. Consolidation by Conference? *Australian Outlook*, 1956, vol. 10, no. 2, pp. 61-64. DOI: 10.1080/10357715608443982
5. *Proceedings of the Seminar on Nuclear Dispersal in Asia and the Indo-Pacific Region. September 5–6, 1964*. Canberra, Australian National University, 1965. 101 p.
6. *Proceedings of the Seminar on Commonwealth Responsibilities for Security in the Indo-Pacific Region, September 11, 1965*. Canberra, Australian National University, 1966. 71 p.
7. Gelber H.G. Nuclear Arms and the Pacific. *Australian Outlook*, 1971, vol. 25, no. 3, pp. 295-308. DOI: 10.1080/10357717108444416
8. *Indo-Japan Dialogue on Ocean Security, October 13, 2006*. Ocean Policy Research Foundation. Available at: https://www.spf.org/en/_opri_media/publication/pdf/200703_061105_02.pdf (accessed 05.02.2021).

9. Khurana G.S. Security of Sea Lines: Prospects for India–Japan Cooperation. *Strategic Analysis*, 2007, vol. 31, no. 1, pp. 139–153. DOI: 10.1080/09700160701355485
10. Яник А.А. Продвижение концепции Indo-Pacific как механизм изменения регионального стратегического баланса: от Хаусхофера до Трампа. *Конфликтология / nota bene*, 2019, № 4, сс. 64–83. [Yanik A.A. Prodvizhenie kontseptsii Indo-Pacific как mekhanizm izmeneniya regional'nogo strategicheskogo balansa: ot Khauskhofera do Trampa [Advancement of the Indo-Pacific Concept as a Mechanism for Changing the Regional Strategic Balance: from Haushofer to Trump]. *Conflict Studies / nota bene*, 2019, no. 4, pp. 64–83.] DOI: 10.7256/2454-0617.2019.4.31457 Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31457 (accessed 05.02.2021).
11. Swaine M.D. *Creating an Unstable Asia: the U.S. “Free and Open Indo-Pacific” Strategy*. Available at: <https://carnegieendowment.org/2018/03/02/creating-unstable-asia-u.s.-free-and-open-indo-pacific-strategy-pub-75720> (accessed 05.02.2021).
12. Brewster D., ed. *India and China at Sea: Competition for Naval Dominance in the Indian Ocean*. New Delhi, Oxford University Press, 2018. 256 p.
13. Suresh R., ed. *India’s National Security: A Maritime Security Perspective*. New Delhi, Vij Books, 2020. 169 p.
14. Лебедева Н.Б. *Индийский океан: вызовы XXI века и Индия (очерки международных отношений)*. Москва, ИВ РАН, 2018. 576 с. [Lebedeva N.B. *Indiiskii okean: vyzovu XXI veka i Indiya (ocherki mezhdunarodnykh otnoshenii)* [The Indian Ocean – Challenges of XXI Century and India (Studies of the International Relations)]. Moscow, IOS RAS, 2018. 576 p.]
15. Pant H.V., ed. *New Directions in India’s Foreign Policy: Theory and Praxis*. Cambridge, Cambridge University Press, 2019. 299 p.
16. Mishra A. India-Africa Maritime Cooperation: The Case of Western Indian Ocean. *ORF, Occasional Paper No. 221*. Available at: <https://www.orfonline.org/research/india-africa-maritime-cooperation-the-case-of-western-indian-ocean-57250/> (accessed 05.02.2021).
17. Mishra A., Saha P. *Act East and Act West: Two Different Prisms for India’s Indo-Pacific Strategy*. Available at: <https://www.orfonline.org/expert-speak/act-east-and-act-west-two-different-prisms-for-indias-indo-pacific-strategy-59850/> (accessed 05.02.2021).
18. Panikkar K.M. *The Future of South-East Asia (An Indian View)*. New York, The Macmillan Co., 1943. 126 p.
19. Khurana G. *The “Indo-Pacific” Concept: Retrospect and Prospect*. Available at: <https://cimsec.org/indo-pacific-concept-retrospect-prospect/34710> (accessed 05.02.2021).
20. Mohan C.R. *Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*. New Delhi, Oxford University Press, 2013. 239 p.
21. Singh A. “A PLA-N for Chinese Maritime Bases in the Indian Ocean”. *PacNet*, 2015, no. 7, 1–2. Available at: <https://www.files.ethz.ch/isn/188138/Pac1507.pdf> (accessed 05.02.2021).
22. Chellaney B. *Counter the “String of Pearls” with a “String of Rapiers”*. Available at: <https://chellaney.net/2013/04/27/how-to-counter-chinas-military-incursion/> (accessed 05.02.2021).
23. Chellaney B. *China Reinvents ‘String of Pearls’ as Maritime Silk Road*. Available at: <https://chellaney.net/2015/05/01/china-reinvents-string-of-pearls-as-maritime-silk-road/> (accessed 05.02.2021).
24. Khurana G.S. China’s “String of Pearls” in the Indian Ocean and Its Security Implications. *Strategic Analysis*, 2008, vol. 32, no. 1, pp. 1–39. DOI: 10.1080/09700160801886314
25. Khurana G.S. China as an Indian Ocean Power: Trends and Implications. *Maritime Affairs*, 2016, vol. 12, no. 1, pp. 13–24. DOI: 10.1080/09733159.2016.1175127
26. *Prime Minister’s Keynote Address at Shangri La Dialogue (June 1, 2018)*. Available at: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/29943/Prime+Ministers+Keynote+Address+at+Shangri+La+Dialogue+June+01+2018> (accessed 05.02.2021).
27. *Prime Minister’s Speech at the East Asia Summit, 4 November 2019*. Available at: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/32171/Prime_Ministers_Speech_at_the_East_Asia_Summit_04_November_2019 (accessed 05.02.2021).
28. Doyle T., Rumley D. *The Rise and Return of the Indo-Pacific*. New York, Oxford, Oxford University Press, 2019. 223 p.
29. Roche E. *New MEA Division to Focus on Indo-Pacific*. Available at: <https://www.livemint.com/news/india/new-mea-division-to-focus-on-indo-pacific-11601342184071.html> (accessed 05.02.2021).
30. Jaishankar S. *The India Way: Strategies for an Uncertain World*. New Delhi, HarperCollins India, 2020. 240 p.

THE INDO-PACIFIC: INDIAN VIEW

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 5, pp. 49–58)

Received 06.02.2021.

Aleksei V. KUPRIYANOV (a.kupriyanov@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article focuses on the Indian version of the Indo-Pacific concept. The author notes that the Russian attitude towards Indo-Pacific is ambiguous, and argues that the reason is the vague and unstructured concept as such. The article analyzes the origin and history of the term Indo-Pacific itself. The author traces its history back 170 years and

describes in detail how it was transformed during these years, consistently evolving from an exclusively geographical name to a geopolitical construct, then to an oceanographic term, then to a geopolitical construct again. Further, the author analyzes in detail the preconditions in the political, cultural, economic and security spheres, that had developed by the time of the emergence of the Indo-Pacific concept: India's desire to form a sphere of political influence within the borders of the Indian Ocean region, confirming its status as a great power; concerns about Chinese expansion and the alleged "String of Pearls" strategy in the Indian Ocean; the desire to restore the cultural and civilizational unity of the Indosphere; an attempt to build a comprehensive economic strategy that would allow India with relying on regional organizations, bilateral ties and trade megablocks to catch up with China economically. Because of these preconditions the idea of the Indo-Pacific, proposed by the experts, was immediately accepted by the political elites of India and turned into one of the pillars of Indian foreign policy. The author identifies two main visions of the Indo-Pacific in Indian discourse: as an anti-Chinese concept and as a broader cultural and civilizational concept, which should serve as a basis for India's further expansion into the Pacific. However, economic problems may prevent this concept from being further strengthened and turned into a full-fledged initiative. Nevertheless, India is unlikely to abandon the idea of the Indo-Pacific, so Russia should develop its own version of the Indo-Pacific concept, which would be combined with the Indian one and at the same time correspond to the interests of Russia.

Keywords: India, Indian Ocean, Pacific Ocean, Indo-Pacific, Indian Ocean region.

About author:

Aleksei V. KUPRIYANOV, PhD (History), Senior Research Fellow.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-49-58

ГЛОБАЛЬНЫЕ НЕФТЕГАЗОВЫЕ КОРПОРАЦИИ В ПОГОНЕ ЗА ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ ПРЕВОСХОДСТВОМ

© 2021 г. А. Березной

*БЕРЕЗНОЙ Алексей Васильевич, доктор экономических наук,
НИУ “Высшая школа экономики”, РФ, 101000 Москва, ул. Мясницкая, 11 (abereznoy@hse.ru).*

Статья поступила в редакцию 16.12.2020.

Анализируются ключевые тренды в сфере научно-исследовательской и инновационной деятельности крупнейших нефтегазовых компаний мира. Показаны динамичные изменения в соотношении сил между ними как субъектами инвестиций в НИР, новые приоритеты их технологического развития и механизмы взаимодействия в инновационной сфере.

Ключевые слова: нефтегазовые корпорации, супермейджоры, нефтесервисные компании, технологические стратегии, инновационные экосистемы.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-59-67

За последнюю четверть века технологические инновации полностью изменили лицо мировой нефтегазовой индустрии. Неожиданно для многих она превратилась в отрасль, характеризующуюся необычайно высоким уровнем сложности применяемых технологий, а также весьма динамичными сдвигами, связанными главным образом именно с технологическими факторами развития. Технологические инновации стали одним из ключевых драйверов изменений в конкурентном ландшафте мирового нефтегазового сектора, включая продолжающиеся изменения в соотношении потенциалов крупнейших участников отраслевого соперничества — так называемых супермейджоров (глобальных вертикально интегрированных нефтегазовых корпораций, базирующихся в западных странах), национальных нефтегазовых компаний (действующих под государственным контролем) и транснациональных нефтесервисных фирм.

Тем актуальнее представляются задачи выявления ключевых трендов в области научно-исследовательской и инновационной деятельности ведущих нефтегазовых компаний мира, включая анализ меняющегося баланса сил между крупнейшими отраслевыми игроками как субъектами инвестиций в НИР, определение новых приоритетов технологического развития этих игроков, а также практики использования ими новых механизмов взаимодействия в инновационной сфере.

РОСТ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НОВЫХ ИГРОКОВ

Первым серьезным импульсом к началу перераспределения сил в мировом нефтегазовом секторе стали последствия массовой национализации нефтегазовых ресурсов, предпринятой правитель-

ствами ряда ведущих развивающихся стран — экспортеров углеводородного сырья в 1970-е годы. Именно национализированные добывающие активы стали основой создания большинства национальных нефтегазовых компаний (ННК). Они же довольно долго оставались по существу их единственным конкурентным преимуществом, поскольку западные супермейджоры не только продолжали доминировать в мировой торговле углеводородным сырьем, но и располагали необходимыми для налаживания добычи технологиями, управленческими компетенциями, а также возможностями мобилизации колоссальных финансовых ресурсов на мировых рынках капиталов.

Вместе с тем наличие нефтяных резервов сразу дало ННК важный козырь на переговорах с супермейджорами, которые после многолетнего отраслевого доминирования оказались лишены прямого доступа к значительной части крупнейших мировых запасов. В то время положение западных нефтегазовых компаний во многом облегчили крупные открытия новых месторождений углеводородов на территории развитых стран (в Северном море, на Аляске и т. д.). Поэтому супермейджоры заняли поначалу довольно жесткую позицию в отношении ННК, настаивая на своем акционерном участии в добычных проектах как условии передачи им технологий и управленческого опыта.

Однако ситуация коренным образом изменилась с выходом на авансцену глобальной нефтегазовой отрасли новой группы крупных международных игроков — транснациональных нефтесервисных корпораций (ТНСК). В данном случае супермейджоры явно не учли долговременных последствий своей стратегической реструктуризации, когда в стремлении повысить эффективность

основного бизнеса развернули широкомасштабный процесс отделения нефтесервисных активов (включая соответствующие подразделения НИР) с их последующей продажей третьим лицам. Во многих случаях именно эти выделившиеся активы стали основой для создания динамичной группы ТНСК, включая *Schlumberger, Halliburton, Baker Hughes, Weatherford* и др., которые в свою очередь начали не только сотрудничать, но и успешно конкурировать со своими бывшими владельцами.

Конкурентные противоречия особенно обострились, когда ТНСК начали активно работать с национальными нефтегазовыми компаниями, оказывая им высокотехнологичные услуги без требований акционерного участия. “До 1980-х годов, – писал об этом американский исследователь Э. Скьюс, – ННК были вынуждены обращаться к международным нефтегазовым компаниям за техническим содействием. Обычно такое содействие предоставлялось только при условии уступки части акций в добычном предприятии. Но как только международные нефтяные компании уступили свой контроль за высокими технологиями сервисным фирмам, у ННК появилась возможность просто купить лучшие технологии как с полки магазина” [1].

Произошедшее в последнее 20-летие прошлого века перераспределение лидерства по ряду ключевых добычных технологий в пользу ведущих ТНСК, по существу открывшее для ННК “окно возможностей” для догоняющего технологического развития, было обусловлено комплексом факторов, повлиявших на позиции супермейджоров в данной области. С одной стороны, огромную роль сыграло общее ухудшение финансовой ситуации в нефтегазовой отрасли, связанное с длительной фазой циклического понижения мировых цен на углеводородное сырье. В условиях усиления давления акционеров, настаивавших на сокращении затрат и повышении финансовой отдачи, а также с учетом необходимости резкого увеличения вложений в исследования и разработки в связи с прогрессирующим усложнением условий нефте- и газодобычи супермейджоры были вынуждены заняться поисками наиболее подходящих партнеров для разделения бремени расходов на НИР.

С другой стороны, долгий период низких нефтяных цен послужил одним из основных драйверов волны мегаслияний 1990-х годов, вызвавшей серьезные сдвиги в глобальной корпоративной структуре отрасли (которые в том числе привели и к образованию группы супермейджоров). Серия гигантских сделок на длительный срок отвлекла финансовые ресурсы ведущих нефтегазовых корпораций от инвестиций в НИР, а последовавшая за ними реструктуризация при формировании новых объединенных компаний во многих случа-

ях приводила к ликвидации вполне эффективных корпоративных технологических центров.

Характерно, что именно в этот период высший менеджмент большинства крупнейших корпораций отрасли принял на вооружение концепцию оптимизации операционной модели, требовавшей сфокусироваться на управлении портфелями нефтегазовых активов в качестве основной деятельности. В соответствии с таким видением целый ряд видов деятельности по непосредственной разработке этих активов (включая подготовку и бурение скважин, управление парком добывающего оборудования и т. п.) стал рассматриваться в качестве “неосновных” операций, которые вполне могут передаваться на аутсорсинг специализированным (сервисным) фирмам.

С технологической точки зрения это означало, что супермейджоры все более рассматривали себя скорее в качестве интеграторов различных добывающих технологий, а не их разработчиков. Такой подход позволил им сэкономить огромные финансовые ресурсы (неинвестированные в НИР), однако во многом лишил прежних технологических преимуществ в рамках быстро меняющейся расстановки конкурентных сил в глобальной нефтегазовой отрасли.

Фактически отдав ТНСК лидерство в разработке ряда ключевых добычных технологий, супермейджоры не смогли просчитать негативные последствия инициированных таким образом процессов для своих будущих взаимоотношений с ННК. По мнению многих отраслевых специалистов, отказ от форсированного наращивания инвестиций в добычные НИР в конце прошлого века оказался для западных нефтегазовых гигантов стратегической ошибкой [2]. Как подчеркивал один из аналитиков, “это место было быстро занято ТНСК, которые обеспечили значительный объем научных исследований и инженерных разработок, послуживших основой многих наиболее крупных инноваций за последние 30 лет” [3].

В 2000-е годы супермейджоры начали активно восстанавливать объемы вложений в НИР. Однако утрата прежних доминирующих позиций в технологической сфере сделала свое дело. Крупнейшие ННК, успевшие существенно усилить свой технологический потенциал в рамках сотрудничества с ТНСК, сами активно включились в технологическую гонку и начали ускоренно наращивать собственные вложения в НИР.

По темпам роста инвестиций в НИР крупнейшие ННК и ТНСК начали опережать супермейджоров уже с начала 2000-х годов [4]. Что касается национальных нефтегазовых компаний, то хотя полная статистика в области их вложений в НИР остается недоступной, имеющиеся оценки свиде-

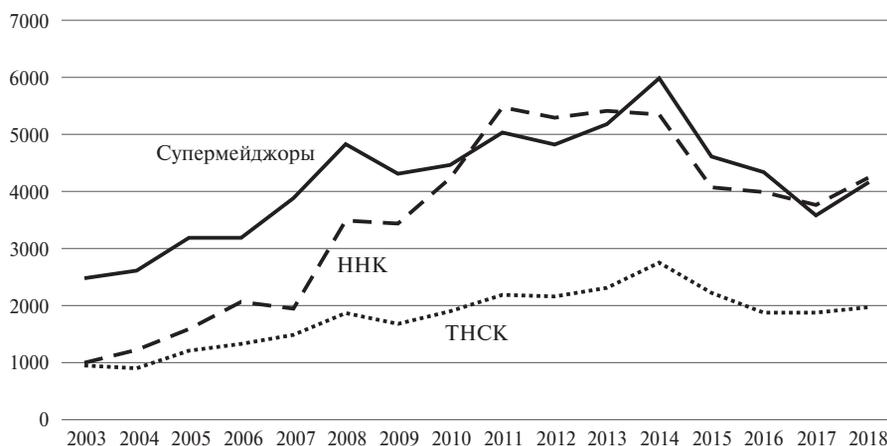

Рис. 1. Сравнительная динамика объемов инвестиций в НИР по трем группам крупнейших нефтегазовых компаний мира, 2003–2018 гг., млн долл.

Расчитано по: [6, 7].

тельствуют о том, что и в абсолютном выражении объемы этих инвестиций со стороны ведущих ННК уже давно сравнялись с аналогичными показателями супермейджоров. По данным К. Кини, соответствующие показатели ведущих ННК вышли на уровень супермейджоров в 2010 г. [5]. К такому же выводу приводят и расчеты на основе статистики ЕС по корпоративным инвестициям в НИР, проведенные по выборке из шестерки супермейджоров, шести крупнейших ННК и четверки ведущих ТНСК за период 2003–2018 гг. (рис. 1)¹.

При этом есть серьезные основания полагать, что все приведенные оценки существенно занижают объем вложений в НИР именно по группе ННК, поскольку не учитывают данных по ряду технологических лидеров из этой группы. Прежде всего это касается саудовской *Saudi Aramco* и малазийской *Petronas*, которые не публикуют регулярную отчетность по своим затратам в данной области.

Разумеется, следует иметь в виду, что популярия национальных нефтегазовых компаний весьма

неоднородна. Особенно четко выделяется верхушка наиболее крупных ННК международного класса, которые уже входят в самые авторитетные рейтинги крупнейших нефтегазовых компаний мира как по объемам добычи углеводородного сырья, так и по масштабам зарубежных активов. Неслучайно многие исследователи давно рассматривают их как самостоятельную группу, наделяя ее особым названием – международные, транснациональные или глобальные ННК (см., например, [8]). С точки зрения показателей технологического развития именно компании из группы глобальных ННК явно лидируют (среди остальных ННК) по объемам финансирования НИР, заметно приближаясь к традиционным западным чемпионам, а в некоторых случаях уже опережая их.

Динамичный рост транснациональных нефтесервисных компаний в качестве новых технологических лидеров мировой нефтегазовой индустрии был с самого начала тесно связан с принципиальным изменением ситуации в отрасли после массовой национализации нефтегазовых ресурсов в развивающихся странах и с соответствующим перераспределением нефтегазовых активов между супермейджорами и ННК. После волны национализации именно ННК стали для нефтесервисных фирм самой перспективной группой клиентов, наделенных ответственностью за эффективное использование национальных нефтегазовых ресурсов, но не обладающих необходимыми для этого технологиями и компетенциями в области управления крупными добычными проектами. Кроме того, сужение возможностей доступа супермейджоров к традиционным запасам углеводородного сырья стимулировало значительное увеличение спроса с их стороны на разработку новых технологических решений и более сложных (и, соответственно, дорогостоящих) услуг со стороны нефтесервисных компаний.

¹ Наиболее полной на сегодняшний день базой данных в этой области является статистика мониторинга корпоративных НИР, которая регулярно публикуется ЕС начиная с 2003 г. [6]. Что касается нефтегазового сектора, то в этой статистике представлено подавляющее большинство крупнейших компаний отрасли, лидирующих не только по масштабам вложений в НИР, но и по другим ключевым экономическим показателям. С учетом всех этих параметров был определен перечень из 16 мировых нефтегазовых лидеров (базирующихся за пределами России), на которых приходится львиная доля отраслевых инвестиций в НИР. Перечень охватывает три группы ключевых игроков мировой нефтегазовой отрасли, включая шестерку супермейджоров – *ExxonMobil*, *Shell*, *Total*, *Chevron*, *BP*, *ConocoPhillips*, шесть национальных нефтегазовых компаний с государственным участием – *Petrochina*, *Sinopec*, *CNOOC*, *Petrobras*, *Equinor*, *ENI* и четверку ведущих транснациональных нефтесервисных фирм – *Schlumberger*, *Baker Hughes*, *Halliburton*, *Weatherford*.

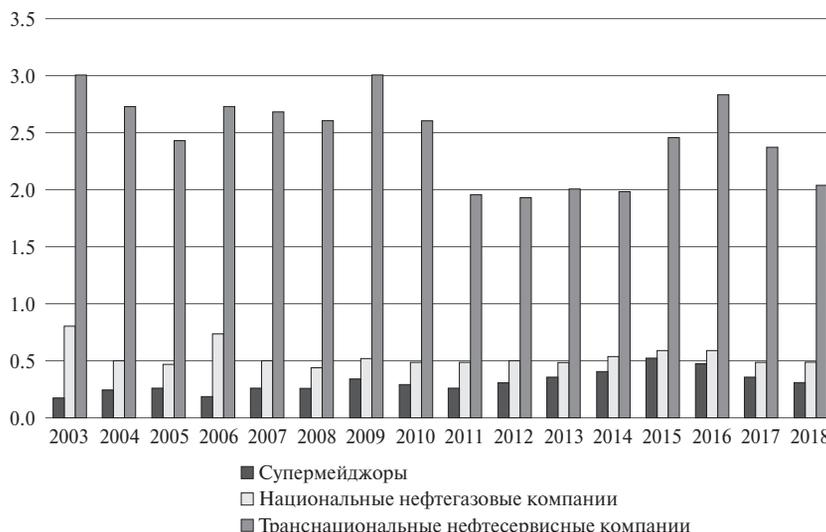

Рис. 2. Средняя интенсивность вложений в НИР (доля вложений в НИР в годовой выручке) по группам крупнейших нефтегазовых компаний, 2003–2018 гг., %

Рассчитано по: [6, 7].

Однако все эти обстоятельства, обеспечившие быстрый прорыв ТНСК на верхние ступени иерархии технологических лидеров мировой нефтегазовой отрасли, вряд ли могут объяснить необычайную устойчивость наукоёмкой модели их развития, которая на протяжении многих лет характеризуется стабильно высоким уровнем интенсивности вложений в НИР, существенно превышающим аналогичные показатели других крупнейших отраслевых игроков. Действительно, если сравнить средний уровень интенсивности вложений в НИР (среднюю долю вложений в НИР в годовой выручке) по группе четырех ведущих ТНСК с аналогичными показателями супермейджоров и ННК за период 2003–2018 гг., то многократный перевес первых бросается в глаза (рис. 2).

Этот устойчивый тренд объясняется специфической функциональной направленности НИР для нефтесервисного бизнеса. Если в рамках крупных нефтегазовых компаний (как в супермейджорах, так и в ННК) научно-исследовательская деятельность нацелена главным образом на решение производственных проблем, возникающих в ходе разведки и разработки только собственных нефтегазовых активов, то нефтесервисные компании неизбежно должны ставить перед собой более широкие и сложные задачи в области НИР. Ведь их экономическое положение напрямую зависит от того, насколько успешно они сумеют разработать воспроизводимые технологические решения, способные (при определенной адаптации) эффективно работать на разных месторождениях их многочисленных клиентов.

НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Определение целевых направлений инвестиций в НИР крупнейших нефтегазовых компаний, даже в самом укрупненном виде, представляет немалые трудности. Занимая важнейшее место в конкурентной борьбе, сфера корпоративных технологических приоритетов остается одной из самых закрытых для внешних наблюдателей. Поэтому большинство исследований в данной области базируется на косвенных методах сбора необходимой информации, включая разного рода экспертные оценки, опросы информированных хозяйственных руководителей и т. п.

Выявление конкретных технологических направлений как объектов приоритетного инвестирования в НИР крупнейшими нефтегазовыми компаниями является еще более сложной задачей, требующей ряда существенных допущений. Самой надежной информационной основой для такого исследования, во всяком случае с точки зрения ретроспективного анализа, представляются базы данных соответствующих патентов. Несмотря на очевидные недостатки, патентная статистика остается, пожалуй, единственным источником данных, который может помочь определить общую картину отраслевых технологических приоритетов финансирования НИР, сформировавшихся за тот или иной период.

С этих позиций немалый интерес представляет недавнее исследование, проведенное экспертами международной фирмы *Derwent*, специализирующейся на формировании и обработке

патентных баз данных [9]. В рамках исследования была проанализирована огромная база патентных семейств (около 370 тыс.), относящихся к различным сегментам нефтегазовой отрасли, за период 2007–2018 гг. Результаты анализа позволяют сделать ряд выводов о приоритетных технологических направлениях в области финансирования НИР, сложившихся у крупных нефтегазовых компаний (которые, по данным исследования, сосредоточили в этот период львиную долю соответствующих патентов).

Во-первых, сегмент геологоразведки и добычи сосредоточил подавляющую часть общего числа обследованных патентов – более 73%, из них более 48% приходится на технологии бурения, что (наряду со значительным числом патентов по технологиям гидроразрыва пласта, а также по ряду материалов промышленной нефте- и газохимии) отражает бурное развитие сланцевых технологий в этот период. Во-вторых, удельный вес патентов на цифровые технологии для нефтегазовой отрасли оставался в изученный период весьма скромным – всего 5,4%. Наконец, в-третьих, доля “зеленых” технологий в общем числе патентов оказалась и вовсе незначительной – немногим более 1% [9]. Эти выводы с определенными допущениями можно считать релевантными и для определения основных технологических приоритетов в области финансирования НИР крупнейшими нефтегазовыми компаниями в первые полтора десятилетия текущего века.

Однако в последние годы в этой области все четче проявляются принципиально новые тенденции, связанные с быстрым развитием процессов цифровизации и так называемой декарбонизации (широким проникновением низкоуглеродных или “зеленых” энергетических технологий). С точки зрения определения значимости этих новых тенденций для финансирования НИР мировыми лидерами нефтегазового бизнеса перспективным источником информации представляются результаты уникального опроса, организованного в 2018 г. аналитическим агентством *Newsweek Vantage* среди 263 руководителей крупнейших нефтегазовых компаний мира [10]. С одной стороны, он выявил широкий круг новых технологических направлений, разработку которых финансируют крупнейшие нефтегазовые компании. С другой – довольно четко определились технологические приоритеты, характерные для значительной части респондентов. Они распределены по двум основным группам – энергетические (включая те, которые не относятся к нефтегазовым технологиям) и цифровые (имеющие универсальное применение во всех секторах экономики).

В рамках первой группы было выделено шесть основных технологий, которые чаще всего выбирали компании-респонденты для финансирования своих разработок. Из них самыми популярными оказались технологии “зеленой” энергетики и производства новых продуктов (альтернативных традиционным углеводородам). Они были выбраны 44 и 36% компаний соответственно для инвестиций в текущие разработки (43 и 41% – для вложений через 5 лет). Следующими по популярности (с показателями частоты выбора, колеблющимися в интервале 30–35%) оказались две нефтегазовые технологии: добычи сланцевой нефти и создания плавучих заводов СПГ. Наконец, замыкали список наиболее популярных направлений по энергетическому сектору две технологии, не имеющие отношения к нефтегазовым, – технологии хранения энергии и технологии распределенной энергетики [10].

Если присутствие технологий сланцевой добычи и производства СПГ среди наиболее распространенных направлений финансирования НИР представляется вполне предсказуемым с учетом продолжающегося активного развития соответствующих сегментов глобального нефтегазового сектора, то доминирование технологий “зеленой” энергетики и прочих альтернативных (по отношению к нефтегазовым) технологий на первый взгляд выглядит несколько неожиданным. Ведь в течение последнего десятилетия крупнейшие нефтегазовые компании мира (включая супермейджоров и НКК) подвергались постоянно нарастающей критике как на национальном, так и международном уровнях за недостаточный вклад в декарбонизацию и нежелание инвестировать в “чистую” энергетику (см., например, [11, 12]).

Действительно, поначалу глобальные нефтегазовые корпорации по большей части игнорировали многочисленные публичные инициативы по ограничению выбросов парниковых газов для противодействия глобальному потеплению. Долгое время слабо действовали на них и регулярные прогнозы авторитетных международных организаций о приближающемся пике спроса на углеводородное сырье и неизбежности широкомасштабного перехода мировой экономики на возобновляемые источники энергии.

Однако в последние годы ситуация стала меняться. В 2017–2018 гг. все супермейджоры и ряд ведущих НКК утвердили специальные стратегии в области “энергетического перехода”. Они предусматривают конкретные действия по ограничению выбросов парниковых газов, а также наращиванию инвестиций в различные области низкоуглеродной энергетики [13].

Основные причины таких стратегических сдвигов связаны не только с ужесточением регуляторных мер в данной области со стороны многих западных (и некоторых развивающихся) государств, но и с серьезным изменением отношения к климатической повестке со стороны влиятельных частных стейкхолдеров, прежде всего институциональных инвесторов. Растущее число крупных университетов, пенсионных и благотворительных фондов, религиозных структур и даже некоторых инвестиционных банков и страховых компаний с недавнего времени начали демонстративно отказываться от вложений в нефтегазовые компании под давлением резко усилившегося во многих странах негативного восприятия нефтегазовой отрасли, ставшей в глазах западного общественного мнения чуть ли не главным виновником глобального потепления [14]. В таких условиях нефтегазовые компании просто вынуждены активно инвестировать в развивающиеся альтернативные (нехарактерные для своей отрасли) технологии, чтобы обеспечить себе достойное место в будущей архитектуре низкоуглеродной энергетики.

Не менее интересными оказались результаты исследования *Newsweek Vantage* в части приоритетного набора цифровых технологий как объекта текущих и перспективных (на ближайшие 5 лет) инвестиций ведущих нефтегазовых компаний. Среди цифровых технологических приоритетов самый высокий рейтинг получили технологии интернета вещей и больших данных, которые выбрали 48% компаний-респондентов для инвестиций в текущие разработки и 51% – для вложений через 5 лет.

Близки по уровню распространенности оказались вложения в облачные технологии и технологии мобильных устройств (с показателями частоты выбора респондентов 48 и 44% соответственно). Третье место в рейтинге заняли технологии искусственного интеллекта и машинного обучения (41 и 42%). За ними следуют технологии автоматизации и роботизации (36 и 33%), далее – технологии “умного” оборудования и инфраструктуры (25%) и, наконец, технологии дополненной реальности, симуляционные технологии и технологии 3D-моделирования (21 и 22%) [10].

В целом результаты исследования не только свидетельствуют об изменении приоритетов нефтегазовых компаний в пользу нового поколения цифровых технологий (включая технологии интернета вещей, искусственного интеллекта, машинного обучения и роботизации), но и подтверждают выводы экспертов *Accenture* о переходе к системному использованию цифровых технологий. Оно приходит на смену “лоскутному” внедрению слабо связанных между собой программных продуктов, покрывающих лишь отдельные области операционной деятельности компаний [15].

ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ЭКОСИСТЕМ

Основы сегодняшних систем управления инновациями большинства крупнейших нефтегазовых компаний создавались во времена глобального дефицита нефтегазовых ресурсов. Для эффективного поиска и разработки таких ресурсов, как правило, создавались крупные и замкнутые на использовании внутреннего инновационного потенциала организации с жестко централизованными функциями.

Развитие событий после 2014 г. показало, что нефтегазовая отрасль оказалась в совершенно новых экономических условиях, требующих радикального пересмотра прежних организационных подходов и механизмов. В новой реальности нефтегазовые компании столкнулись сразу с двумя подрывными силами. С одной стороны, они должны функционировать в условиях глобального избытка предложения на рынке, поскольку быстрый рост объемов добычи сланцевой нефти и газа в США привел к хроническому нарушению и без того весьма хрупкого рыночного равновесия в данной области. С другой стороны, над нефтегазовыми компаниями все более нависает угроза сокращения глобального спроса в связи с предстоящим энергетическим переходом. И хотя в отношении сроков такого перехода существуют разные точки зрения, само его ожидание уже приводит к серьезной переоценке нефтегазовых активов, вносит определенную дезорганизацию в функционирование традиционных отраслевых цепочек создания стоимости и в конечном счете негативно сказывается на капитализации лидеров отрасли.

Погружение в новые реалии все более заставляет крупнейшие нефтегазовые компании перестраивать системы управления инновациями, успешное функционирование которых явно становится ключевым фактором их выживания на рынке. Основные элементы изменений в этих системах наметились задолго до 2014 г., но в настоящее время приобрели характер общих трендов для лидеров отрасли.

Одним из важнейших таких трендов, существенно меняющих весь отраслевой ландшафт, является развитие инновационных экосистем. Речь идет о принципиальном расширении сферы осуществления инновационной деятельности нефтегазовых компаний, выходе ее за рамки самой корпоративной организации путем формирования сети партнерств с другими субъектами инноваций, включая разнообразные высокотехнологичные компании (от технологических гигантов до малых стартапов), специализированные научные центры и вузы, готовые к долговременному сотрудничеству в области проведения НИР и совместному осуществлению инновационных проектов.

Разумеется, само проведение совместных инновационных проектов, осуществляемых крупнейшими нефтегазовыми компаниями, с одной стороны, и иными участниками инновационной деятельности, с другой, не является чем-то совершенно новым. Примеры таких проектов, в особенности с участием крупных американских университетов, известны еще с 1930-х годов. Что серьезно изменилось в последнее время, так это масштабы, разнообразие форм и участников подобного сотрудничества, характер складывающихся между ними отношений и, главное, значение такой операции для лидеров нефтегазового сектора.

Определенное представление о масштабах использования в практике нефтегазовых компаний инновационного сотрудничества с внешними организациями дают результаты недавнего опроса, проведенного специалистами исследовательского центра *IBM* и аналитического агентства *Oxford Economics* среди 350 руководителей ведущих компаний отрасли (из 25 стран мира), непосредственно участвующих в разработке и реализации инновационных стратегий своих компаний. В рамках проекта была выделена сравнительно небольшая группа компаний — лидеров в области инноваций (18% от общего числа), которая явно опережала другие опрошенные фирмы как по уровню разработанности инновационной стратегии и эффективности использования различных форм инновационной деятельности, так и по общеэкономическим показателям (включая рост выручки и прибыльность операций).

Анализ результатов исследования показал, что 83% компаний-лидеров (по сравнению с 43% для остальных респондентов) используют те или иные формы сотрудничества с внешними организациями для разработки инноваций. При этом они развивают инновационные партнерства сразу с несколькими типами внешних участников, включая различные бизнес-структуры (крупные и мелкие), исследовательские центры и вузы, а также государственные организации. Весьма характерно, что частота использования внешних участников для совместной инновационной деятельности оказалась существенно выше у компаний-лидеров по всем типам внешних организаций [16].

Разумеется, процессы формирования и развития инновационных экосистем крупнейших нефтегазовых компаний предполагают не только рост количества и увеличение разнообразия типов их участников (внешних субъектов инноваций), но и качественные сдвиги в механизмах самой инновационной деятельности, требующие соответствующих изменений в инструментарии управления инновациями. С этим непосредственно связан еще один важнейший тренд в сфере управления

инновационной деятельностью мировых лидеров нефтегазовой отрасли — распространение разнообразных форм инновационного сотрудничества на основе так называемых открытых инноваций.

По существу, этот тренд можно рассматривать как один из ключевых аспектов самого процесса формирования инновационных экосистем, поскольку подобные неформальные образования, объединяющие столь разнородных субъектов инновационного процесса, практически не способны функционировать без механизмов открытых инноваций. На путь масштабного развития открытых инноваций крупнейшие нефтегазовые компании вступили несколько позже, чем это произошло в других промышленных отраслях, в которых основная инновационная активность сфокусирована в первую очередь на обновлении продукции (а не процессов ее производства). Тем более серьезные изменения это означало для стратегического подхода нефтегазовых гигантов к инновационной деятельности в целом.

Действительно, традиционная закрытая система инноваций исходила из того, что фирмы могут наращивать конкурентные преимущества исключительно на основе формирования внутреннего научно-технологического потенциала и развития собственных компетенций, а четкие границы корпоративной организации должны обеспечить эффективную охрану генерируемых внутри инновационных идей. Подход, основанный на открытых инновациях, напротив, предполагает активное использование внешних источников информации и идей в инновационной деятельности компаний. При этом активному взаимодействию с различными внешними партнерами придается огромное значение именно с точки зрения развития новых компетенций, которые должны сыграть решающую роль для долгосрочной конкурентоспособности компаний, способных эффективно использовать открывающиеся возможности.

Основные причины перехода нефтегазовых компаний к широкому использованию механизмов открытых инноваций связаны с существенными изменениями, происходящими внутри и вокруг инновационной сферы отрасли в целом. Во-первых, значительное усложнение и соответствующее удорожание и без того дорогостоящих инновационных проектов все чаще делают их неподъемными даже для крупнейших нефтегазовых гигантов, объективно усиливают их стремление разделить значительно возросшие расходы и риски с внешними партнерами.

Во-вторых, резкое ускорение развития новых технологий по сравнению с ситуацией, наблюдавшейся еще 15–20 лет назад, существенно повышает требования к технологической конкурентоспособ-

ности нефтегазовых компаний, вынуждая их быстро наращивать возможности в области генерации и коммерциализации новых знаний и технологий, в особенности в том, что касается сокращения сроков и затрат на выполнение инновационных проектов. Во многих случаях единственным эффективным решением является налаживание научно-технического сотрудничества с внешними партнерами на основе открытых инноваций.

Наконец, в-третьих, принципиально новые технологические вызовы, особенно связанные с набирающими обороты процессами цифровизации и декарбонизации, довольно четко высветили недостаток собственных идей у нефтегазовых гигантов для проведения разработок, выходящих за пределы традиционных отраслевых компетенций. Как описывали подобную мотивацию специалисты *ExxonMobil*, “ни одна компания в одиночку не способна обеспечить прорывы, необходимые для ответа на мировые энергетические и экологические вызовы сегодняшнего дня. Вот почему *ExxonMobil* создает широкую сеть для поиска новых энергетических технологий — сотрудничая с университетами, национальными лабораториями, а также с другими компаниями и индивидуальными инноваторами по всему миру” [17].

* * *

В целом анализ современных тенденций в области научно-исследовательской и инновационной деятельности крупнейших нефтегазовых компаний мира приводит к выводу об очевидном повышении значимости инноваций как сферы сложного конкурентного взаимодействия мировых

лидеров нефтегазовой отрасли. В ближайшие годы этот тренд будет, по-видимому, развиваться по нарастающей, движимый по меньшей мере тремя мощными драйверами.

Прежде всего, мир явно вступил в эпоху перепроизводства энергетических ресурсов, что обещает длительный период низких цен на нефть и газ и, соответственно, еще большее смещение приоритетов всех рыночных игроков в область обеспечения эффективности, скорости принятия решений и сокращения затрат. Одновременно повсеместное распространение цифровых технологий все более подрывает привычные методы трудовой деятельности, приводит к широкомасштабной автоматизации и взрывному развитию машинного обучения и искусственного интеллекта, создавая возможности для радикального реформирования даже тех сегментов производства, которые еще недавно без участия человека были просто немислимы. Наконец, перспективы неизбежного приближения “энергетического перехода” создают постоянно растущее давление на лидеров нефтегазовой отрасли со стороны национальных государств и инвестиционного сообщества, требуя серьезной трансформации их бизнес-модели. Все это не только заставит крупнейшие нефтегазовые компании уделять инновационной сфере повышенное внимание и значительные ресурсы, но и будет стимулировать обновление их управленческого арсенала в данной области.

Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета Высшая школа экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Skuce A. The Looming Irrelevance of Big Oil. *Critical Angle*, November 28, 2016. Available at: <https://critical-angle.net/2016/11/28/the-looming-irrelevance-of-big-oil/> (accessed 30.11.2020).
2. Pellegrini L., Lazzarotti V., Pizzurno E. From Outsourcing to Open Innovation: a Case Study in the Oil Industry. *International Journal of Technology Intelligence and Planning*, 2012, vol. 8, no. 2, pp. 182-196. DOI: 10.1504/IJTIP.2012.048476
3. Aissaoui A. Reader's Forum — Shifting Business Models and Changing Relationship Expectations of IOCs, NOCs and OFSCs. *APICORP Research — Economic Commentary*, 2011, vol. 6, no. 8, pp. 1-3.
4. Arthur D. Little. *The NOC Technology & Innovation Management Challenge*. Available at: <https://www.adlittle.com/en/NOCTechnology> (accessed 30.11.2020).
5. Keanie C. Why Aren't NOCs Closing the Technology Gap with IOCs? *Hartenergy*, December 1, 2015. Available at: <https://www.hartenergy.com/exclusives/why-arent-nocs-closing-technology-gap-iocs-175639> (accessed 30.11.2020).
6. EU. *R&D Monitoring: the EU Industrial R&D Investment Scoreboard*. Available at: https://iri.jrc.ec.europa.eu/rd_monitoring (accessed 30.11.2020).
7. Baker Hughes. *Inventing Smarter Ways: 2018 Annual Report*. Available at: <https://www.bhge.com/annualreport> (accessed 30.11.2020).
8. Bahgeri S.K., Di Minin A. The Changing Competitive Landscape of the Global Upstream Petroleum Industry. *Journal of World Energy Law and Business*, 2015, vol. 8, no. 1, pp. 1-19.
9. Oil and Gas Industry: Global Patent Landscape with a Closer Look at the MENA Region. *Derwent*. Available at: <https://clarivate.com/derwent/ru/campaigns/oil-and-gas-industry/> (accessed 30.11.2020).
10. New Technological Frontiers in Oil and Gas Industry. *Newsweek Vantage*. Available at: <https://www.newsweek.com/vantage-new-technological-frontiers-oil-gas-industry-1129612> (accessed 30.11.2020).

11. Dunn K. The Oil Industry Is Finally Talking Climate Crisis, but Don't Expect Change to Come Easily. *Fortune*, February 29, 2019. Available at: <https://fortune.com/2020/02/28/climate-change-big-oil-industry-greta-thunberg/> (accessed 30.11.2020).
12. Hertsgaard M. Does the Climate Crisis Spell the End of Big Oil? *The Nation*, February 12, 2020. Available at: <https://www.thenation.com/article/environment/climate-media-big-oil/> (accessed 30.11.2020).
13. Shojaeddini E., Naimoli S., Ladislaw S., Bazilian M. Oil and Gas Company Strategies Regarding the Energy Transition. *Progress in Energy*, 2019, no. 1, pp. 1-19.
14. *The Global Fossil Fuel Divestment and Clean Energy Investment Movement, 2018 Report*. Available at: <https://www.arabellaadvisors.com/wp-content/uploads/2018/09/Global-Divestment-Report-2018.pdf> (accessed 30.11.2020).
15. Accenture. *Fueling the Energy Future: Reinventing Oil and Gas for a New Purpose*. Available at: https://www.accenture.com/_acnmedia/PDF-110/Accenture-Reinventing-Oil-Gas-New-Energy-Era.pdf (accessed 30.11.2020).
16. *Essential Tactics to Foster Innovation in Oil and Gas*. IBM. Available at: <https://www.ibm.com/downloads/cas/VOJ540GZ> (accessed 30.11.2020).
17. *Innovating Energy Solutions: Research and Development Highlights*. Exxon Mobil. Available at: <https://corporate.exxonmobil.com/-/media/Global/Files/research-and-development-highlights/Innovating-Energy-Solutions-R-and-D-brochure.PDF> (accessed 30.11.2020).

GLOBAL OIL & GAS CORPORATIONS IN THE RACE FOR TECHNOLOGICAL SUPERIORITY

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 5, pp. 59-67)

Received 16.12.2020.

Alexei V. BEREZNOI (abereznoy@hse.ru),

National Research University Higher School of Economics, 11 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics.

The article explores the key trends in R&D and innovation activities of the world's largest oil&gas companies through the lens of dynamic shifts taking place in the competitive landscape of the global energy sector. The first area, where the author sees significant changes, relates to the appearance of the new powerful players in the technological domain of the world oil and gas industry. He draws attention to the growing roles of national oil companies and multinational oilfield service firms as increasingly important investors in R&D and innovations. These developments are analyzed in the context of the overall competitive positioning of Western-based supermajors whose technological dominance in the industry has never seriously been challenged before. Another significant change, noticed by the author, relates to the new technological priorities set by the world's largest oil&gas companies for the foreseeable future. Two major sets of technologies are becoming increasingly important as strategic areas for investment by the industry giants. One of them, low-carbon technologies, reflects the dramatic evolution of the "Big Oil" attitude to the Energy transition. In contrast to a largely negativist (or at best 'window-dressing') approach to climate agenda, visible just a decade ago, most oil&gas giants have recently adopted individual low-carbon strategies driven to a large extent by the significantly increased pressure from the powerful institutional investors and the growing influence of the negative public opinion. The second top technological priority relates to the changing digital agenda in the oil and gas industry. It reflects the transition of the industry leaders to the next generation digital technologies (including internet of things, artificial intelligence, machine learning and robotics) but most importantly to a systemic approach in digital transformation contrasting with traditional "piecemeal" IT projects with limited operations coverage. The changing innovation management mechanisms are also considered by the author as one of the key trends in technological domain of the world oil and gas industry. Specific focus is devoted to the formation of the corporate innovation ecosystems, including various R&D and innovation collaborations with different innovation actors (business partners, professional research centers, universities and governments organizations) and the connected vast spread of open innovation-based instruments working within these alliances.

Keywords: supermajors, national oil companies, multinational oilfield service firms, technological strategies, innovation ecosystems.

About author:

Alexei V. BEREZNOI, Dr. Sci. (Econ.), Director of the Center for Industrial Market Studies and Business Strategies ISSEK, National Research University Higher School of Economics.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-59-67

ЦИФРОВЫЕ ВАЛЮТЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ: МИРОВОЙ ОПЫТ

© 2021 г. Д. Кочергин

КОЧЕРГИН Дмитрий Анатольевич, доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, 191123 Санкт-Петербург, ул. Чайковского, 62
(d.kochergin@spbu.ru, kda2001@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 28.07.2020.

Исследуется мировой опыт внедрения цифровых валют центральными банками (ЦБ) в розничных и оптовых платежах. Определены возможные модели эмиссии цифровых валют центральных банков, изучены особенности их внедрения в разных странах. Предложена классификация цифровых валют центральных банков, раскрыты принципы функционирования различных систем таких валют, а также функционал известных национальных проектов в этой области.

Ключевые слова: центральные банки, цифровые валюты, криптовалюты, модели центробанковских цифровых валют, розничные платежи, оптовые расчеты.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-68-77

Научный интерес к изучению вопросов выпуска центробанковских цифровых валют (*central bank digital currency, CBDC*) продиктован возможностями, которые открывает технология распределенных реестров (*distributed ledger technology, DLT*)¹ для создания новых форм денег и повышения эффективности функционирования денежно-кредитной и платежной систем. Особое внимание к развитию центробанковских цифровых валют со стороны денежных регуляторов обусловлено потребностью в создании новых национальных средств платежа, позволяющих минимизировать риски финансовой нестабильности и сокращения спроса на центробанковские деньги вследствие широкого внедрения криптовалют и глобальных стейблкоинов.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ ЦЕНТРОБАНКОВ

В настоящее время не существует унифицированного определения цифровых валют ЦБ. Некоторые исследователи определяют их как “цифровой актив, выпускаемый центральным банком с целью осуществления платежей и расчетов в розничных или оптовых транзакциях” [1]. Другие рассматривают их как “одну из форм денег центрального банка, обрабатываемую с помощью электронных устройств, которая широко доступна для использования” [2].

По нашему мнению, цифровую валюту ЦБ можно определить как электронное обязательство

ЦБ, выраженное в национальной счетной единице и выступающее как средство платежа и средство сохранения стоимости. По сути, цифровые валюты ЦБ можно рассматривать в качестве новой формы денег, которая отличается от традиционных центробанковских денег, представленных наличными деньгами и банковскими резервами (средствами кредитных учреждений на счетах в ЦБ). Цифровые валюты могут универсально приниматься подобно наличным деньгам и в то же время выпускаться на электронной основе как в случае с банковскими резервами. Несмотря на возможность использования схожей эмиссионной технологии, цифровые валюты ЦБ следует отличать от криптовалют, выпуск которых децентрализован².

В настоящее время можно выделить две основные формы выпуска центробанковской цифровой валюты [5]:

- для розничных (общецелевых) платежей (*R-CBDC*);
- для оптовых (специальных) расчетов (*W-CBDC*).

Технологически эмиссия цифровых валют может быть осуществлена либо в форме выпуска цифровых токенов³, либо в форме учетных записей на расчетных счетах. Ключевое различие между деньгами на основе токенов и счетов заключается в форме проверки их подлинности, необходимой при осуществлении обменной операции. Исполь-

¹ Термин “распределенные реестры” означает децентрализованную, или распределенную, систему учета данных по финансовым операциям, состоящую из выстроенных по определенным правилам цепочек формируемых блоков транзакций.

² Подробнее см.: [3, 4].

³ Цифровой токен в системах *CBDC* является цифровой формой национальной валюты в форме электронного денежного обязательства ЦБ и может использоваться в розничных платежах по аналогии с наличными деньгами.

зование денег на основе токенов зависит от способности получателя платежа проверить действительность платежного токена. Использование же денег, хранимых на счетах, зависит от возможности идентификации и аутентификации личности владельца счета.

В условиях быстрого вытеснения из обращения традиционных наличных денег, наблюдаемого в ряде развитых стран, таких как Швеция, Норвегия, Великобритания и др. [6], цифровая валюта ЦБ для розничных платежей может стать универсальным альтернативным, безопасным и удобным платежным инструментом. Главное достоинство цифровой валюты для оптовых расчетов в том, что ее использование может повысить эффективность и скорость проведения расчетов по трансграничным транзакциям⁴.

В настоящее время нет единого мнения о том, в рамках какой эмиссионно-расчетной модели выпуск центробанковских цифровых валют предпочтителен. По всей видимости, только эмпирический опыт эмиссии и использования цифровых валют позволит сделать вывод о том, какие модели и для каких ЦБ наиболее применимы. Эмиссионно-расчетные модели систем цифровых валют для розничных платежей могут различаться не только по способам проверки подлинности денежного обязательства, но и по характеру инициирования транзакции и идентификации контрагентов.

МОДЕЛИ ДЛЯ РОЗНИЧНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

В общем виде можно выделить три основные модели систем цифровых валют для розничных платежей. ЦБ во всех них является единственным институтом, который может выпускать и выкупать такие валюты. Следует отметить, что модели систем *R-CBDC* могут быть реализованы на основе либо учетных счетов (*DLT*-счета), либо цифровых токенов (*DLT*-токены) и функционировать в различных инфраструктурах. Ключевые различия состоят в природе денежного требования и методе хранения его центральным банком.

В любой из моделей *R-CBDC* можно выделить три уровня институтов, участвующих в функционировании системы цифровых валют. Нулевой уровень – центробанк, который может выпускать, передавать и выкупать цифровые валюты. Первый уровень – уполномоченные или привилегированные институты, которые во взаимодействии с ЦБ сохраняют цифровые валюты и осуществляют их трансферты. Преимущественно это банки или провайдеры платежных услуг, имеющие доступ к системам оптовых расчетов ЦБ. Второй уро-

вень – институты или персоналии, которые могут взаимодействовать с учреждениями первого уровня, сберегая цифровую валюту и проводя с ней платежные транзакции. В большинстве случаев – это пользователи цифровых валют: физические лица (розничные плателыщики) и юридические лица (предприятия торговли и сферы услуг).

Первую модель системы *R-CBDC* можно назвать синтетической⁵, или двухуровневой, системой цифровой валюты (рис. 1). В данной модели цифровая валюта представляет собой денежные требования к посредникам (*CBDC* Банк *X* и *CBDC* Банк *Y*), а ЦБ отслеживает состояние счетов по оптовым платежам.

Как видно на рис. 1, в модели синтетической системы *R-CBDC* центробанковская цифровая валюта для потребителей (*A* – физическое лицо; *B*, *C* – торговые предприятия) не представляет собой прямого требования к центробанку. Вместо этого посредники (*CBDC* Банк *X* и *CBDC* Банк *Y*) несут полную финансовую ответственность за каждую единицу невозмещенной синтетической цифровой валюты (*sCBDC*) перед потребителями (*A*, *B*, *C*). Финансовая ответственность посредника гарантируется путем хранения эквивалентного объема цифровой валюты (или другой формы центробанковских денег) на счетах в ЦБ. Как и в современных платежных системах, финансовые посредники обрабатывают все платежные запросы розничных потребителей, осуществляют платежный клиринг, отправляют платежные сообщения другим посредникам и платежные инструкции для проведения окончательных оптовых расчетов в ЦБ по счетам *R-CBDC*.

Кроме удобства перекалывания части расчетных функций на финансовых посредников синтетические системы *R-CBDC* также освобождают центробанк от ответственности за разрешение финансовых споров, идентификацию клиентов и сопутствующие услуги⁶. Однако у такой модели есть существенный недостаток: ЦБ не ведет учета индивидуальных денежных требований, а регистрирует только изменения в их оптовых балансах. В результате ЦБ становится операционно зависим от финансовых посредников и не может погашать денежные требования держателей без полученной от них информации.

⁵ Термин “синтетическая *CBDC*” был введен исследователями Т. Адрианом и Т. Манчини-Гриффоли [8]. Он эквивалентен понятию “двухуровневая *CBDC*”, используемому экономистами М. Кумхофом и К. Нун [9] из-за сходства с существующей в развитых странах двухуровневой банковской системой.

⁶ Требования по обязательной идентификации клиентов (*know your customer, KYC*) и требования по противодействию отмыванию денег (*anti-money laundering, AML*).

⁴ Подробнее см.: [7].

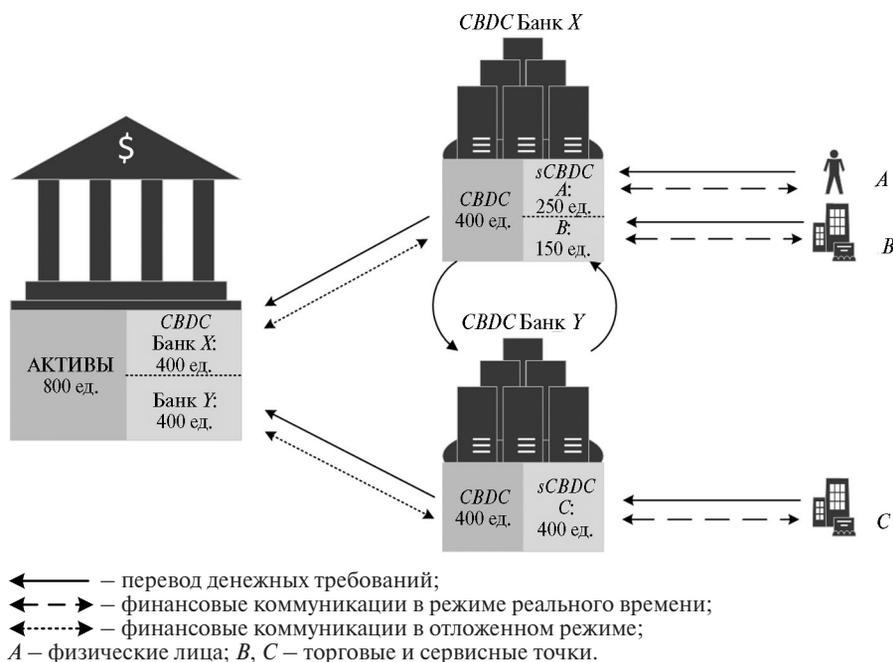

Рис. 1. Схема синтетической, или двухуровневой, системы *R-CBDC*

Примечания. 1. *sCBDC* являются требованиями на финансового посредника (производными от требований на *CBDC*). 2. Финансовые посредники следят за соблюдением процедуры *KYC* и обрабатывают розничные платежи. 3. Центральные банки производят окончательный расчет по оптовым платежам.

Составлено автором по: [10, 11, 12].

Вторую модель *R-CBDC* можно назвать прямой, или одноуровневой (рис. 2). В ней цифровая валюта представляет собой прямое денежное требование к центрбанку, который ведет учет всех балансов по счетам розничных платежей и обновляет их при каждой транзакции.

Как видно на рис. 2, модель прямой системы *R-CBDC* привлекательна своей простотой, поскольку устраняет зависимость ЦБ при проведении расчетов от финансовых посредников. Однако ее использование означает компромисс с точки зрения надежности, скорости и эффективности функционирования платежной системы. Во-первых, создание и эксплуатация технически сложных платежных систем, как показала практика, лучше реализуется частными институтами и компаниями (например, системы расчетов по кредитным картам). Во-вторых, даже если ЦБ создаст необходимые технологические возможности для выпуска цифровой валюты, она может оказаться менее привлекательной для потребителей, нежели существующие розничные платежные инструменты.

Третья модель *R-CBDC* — гибридная (рис. 3). В ней цифровая валюта представляет собой прямые денежные требования к ЦБ, но платежи обрабатывают не сам центральный банк, а финансовые посредники.

Как видно на рис. 3, такая модель объединяет элементы как синтетической, так и прямой модели центробанковской цифровой валюты. В ней прямое требование к центрбанку комбинируется с использованием механизма информационных сообщений, предоставляемого финансовыми учреждениями или провайдерами платежных услуг (*CBDC*-провайдер — *X* и *CBDC*-провайдер — *Y*). Как и в предшествующей модели, выпуск *R-CBDC* может быть основан как на использовании счетов в ЦБ, так и на применении цифровых токенов.

Ключевым элементом гибридной системы *R-CBDC* является правовая база, которая создает условия для раздельного хранения требований к ЦБ и платежных балансов провайдеров платежных услуг. Так, если провайдер сталкивается с финансовыми сложностями, денежные средства, хранящиеся в цифровой валюте, не должны рассматриваться как часть его имущества и не должны быть доступны для кредиторов. Другой ключевой элемент — техническая возможность обеспечения защиты и мобильности активов. Важным условием стабильности систем *R-CBDC* является поддержание бесперебойности розничных платежей. Поэтому, когда у какого-либо из провайдеров платежных услуг возникает технический сбой, центрбанк должен иметь возможности восстано-

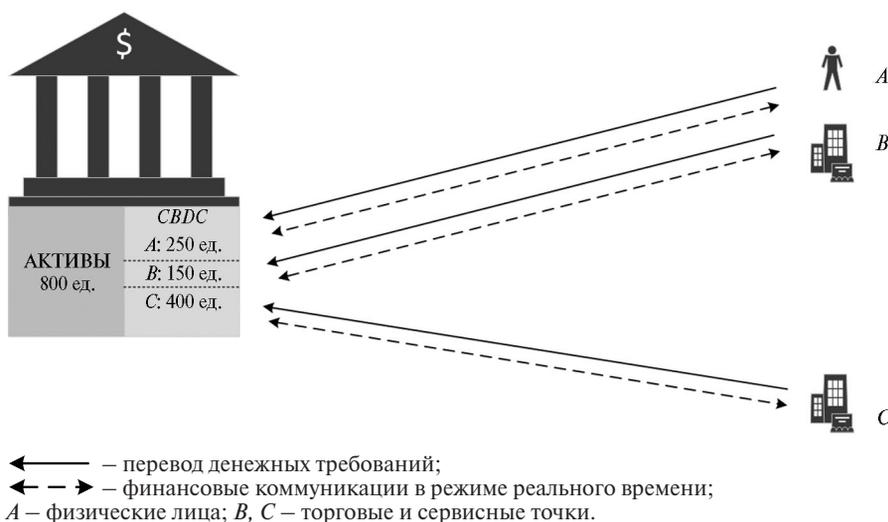

Рис. 2. Схема прямой, или одноуровневой, системы *R-CBDC*

Примечания. 1. *CBDC* являются требованиями на центральный банк. 2. Центральный банк следит за соблюдением процедур *AML/KYC*. 3. Денежный регулятор обрабатывает и совершает окончательные расчеты по розничным платежам.

Составлено автором по: [10, 11, 12].

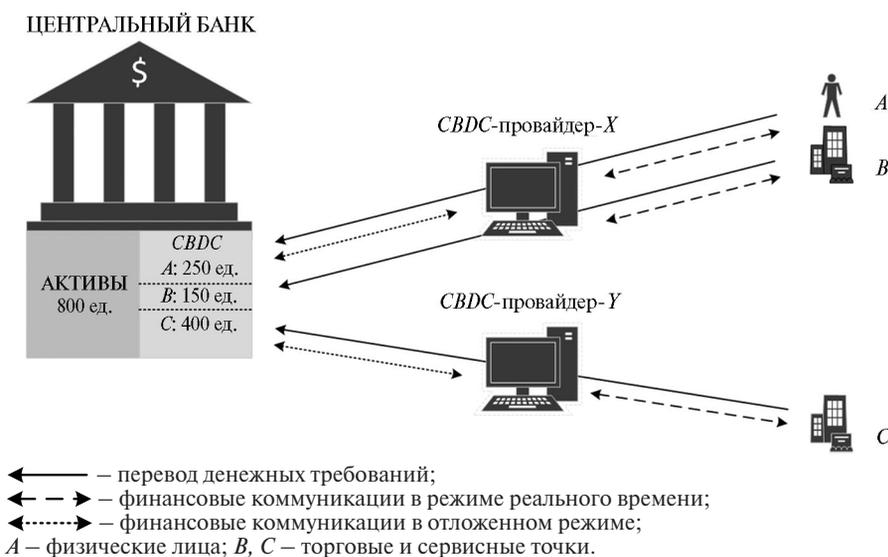

Рис. 3. Схема гибридной системы *R-CBDC*

Примечания. 1. *CBDC* являются требованиями на центральный банк. 2. Финансовые посредники следят за соблюдением процедур *AML/KYC* и обрабатывают розничные платежи. 3. Центральный банк периодически записывает балансовые результаты по розничным платежам.

Составлено автором по: [10, 11, 12].

вить балансы по розничным платежам в цифровой валюте.

Гибридная система имеет как преимущества, так и недостатки в сравнении с синтетической и прямой системами центробанковской цифровой валюты. Она может предложить лучшую операционную устойчивость по сравнению с синтетической моделью, но требует более сложного для ЦБ

процесса управления инфраструктурой. В то же время в рамках гибридной системы *R-CBDC* центробанк напрямую не взаимодействует с розничными пользователями. Таким образом, он может сосредоточиться на ограниченном числе основных функциональных и управленческих процессов, в то время как финансовые посредники будут непосредственно предоставлять платежные услуги.

МОДЕЛИ ДЛЯ ОПТОВЫХ РАСЧЕТОВ

Модели систем цифровых валют для оптовых расчетов и сценарии интеграции *W-CBDC* в современные платежные системы более сложны с технологической точки зрения. В то время как *R-CBDC* призваны преимущественно заменить или дополнить наличные платежи, цифровые валюты для оптовых расчетов могут прийти на смену традиционным механизмам межгосударственных расчетов. В настоящее время они проводятся на основе корреспондентских банковских счетов с использованием национальных систем валовых расчетов в режиме реального времени (*real-time gross settlement, RTGS*) и международной системы конверсионных валютных операций (*continuous linked settlement, CLS*).

Можно выделить пять основных функциональных проблем современных трансграничных платежей, на решение которых может быть направлено создание систем *W-CBDC*: 1) несоответствие часов работы систем *RTGS* и банков в разных юрисдикциях и часовых поясах; 2) использование многочисленных посредников (с соответствующими затратами) для трансграничных расчетов; 3) отсутствие единых согласованных платежных стандартов (технических и операционных) и нормативных требований; 4) неимение стандартизированных уведомлений о состоянии платежей в системах обмена платежными сообщениями, используемых банками; 5) устаревшая платежная инфраструктура в сетях центральных и коммерческих банков [13].

Разработка систем цифровых валют для оптовых расчетов *W-CBDC* может сделать оптовые платежи более доступными и прозрачными, а внедрение новых стандартов обмена сообщениями в системах цифровых валют способно привести к широкомасштабным изменениям в расчетных системах⁷. Можно выделить три основных модели систем *W-CBDC*: 1) система с неконвертируемой цифровой валютой; 2) система с конвертируемой цифровой валютой; 3) система с универсальной цифровой валютой (*U-W-CBDC*). Модель с неконвертируемой цифровой валютой не обладает значительными преимуществами в сравнении с существующими моделями межгосударственных расчетов, последние же две более инновационны и будут рассмотрены нами подробно.

В каждой рассматриваемой модели используется токенизированная форма денежного обязательства центрального банка для проведения оптовых межбанковских платежей и расчетных операций на межгосударственном уровне. Напри-

мер, существуют две страны – *A* и *B*. В каждой есть свой ЦБ (*A* и *B* соответственно) и один или более коммерческих банков (*A1, A2, B1, B2* и т.д.). Наш сценарий состоит в том, что банку *A1* (банку-отправителю) в стране *A* необходимо совершить платеж за рубеж банку *B1* (банку-получателю) в стране *B*. При этом банк *B1* должен в конечном счете получить на свой счет валюту *B*. Банк *A1* имеет расчетный счет в центральном банке *A*. Аналогичным образом у банка *B1* есть расчетный счет в центробанке *B*. У обеих стран есть свои национальные платформы валовых расчетов в режиме реального времени – платформы *RTGS A* и *RTGS B* соответственно. Кроме того, там созданы системы для выпуска, обмена и возмещения центробанковской цифровой валюты *W-CBDC*. Мы предполагаем, что платформы *W-CBDC* основаны на *DLT*, хотя возможно использование других технологий или их комбинирование.

Рассмотрим модель *W-CBDC* с конвертируемой цифровой валютой. Центральные банки *A* и *B* подписывают соглашение, которое позволяет банкам-участникам в обеих странах проводить обмен *W-CBDC*, выпущенных ЦБ этих стран. Таким образом, токены, выпущенные центробанком *A* (*W-CBDC-A*), могут быть переведены банкам в стране *B*, а токены, выпущенные центральным банком *B* (*W-CBDC-B*), могут держаться банками в стране *A*. Каждый банк-участник поддерживает *W-CBDC* счета (цифровые кошельки) для разных валют в ЦБ своей юрисдикции, чтобы позволить принимать цифровые валюты и совершать платежи в различных *W-CBDC* в трансграничных операциях с другими банками.

Коммерческий банк *A1* поддерживает *W-CBDC-A* и *W-CBDC-B* в одном или нескольких кошельках *W-CBDC* в центральном банке *A*. Аналогичным образом коммерческий банк *B1* поддерживает *W-CBDC-A* и *W-CBDC-B* в одном или нескольких кошельках в центральном банке *B*. Конверсия центробанковских цифровых валют для оптовых платежей, номинированных в разных валютах, может производиться на новом особом сегменте валютного рынка – на рынке обмена цифровых валют. Такая модель *W-CBDC* может быть рассчитана на работу в режиме 24/7 и работать параллельно с существующими системами *RTGS* для проведения транзакций в цифровых валютах между банками и центробанками в пределах определенной юрисдикции или между банками разных юрисдикций.

Проанализируем модель *W-CBDC* с универсальной цифровой валютой. В ее рамках несколько стран либо на уровне национальных центральных банков, либо при посредничестве международных финансовых институтов соглашаются выпускать

⁷ Подробнее см.: [14, 15].

универсальную цифровую валюту *U-W-CBDC*. Она может обеспечиваться корзиной национальных валют центральных банков, участвующих в системе. Универсальная цифровая валюта может выпускаться при участии специальной биржи, созданной для выпуска и выкупа универсальной цифровой валюты. Конвертация национальных валют в *U-W-CBDC* будет производиться по биржевым курсам, механизм управления которыми должен быть определен центробанками, участвующими в системе.

Банки могут использовать универсальную цифровую валюту для взаиморасчетов с другими банками по трансграничным транзакциям. Модель системы с универсальной цифровой валютой, подобно предшествующей модели, может функционировать в режиме 24/7 и работать параллельно с существующими системами *RTGS* для проведения транзакций в цифровых валютах между банками и центральными банками в пределах определенной юрисдикции или между банками разных юрисдикций.

Модель системы *W-CBDC* с универсальной цифровой валютой лучше всего подходит для устранения основных проблем трансграничных платежей, обозначенных ранее. Тем не менее не следует недооценивать масштаб необходимых технологических, управленческих и финансовых изменений для реализации модели *U-W-CBDC*. Помимо решения фундаментальных вопросов в сфере денежно-кредитной политики на национальном уровне и ее согласования на трансграничном уровне, связанных с выпуском универсальной цифровой валюты, необходимо также учитывать большие технологические изменения и вероятные трения между странами при добавлении новой валюты в корзину валют, обеспечивающих *U-W-CBDC*.

Для успешного функционирования модели с универсальной цифровой валютой потребуются более жесткое управление и мониторинг как наличных денег, так и средств в национальных *RTGS* и международных *U-W-CBDC* [14]. Кроме того, для взаимодействия между системами *W-CBDC* в различных юрисдикциях необходимо унифицировать систему управления, а также платежные стандарты, требования кибербезопасности и др.

Одним из ключевых аргументов против развития *W-CBDC* является то, что стоимость реализации любой модели выпуска цифровых валют для оптовых платежей в странах с недостаточно развитой инфраструктурой финансового рынка может оказаться очень высокой. Это означает, что *W-CBDC* вряд ли смогут устранить недостатки централизованных расчетных моделей *RTGS* в странах с формирующимися финансовыми рынками.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ

В 2014 г. экономисты Банка Англии в условиях сокращения спроса на наличные деньги впервые обосновали идею о выпуске цифровых валют центральными банками на основе технологии *DLT* [16]. В начале 2020 г. уже более 80 центробанков изучали вопросы выпуска собственных цифровых валют. Более 30 из них сконцентрировались на разработке систем цифровых валют для розничных платежей [17].

К наиболее продвинутым пилотным проектам в сфере розничных платежей можно отнести *DCEP* Народного банка КНР и *E-krona* ЦБ Швеции [18]. Кроме них в стадии разработки или внедрения находятся еще как минимум более десяти *R-CBDC* систем в странах с формирующимися рынками, например *Sand Dollar* ЦБ Багамских островов, *E-Peso* ЦБ Уругвая, *E-Won* ЦБ Кореи, *E-Hryvnia* ЦБ Украины, *DCash* Восточно-карибский ЦБ и др. [19]. Следует отметить, что в большинстве случаев предполагается использовать гибридную модель выпуска цифровых валют.

Центральные банки по-разному обосновывают необходимость развития выпуска цифровых валют. К числу главных мотивов можно отнести повышение эффективности и безопасности платежей как на национальном, так и на международном уровнях, а также обеспечение финансовой стабильности и совершенствование инструментов денежно-кредитной политики [17]. Например, в начале 2020 г. центральные банки Южной Кореи и Японии приступили к тестированию собственных систем *CBDC* [20]. В 2020 г. Федеральная резервная система США⁸ и Европейский центральный банк⁹ заявили о планах по выпуску собственных цифровых валют.

На планы регуляторов повлияла угроза со стороны транснациональных компаний и банков, таких как *Facebook*, *Mitsubishi Bank*, *JPMorgan* и др., приступающих к выпуску глобальных стейблкоинов. Наконец, вслед за ведущими центральными банками в конце 2020 г. Банк России также объявил о проведении консультаций по вопросу целесообразности выпуска цифрового рубля [23].

ПРОЕКТЫ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ В СФЕРЕ РОЗНИЧНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

E-krona. Среди развитых стран Швеция более других приблизилась к созданию системы по выпуску центробанковской цифровой валюты для розничных платежей — электронной кроны. Инициатива Банка Швеции во многом обусловлена резким

⁸ Подробнее см.: [21].

⁹ Подробнее см.: [22].

снижением использования наличных в платежных транзакциях. По прогнозу ЦБ Швеции, к 2021–2022 гг. доля наличных платежей в стране должна сократиться до 0.5%, что позволит на национальном уровне практически полностью отказаться от использования наличных денег [24].

В 2020 г. Центральный банк Швеции определил, что выпуск электронной кроны будет осуществляться на основе токенов *E-kronor*, которые будут храниться на принадлежащем пользователю носителе – в электронном кошельке или в приложении на смартфоне. Такие токены практически невозможно подделать или скопировать, а платежи и переводы цифровой валюты будут осуществляться через устройства для считывания информации с электронных кошельков или посредством бесконтактных платежей, обеспечивая проведение мгновенных одноранговых расчетов.

Платежи электронной кроной на основе цифровых токенов могут быть анонимными в рамках лимитов, установленных законами о противодействии отмыванию денежных средств (требования *AML* и *KYC*). В начале 2020 г. ЦБ Швеции совместно с консалтинговой фирмой *Accenture* приступил к тестированию системы цифровой валюты, которое продлится до конца февраля 2021 г. [25].

DCEP. В настоящее время в КНР реализуется наиболее масштабный в мире проект по внедрению цифровой валюты для электронных платежей (*Digital currency electronic payment, DCEP*). На первом этапе проект предусматривает создание электронной платежной системы, в которой цифровой валюта – цифровой юань (*E-yuan*) – будет использоваться для розничных платежей внутри страны. На втором этапе предусматривается внедрение цифровой валюты для оптовых расчетов между странами. По утверждению представителей регулятора, характеристики цифрового юаня будут обеспечивать баланс между анонимностью транзакций и требованиями по борьбе с отмыванием денег (*AML* и *KYC*) и по налогообложению доходов [26].

В апреле 2020 г. Сельскохозяйственный банк Китая (*Agricultural bank of China*), один из четырех крупнейших госбанков страны, запустил тестовый интерфейс для проведения платежей цифровой валютой с помощью мобильного приложения. Пользователю будут доступны следующие функции: оплата с помощью *QR*-кодов, прием и отправка платежей через электронные кошельки, инициирование транзакций прикосновением телефона одного пользователя к телефону другого пользователя. В настоящее время тестирование проходит в китайских городах Сюань, Сучжоу, Чэнду и Шэньчжэнь. Успешное тестирование системы цифровой валюты для розничных платежей позво-

лит Китаю повсеместно внедрить расчеты в цифровых юанях на национальном уровне.

ПРОЕКТЫ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ В СФЕРЕ ОПТОВЫХ РАСЧЕТОВ

Народный банк Китая – не единственный центральный банк, планирующий создать цифровую валюту для оптовых расчетов. С 2017 г. исследования и пилотные проекты цифровых валют в сфере оптовых расчетов проводят Денежно-кредитное управление Сингапура (*Project Ubin*) и ЦБ Канады (*Project Jasper*). В начале марта 2019 г. Банк Канады и Денежно-кредитное управление Сингапура завершили совместное испытание трансграничных платежей с использованием собственных систем цифровых валют *Jasper* и *Ubin*, построенных на двух разных *DLT* (*Corda* и *Quorum* соответственно). Пилотный проект показал большой потенциал для использования разных оптовых систем цифровых валют для повышения скорости, снижения стоимости и повышения безопасности трансграничных расчетов [27].

В последние годы одновременно с разработкой центробанковских цифровых валют отдельными ЦБ наблюдается развитие совместных исследований, посвященных внедрению *W-CBDC* на межгосударственном уровне. Так, Европейский центральный банк вместе с ЦБ Японии с 2017 г. осуществляет совместный проект *STELLA*, целью которого является изучение наиболее перспективных направлений использования *DLT* в деятельности ЦБ, в том числе для выпуска цифровых валют и стейблкоинов. В феврале 2020 г. проект находился на четвертой фазе проработки, целью которой был поиск баланса между требованиями конфиденциальности и обеспечения контроля в системах расчетов ЦБ на основе распределенных реестров [15].

Совместный проект по внедрению цифровых валют в сфере оптовых платежей *Inthanon-LionRock* разрабатывают также ЦБ Таиланда и Денежно-кредитное управление Гонконга [28]. Цель – повышение эффективности трансграничных платежей с использованием технологии распределенных реестров.

В заключение следует отметить, что для широкого внедрения цифровых валют в сфере оптовых платежей требуется координация усилий национальных ЦБ. Для этого в январе 2020 г. Банк международных расчетов (БМР) создал специальную рабочую группу (*Central bank Group on Development, CBDC*). В настоящее время в нее входят национальные финансовые регуляторы Англии, Канады, Швейцарии, Швеции и Японии, а также ЕЦБ и БМР [29]. Усилия группы направлены на

изучение экономических, функциональных и технических вариантов разработки цифровых валют, включая их трансграничную совместимость для совершенствования платежных технологий на глобальном уровне.

* * *

Цифровые валюты являются новой формой центробанковских денег, отличающейся как от наличных денег, так и от банковских резервов. Цифровые валюты ЦБ в зависимости от целей использования могут выпускаться в двух формах: для розничных платежей и для оптовых расчетов. Эмиссия цифровых валют технологически может быть реализована на основе либо цифровых токенов, либо пользовательских счетов в ЦБ. Технологические особенности эмиссии цифровых валют в значительной степени будут определять их функциональные различия.

Выпуск, передача и возмещение центробанковских цифровых валют могут осуществляться только при наличии специальных систем *CBDC*. Они могут структурно и функционально отличаться друг от друга, что влияет на экономико-правовые характеристики обязательств, воплощенных в цифровой валюте. Среди систем *R-CBDC* для розничных платежей модель прямой системы привлекательна своей простотой, поскольку устраняет зависимость ЦБ при проведении расчетов от финансовых посредников. Модели синтетической и гибридной систем *R-CBDC* характеризуются надежностью и высокой скоростью при обработке большого числа транзакций, что делает их наиболее перспективными для реализации. Среди систем *W-CBDC* для оптовых расчетов модель системы с универсальной цифровой валютой *U-W-CBDC* наиболее подходит для устранения основных недостатков современных трансграничных платежей. В то же время объем технологических,

управленческих и финансовых изменений, а также высокие затраты на внедрение систем *U-W-CBDC* могут затруднить их реализацию в странах с формирующимися рынками.

Главные достоинства цифровых валют для розничных платежей *R-CBDC* состоят в обеспечении пользователей высоколиквидными, низкорисковыми, удобными в использовании и универсально доступными средствами платежа. Преимущества цифровых валют для оптовых расчетов *W-CBDC* в сравнении с существующими системами *RTGS* могут заключаться в предложении более быстрых, безопасных и дешевых трансграничных расчетов. Наиболее продвинутыми проектами по выпуску центробанковских цифровых валют для розничных платежей можно считать *DCEP* Народного банка Китая и *E-krona* ЦБ Швеции. Наиболее успешными пилотными проектами по выпуску центробанковских цифровых валют для оптовых расчетов являются *Jasper* ЦБ Канады и *Ubin* Денежно-кредитного управления Сингапура.

В целом можно выделить три группы государств, разрабатывающих системы цифровых валют. В первой (Швеция, Норвегия, Сингапур) уже достаточно низка доля наличных денег в обращении, а внедрение цифровых валют направлено на поддержание национального спроса на центробанковские деньги. Вторая группа – страны, стремящиеся за счет внедрения цифровых валют сохранить место своих валют в международных расчетах (США и страны ЕС) или расширить использование национальной валюты на международном уровне (Китай). Третью группу представляют страны, где внедрение цифровых валют направлено на повышение контроля за национальным денежным оборотом и расширение финансовой доступности (Уругвай, Багамы, страны Карибского бассейна и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Retail CBDCs: The Next Payments Frontier*. IBM Blockchain World Wire, Official Monetary and Financial Institutions Forum (OMFIF), 2019. 40 p.
2. Bindseil U. *Central Bank Digital Currency – Financial System Implications and Control*. European Central Bank, 2019. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3385283> (accessed 22.06.2020).
3. Кочергин Д.А. Место и роль виртуальных валют в современной платежной системе. *Вестник СПбГУ. Серия 5. Экономика*, 2017, т. 33, № 1, сс. 119-140. [Kochergin D.A. Mesto i rol' virtual'nykh valyut v sovremennoi platezhnoi sisteme [The Roles of Virtual Currencies in the Modern Payment System]. *Vestnik SPbGU. Seriya 5. Ekonomika*, 2017, vol. 33, no. 1, pp. 119-140.]
4. Houben R., Snyers A. *Crypto-assets: Key Developments, Regulatory Concerns and Responses*. Luxembourg, The European Parliament, April 2020. 77 p.
5. Central Bank Digital Currencies. *Bank for International Settlements Report*, 2018, no. 174. 28 p.
6. *Estimate of the Share of Cash in Total Payment Transaction in 38 Countries of Europe in 2019*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1112656/cash-use-in-europe-by-country/> (accessed 25.06.2020).
7. Кочергин Д.А., Янгирова А.И. Центробанковские цифровые валюты: ключевые характеристики и направления влияния на денежно-кредитную и платежную системы. *Финансы: теория и практика*, 2019, т. 23, № 4, сс. 80-98. [Kochergin D.A., Yangirova A.I. Tsentrobankovskie tsifrovye valyuty: klyucheveye kharakteristiki i napravleniya vliyaniya

- na denezhno-kreditnyuyu i platezhnyuyu sistemy [Central Bank Digital Currencies: Key Characteristics and Directions of Influence on Monetary and Credit and Payment Systems]. *Finansy: teoriya i praktika*, 2019, vol. 23, no. 4, pp. 80-98.]
8. Adrian T., Mancini-Griffoli T. The Rise of Digital Money. *International Monetary Fund. Fintech Note*, 2019, no. 19/001. 20 p.
 9. Kumhof M., Noone C. Central Bank Digital Currencies – Design Principles and Balance Sheet Implications. *Bank of England Working Paper*, 2018, no. 725. 54 p.
 10. Auer R., Böhme R. The Technology of Retail Central Bank Digital Currency. *BIS Quarterly Review*, 2020, March. 16 p.
 11. Central Bank Digital Currency: Opportunities, Challenges and Design. *Bank of England Discussion Paper*, 2020, March. 57 p.
 12. Calle G., Eidan D. Central Bank Digital Currency: an Innovation in Payments. *R3 White Paper*, 2020, April. 24 p.
 13. *The (R)evolution of Money II: Blockchain Empowered Central Bank Digital Currencies*. Accenture, 2019. Available at: https://www.accenture.com/_acnmedia/pdf-105/accenture-revolution-of-money-ii-2019.pdf (accessed 27.06.2020).
 14. *Cross-border Interbank Payments and Settlements: Emerging Opportunities for Digital Transformation*. Bank of England, Bank of Canada, Monetary Authority of Singapore, 2018, November. 68 p.
 15. *STELLA – Synchronized Cross-Border Payments*. European Central Bank, Bank of Japan, 2019, June. 53 p.
 16. Ali R., Barrdear J., Clews R., Southgate J. The Economics of Digital Currencies. *Bank of England Quarterly Bulletin*, 2014, no. 54, pp. 276-286.
 17. Boar C., Holden H., Wadsworth A. Impending Arrival – a Sequel to the Survey on Central Bank Digital Currency. *BIS Papers*, 2020, no. 107. 15 p.
 18. Central Banks and Distributed Ledger Technology: How Are Central Banks Exploring Blockchain Today? *World Economic Forum's White Paper*, 2019, March. 14 p.
 19. Auer R., Cornelli G., Frost J. Covid-19, Cash, and the Future of Payments. *BIS Bulletin*, 2020, no. 3. 9 p.
 20. Yanagawa N., Yamaoka H. Digital Innovation, Data Revolution and Central Bank Digital Currency. *Bank of Japan Working Paper Series*, 2019, no. 19-E-2. 19 p.
 21. Fernández-Villaverde J., Sanches D., Schilling L. et al. Central Bank Digital Currency: Central Banking for All? *Federal Reserve Bank of Philadelphia Working Papers*, 2020, no. 20-19. 34 p.
 22. Report on a Digital Euro. *European Central Bank*, 2020, October. 55 p.
 23. *Цифровой рубль*. [Digital Ruble (In Russ.)] Available at: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (accessed 25.06.2020).
 24. The Riksbank's E-krona Project. *Sveriges Riksbank Report 2*, 2018, October. 52 p.
 25. *The Riksbank to Test Technical Solution for the E-krona*. Sveriges Riksbank, 2020. Available at: <https://www.riksbank.se/en-gb/press-and-published/notices-and-press-releases/notices/2020/the-riksbank-to-test-technical-solution-for-the-e-krona/> (accessed 27.06.2020).
 26. *China's Digital Yuan Will Target Retail Payments First*. Coindesk, 2020. Available at: <https://www.coindesk.com/chinas-digital-yuan-will-target-retail-payments-first-ex-central-banker-says> (accessed 22.06.2020).
 27. *Enabling Cross-Border High Value Transfer Using Distributed Ledger Technologies*. Jasper–Ubin Design Paper Monetary Authority of Singapore. Monetary Authority of Singapore, Bank of Canada, Accenture, 2019. 44 p.
 28. *Inthanon-LionRock: Leveraging Distributed Ledger Technology to Increase the Efficiency of Cross-Border Payments*. Bank of Thailand, Hong Kong Monetary Authority, 2020. 90 p.
 29. *Central Bank Group to Assess Potential Cases for Central Bank Digital Currencies*. Bank for International Settlements. Available at: <https://www.bis.org/press/p200121.htm> (accessed 25.06.2020).

CENTRAL BANKS DIGITAL CURRENCIES: WORLD EXPERIENCE

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 5, pp. 68-77)

Received 28.07.2020.

Dmitrii A. KOCHERGIN (d.kochergin@spbu.ru, kda2001@gmail.com),

St. Petersburg State University, 62, Chaykovskogo Str., St. Petersburg, 191123, Russian Federation.

The article examines issues related to the introduction of central bank digital currencies (CBDC) for retail payments and wholesale settlements. The study defines and classifies central bank digital currencies, researches the main models of CBDC systems. The article also analyzes the features of various national projects for issuing Central bank digital currencies. The paper uses methods of economic-statistical and functional-structural analysis. The study concludes that CBDC are a new form of central bank money. Digital currencies can be issued in various issuing systems for the purpose of retail payments or wholesale settlements. Among the models of CBDC systems for retail payments (R-CBDC) the direct system model is the most attractive for its simplicity. This model eliminates the dependence of the Central bank on any financial and payment intermediaries. Models of synthetic and hybrid R-CBDC systems are characterized by reliability and speed in processing multiple transactions which makes them the most promising for implementation. Among the models of CBDC systems for wholesale payments (W-CBDC) the model of the system with a universal digital currency (U-W-CBDC) may be the most suitable for eliminating the main disadvantages of modern

cross-border payment systems. However, a large number of technological and financial changes as well as the high operating costs of the U-W-CBDC can make such systems difficult to implement for non-developed financial market infrastructure countries. National financial regulators have different motivations for issuing digital currencies. The main advantages of digital currencies for retail payments may consist in providing users with highly liquid, low-risk, universally available means of payment. The main advantages of wholesale digital currencies are that they offer faster, safer, cheaper cross-border payments. The most advanced projects for issuing R-CBDC can be considered DCEP (People's Bank of China) E-krona (Central Bank of Sweden). The most successful pilot projects for issuing W-CBDC are the projects Jasper (Central Bank of Canada) and Ubin (Monetary Authority of Singapore), which were able to achieve interoperability in conducting cross-border payments. Currently most CBDC are retail based on the use of distributed ledger technology and implemented in the form of DLT-tokens. Countries that develop digital currency systems can be divided into three groups. The first group is countries where the introduction of CBDC can be designed to support the national demand for central bank money (Sweden, Norway, Singapore, etc.). The second group – countries for which the adoption of digital currencies can afford to keep the place of national currencies in international settlements (USA and EU) or expanding the use of national currencies at the international level (China). The third group represents countries for which the introduction of digital currencies may be associated with the control of national monetary circulation and de-dollarization of the financial system (Uruguay, South Africa, Cambodia, etc.).

Keywords: central banks, digital currencies, cryptocurrencies, models of digital currencies systems, retail payments, wholesale settlements.

About author:

Dmitrii A. KOCHERGIN, Dr. Sci. (Econ.), Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-68-77

РЫБОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС НОРВЕГИИ

© 2021 г. А. Кравчук

КРАВЧУК Алексей Андреевич, кандидат политических наук,
Дальневосточный федеральный университет (ДФУ), РФ, 690091 Владивосток, ул. Суханова, 8
(zky3krava@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 24.07.2020.

Исследуются состояние, роль рыбопромышленного комплекса в экономике Норвегии и механизм его регулирования, а также перспективы развития рыболовства и аквакультуры в контексте пересмотра системы инвестирования государственных средств. Дается оценка официальной позиции Осло относительно рыболовства в морских пространствах архипелага Шпицберген, а также роли конкуренции и сотрудничества в развитии рыбопромышленного комплекса страны.

Ключевые слова: Арктика, Норвегия, рыболовство, рыбоводство, Шпицберген, экономика.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-78-86

Согласно арктической [1] и морской [2] стратегиям Норвегии, в будущем рост благосостояния страны будет основываться на развитии морской индустрии, ключевыми компонентами которой считаются: добыча углеводородов, рыболовство, аквакультура (рыбоводство), судоходство и развитие прибрежной инфраструктуры. Долгие годы ключевой отраслью экономики страны, получавшей наивысшую поддержку правительства, была нефтегазовая промышленность. Однако в последнее время ситуация резко изменилась. Руководство страны решило серьезно сократить объем инвестиций в нефтегазовую отрасль [3], перенаправив их в активы “зеленых” компаний. Смена приоритетов в государственной системе инвестирования инициировала процесс модернизации рыбопромышленного комплекса Норвегии, который начинает занимать все более заметное место в ее экономике.

Польша (10.4%), Дания (8.7), Франция (7.9), Великобритания (6.3), США (6.1), Нидерланды (5.1), Испания (4.7) и Италия (4.5%). На них приходится свыше половины (54%, или 52.9 млрд норв. крон) экспорта ВБР Норвегии [6].

Таблица 1. Экспорт морепродуктов из Норвегии по регионам, 2018 г.

Регион	Млрд норв. крон	Тыс. т	Доля в общем объеме экспорта, %
Европа	70.22	1980.6	71.4
Азия	17.66	477.9	17.9
Северная Америка	7.37	116.1	7.5
Африка	1.72	94.4	1.8
Южная Америка	1.02	50.7	1.0
Страны Океании	0.42	3.9	0.4
Итого	98.41	2723.6	100

Составлено автором по: [6].

ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ РЫБОПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА

Морепродукты – третий (после нефти и газа) по объемам выручки экспортный товар Норвегии. Страна входит в тройку крупнейших мировых экспортеров водных биоресурсов (ВБР) с долей 9.3% (12.2 млрд долл.), уступая лишь Евросоюзу (38.1 млрд) и Китаю (25 млрд), при общем объеме глобального рынка в 130 млрд долл. [4].

В 2019 г. Норвегия продала 2.7 млн т морепродуктов стоимостью 107.3 млрд норв. крон (12.1 млрд долл.¹), что обеспечило ей 11.9% общей экспортной выручки [5]. Большая часть продукции (71.4%) идет на европейский рынок (табл. 1). К числу основных импортеров норвежских морепродуктов относятся

Рыбная промышленность Норвегии представлена двумя основными подотраслями – рыболовством и рыбоводством (аквакультурой). Под рыболовством понимается деятельность по добыче (вылову) водных биоресурсов, находящихся в естественной среде обитания (в состоянии естественной свободы), а также по приемке, обработке, перегрузке, транспортировке, хранению и выгрузке их уловов. Рыбоводство – это производственный процесс, включающий выращивание или разведение водных организмов вне естественной окружающей среды (в неволе) [7].

По данным ФАО, в 2016 г. Норвегия занимала 9-ю строчку в списке крупнейших рыбодобывающих стран мира (2.6% общемирового вылова ВБР) [8]. В 2019 г. страной было добыто около

¹ Здесь и далее 1 норв. крона = 0.1134 долл. США (по курсу на начало 2020 г.).

2.5 млн т водных биоресурсов, общая стоимость которых в необработанном виде составила около 21.2 млрд норв. крон (2.4 млрд долл.). На экспорт было направлено 1.5 млн т морепродуктов, стоимость которых после обработки составила 30.8 млрд норв. крон (3.5 млрд долл.) (табл. 2) [9].

Основными экспортными видами стали треска (181 тыс. т \approx 10.1 млрд норв. крон), скумбрия (238 тыс. т \approx 4.3 млрд норв. крон), сельдь (349 тыс. т \approx 3.2 млрд норв. крон), сайда (116 тыс. т \approx 2.5 млрд норв. крон), пикша (60.1 тыс. т \approx 1.8 млрд норв. крон) и креветки (16.1 тыс. т \approx 1.1 млрд норв. крон) [10].

Норвегия также относится к крупным производителям искусственно выращенных гидробионтов. Согласно ФАО ООН, в 2016 г. на долю страны пришлось 1.7% общемирового (7-е место) и 45% общеевропейского (1-е место) производства продукции рыбоводства [8]. В 2019 г. экспорт продукции аквакультуры составил 1.2 млн т в натуральном и 76.5 млрд норв. крон (8.7 млрд долл.) в стоимостном выражении (табл. 2).

К основным экспортным видам относятся семга и форель, объемы продаж которых составили 1.1 млн т (72.5 млрд норв. крон) и 59.6 тыс. т (3.7 млрд норв. крон) соответственно [10]. Однако в последние годы ассортимент аквакультуры стал расширяться, в него вошли треска, палтус, морской гребешок, лобстер, камчатский краб, водоросли и пр.

Анализ доходности рыбопромышленного сектора Норвегии указывает на явный дисбаланс между двумя его ключевыми подотраслями. Хотя на долю рыбоводства приходится более половины экспорта морепродуктов в натуральном выражении, доля экспортных доходов от их продажи не превышает 1/3. Рыбоводство, напротив, обеспечивает большую доходность при меньшем физическом объеме экспортируемых товаров. Средняя стоимость экспортной тонны искусственно выращенных водных биоресурсов более чем в три раза превышает стоимость экспортной тонны гидробионтов, добытых в море (табл. 2). Это обусловлено тем, что в товарном рыбоводстве преобладают наиболее ценные виды ВБР (семга, форель, моллюски).

Сегодня рыбная промышленность стала одной из самых быстрорастущих отраслей экономики Норвегии. С 1970 г. ее средний вклад в рост ВВП в текущих ценах составил около 19% ежегодно. Для сравнения: за тот же период аналогичный показатель обрабатывающей промышленности находился на уровне 3%, а среднегодовой рост ВВП страны – около 8% [11]. Отрасль обеспечивает свыше 19 тыс. рабочих мест, из которых 11 тыс. приходится на рыбоводство [9], а 8,7 тыс. – на рыболовство (рис. 1) [12].

ПЕРСПЕКТИВЫ РЫБОЛОВСТВА

За последние десятилетия Норвегия выстроила эффективную систему управления рыбным хозяйством, основанную на принципах экосистемного подхода. Ее основная задача – одновременно обеспечить сохранение и устойчивое использование морских биоресурсов путем установления квот и лицензионных требований к рыболовству. Размеры общего допустимого улова на каждый год определяются на основе научных рекомендаций Международного совета по исследованию моря (*International Council for the Exploration of the Sea, ICES*), в рамках рабочих групп и комитетов которого трудятся ученые из 20 стран-членов.

Необходимость международного участия в определении общего допустимого улова обусловлена мобильностью промысловых скоплений рыбных ресурсов, свободно перемещающихся в морских пространствах нескольких государств. После получения рекомендаций *ICES* начинаются переговоры по вопросу распределения квот между Норвегией и другими государствами [13]. По их окончании Директорат рыболовства начинает техническую подготовку предложений по внутреннему распределению квот и мерам регулирования рыболовства на предстоящий год. Все сформированные предложения выносятся на рассмотрение Консультативного совета по вопросам регулирования рыболовства, в который входят представители ассоциаций рыбаков, рыбопромысловых компаний, профсоюзов, Саамского парламента Норвегии, региональных органов власти, экологических организаций и других заинтересованных сторон. Последним звеном регулятивной цепи выступает

Таблица 2. Структура экспорта водных биоресурсов Норвегии, 2019 г.

Подотрасль	Объем (доля) экспорта в стоимостном выражении		Объем (доля) экспорта в натуральном выражении		Стоимость тонны экспортной рыбопродукции, тыс. норв. крон
	млрд норв. крон	%	млн т	%	
Рыболовство	30.8	28.7	1.5	55.6	20.5
Аквакультура	76.5	71.3	1.2	44.4	63.8
Итого	107.3	100	2.7	100	39.7

Составлено автором по: [10].

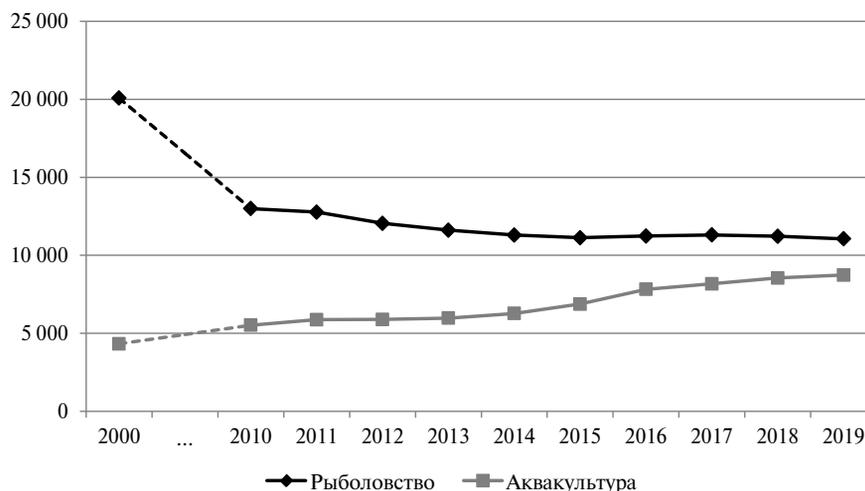

Рис. 1. Занятость на предприятиях рыбопромышленного комплекса Норвегии, человек

Составлено автором по: [9, 12].

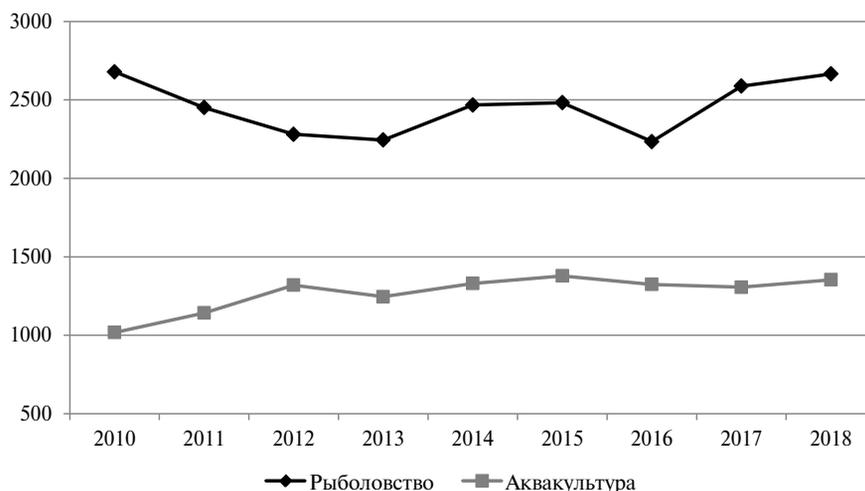

Рис. 2. Объемы производства рыбопромышленного комплекса Норвегии в натуральном выражении, тыс. т

Составлено автором по: [9, 12].

Министерство торговли, промышленности и рыболовства, которое, обобщив все полученные данные, окончательно распределяет квоты между компаниями, а также устанавливает меры регулирования рыболовства на предстоящий год [14].

Продуманная система управления рыболовством позволила Норвегии добиться устойчивого использования ВБР. Средний уровень их добычи с 2010 по 2019 г. находился на уровне 2.46 млн т/год (рис. 2), при этом стоимость одной условной тонны выловленных ВБР возросла в 1.7 раза (с 4.98 тыс. до 8.54 тыс. норв. крон). Роста объемов вылова в обозримом будущем не предвидится, поскольку пока Норвегия не планирует осуществлять рыболовство за пределами морских районов, находящихся под ее юрисдикцией. Рациональное использование

имеющихся биоресурсов – основной приоритет морской политики Норвегии [15].

Коммерческим рыболовством в Норвегии могут заниматься лишь суда, включенные в государственный реестр. В последние десятилетия промышленная мощность зарегистрированных судов стала значительно превышать потенциал морских экосистем, ввиду чего правительство ввело дополнительные меры регулирования рыболовства – выдачу ежегодных разрешений для прибрежного флота и лицензий для более крупных судов. В 2019 г. в реестр было включено 5980 судов (в 2010 г. – 6310), большая часть из которых (3255 судов) зарегистрирована в арктических провинциях королевства (Финнмарк, Тромс и Нордланд). При этом разрешения на рыболовство получили 1989 судов,

а лицензии – 264 судна. Тем самым около 62% рыбопромысловых судов, основную часть которых составляют малотоннажные суда длиной менее 10 м, остались не у дел. Ко всему прочему, средний возраст промыслового флота Норвегии составляет 27.6 года, около 55% судов (3275 единиц) были построены еще до 1989 г. [16].

Для решения проблемы правительство Норвегии запустило программу реструктуризации и модернизации промыслового флота, направленную на исключение неактивных рыболовных судов из реестра (через взимание ежегодной платы за регистрацию) и вывод из эксплуатации малых судов, не отвечающих современным требованиям безопасности мореплавания и стандартам производства рыбопродукции. Новым приоритетом судостроения стало проектирование высокотехнологичных судов открытого моря (длиной более 28 м), позволяющих обеспечить глубокую переработку сырья.

В среднем при обработке рыбных уловов объемы остаточного сырья (отходы) составляют около 26% их первичной массы (около 640 тыс. т ежегодно). Как правило, большая их часть попросту сбрасывается за борт. Новые же суда, оснащенные гидролизными установками, смогут производить из рыбных отходов востребованную на рынке продукцию – рыбий жир, муку, концентраты и пр. Конечная цель Норвегии – обеспечить максимальное использование каждого килограмма добытых биоресурсов с целью повышения экономических показателей отрасли в условиях отсутствия возможности увеличить объемы вылова [17]. Однако преобразование рыболовной отрасли будет иметь и негативный эффект – в первую очередь сокращение числа рабочих мест. С 2000 г. их количество сократилось практически вдвое (с 20075 до 11 055), и в будущем эта тенденция сохранится (рис. 1).

РЫБНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В РАЙОНЕ ШПИЦБЕРГЕНА

Рыболовство было и остается сферой острой международной конкуренции за право доступа к водным биоресурсам. История изобилует примерами межгосударственных конфликтов: “тресковые войны” 1952, 1958 и 1972–1976 гг. между Исландией и Великобританией; “лососевая война” 1980–1999 гг. между США и Канадой; “палтусовая война” 1994–1995 гг. между Евросоюзом и Канадой и др. [18].

В условиях неравномерного распределения и ограниченности запасов ВБР в водах Мирового океана такие конфликты представляются вполне закономерными. В их основе лежит стремление стран обеспечить себе наибольшую прибыль от рыболовства – добычу максимального объема ВБР с минимальными издержками. В краткосрочном плане это

“игра с нулевой суммой”: чем больше ВБР добудет одна из сторон, тем меньше их достанется другой. Однако в долгосрочной перспективе такой подход неминуемо приводит к всеобщему проигрышу ввиду истощения промысловых запасов ВБР и невозможности их дальнейшего вылова кем-либо. Сотрудничество, то есть достижение компромиссов, направленных на обеспечение устойчивого использования водных биоресурсов, было и остается единственным способом разрешения таких конфликтов.

Время классических “рыбных войн” осталось позади. Во-первых, с принятием в 1982 г. Конвенции ООН по морскому праву (КМП-82) окончательно определены суверенные права и юрисдикция прибрежных государств в сфере разведки, разработки, сохранения и управления живыми ресурсами в морских пространствах, прилегающих к их побережью. Во-вторых, добыча ключевых для мировой рыбной промышленности видов ВБР регулируется международными соглашениями, многие из которых стали результатом разрешения конфликтных ситуаций прошлого. В этом плане Норвегия не стала исключением. В настоящее время в сфере рыболовства у страны есть соглашения с РФ, ЕС, Данией (Гренландией и Фарерскими островами), Исландией и Великобританией [14].

Демаркация границ морских пространств Королевства в соответствии с КМП-82 была завершена в 2010 г. с подписанием договора о разграничении морских пространств с Россией [19]. Документ значительно усилил позиции норвежской рыбной промышленности, поскольку страна, во-первых, получила под свою юрисдикцию богатый биоресурсами морской район (около 80 тыс. кв. км) в западной части Баренцева моря, и, во-вторых, существенно укрепила свои позиции в споре о статусе морских пространств вокруг архипелага Шпицберген [20].

Сегодня шпицбергенский вопрос остается основным источником напряженности в отношениях Королевства с его соседями. Правовой статус архипелага определен Договором о Шпицбергене 1920 г. (Парижский договор) [21], в соответствии с которым Норвегия получила практически полный суверенитет над архипелагом. При этом государства – участники договора наделялись равными (с Норвегией) правами на ведение любой хозяйственной деятельности в “местностях” Шпицбергена и в их “территориальных водах”, включая право на рыболовство. За Норвегией оставлено право на принятие недискриминационных мер, направленных на сохранение и восстановление флоры и фауны в “местностях и их территориальных водах”.

Однако спор о пространственных пределах действия Парижского договора не урегулирован до сих пор. Позиция Осло сводится к тому, что его действие распространяется исключительно на вну-

тренние воды и территориальное море, прилегающее к сухопутной территории островов архипелага. Следовательно, согласно КМП-82, Норвегия обладает суверенными правами и юрисдикцией в рыбоохранной зоне и на континентальном шельфе вокруг Шпицбергена (см. подробнее [22]).

Несмотря на несогласие других государств – участников Парижского договора, де-факто уже на протяжении нескольких десятилетий Норвегия в полном объеме осуществляет установленную в одностороннем порядке юрисдикцию в морских пространствах Шпицбергена. В водах архипелага постоянно несут службу корабли береговой охраны Королевства, которые с завидной частотой и скрупулезностью инспектируют иностранные рыбопромысловые суда (российские, исландские, стран Евросоюза). Таким проверкам подвергаются практически все, причем большинство проверяется 2–3 раза за время промысловой деятельности. В случае выявления малейших нарушений правил рыболовства, установленных Норвегией, суда, как правило, задерживаются и доставляются в норвежские порты, где их капитанов и судовладельцев ждет долгий судебный процесс в рамках норвежского законодательства [20]. В то же время норвежские суда реже подвергаются проверкам и не задерживаются береговой охраной даже в случае допущения серьезных нарушений правил рыболовства [23].

В целом практика задержания иностранных рыболовных судов норвежскими властями фактически приводит к взиманию с них опосредованного штрафа, поскольку их судовладельцы несут большие финансовые потери, связанные со снятием судов с промысла и длительным простоем в период судебного разбирательства. Даже если капитан судна будет признан невиновным, судовладелец в любом случае понесет убытки, поскольку механизма их компенсации попросту не существует. Дополнительные издержки при добыче ВБР ведут к удорожанию конечной продукции и снижению ее конкурентоспособности на мировом рынке, что, безусловно, на руку норвежским производителям морепродуктов. Таким образом, в сфере рыболовства в морских пространствах Шпицбергена Норвегия целенаправленно создает условия, благоприятствующие деятельности только собственных судов.

ПЕРСПЕКТИВЫ АКВАКУЛЬТУРЫ

Как и в случае с рыболовством, главные правительственные органы в сфере регулирования рыболовства в Норвегии – это Министерство торговли, промышленности и рыболовства и Директорат рыболовства. Важнейший рычаг регулирования аквакультуры – ограничение доступа к водоемам, пригодным для искусственного разведения гидробионтов. Никто не вправе заниматься рыболовством

без регистрации в реестре аквакультуры и лицензии, выданной Директоратом рыболовства. Лицензия предоставляет право на разведение определенных видов биоресурсов в ограниченных географических зонах (участках) в установленный период в пределах разрешенных объемов. Условия ее выдачи, обязанности рыбоводов, меры государственного регулирования процесса искусственного разведения водных биоресурсов определены специальным государственным актом № 79 от 17 июня 2005 г. [24].

До 2002 г. лицензии на аквакультуру выдавались пользователям бесплатно, за исключением обязательных сборов за регистрацию (12 тыс. норв. крон) и аренду водного объекта (3.5 тыс. норв. крон) [25]. Это было одной из мер государственного стимулирования становления новой отрасли в период, характеризующийся высокими рисками и серьезными издержками производства. С 2002 г. лицензии выдавались по фиксированной цене в ходе лицензионных раундов, стоимость каждой из них определялась в индивидуальном порядке. В 2018 г. правительство Норвегии апробировало смешанную систему распределения лицензий, 1/3 из которых была продана по фиксированной цене, а 2/3 – на аукционе [26].

Этот опыт оказался успешным. На первом аукционе было продано 22 лицензии на право разведения 11 879 т лосося общей стоимостью более 2.3 млрд норв. крон (261 млн долл.). Средняя стоимость одной лицензии составила около 200 млн норв. крон, а самой дорогой – более 466 млн норв. крон [27]. По оценкам, аукционная система увеличила выручку правительства от продажи лицензий как минимум на 600 млн норв. крон. Около 80% средств, вырученных от продажи лицензий, направляется в муниципалитеты, в которых будет осуществляться деятельность предприятий аквакультуры [2].

Сегодня рыболовство – это одна из наиболее динамично развивающихся отраслей экономики Норвегии. По состоянию на 2019 г. для нее выделено 1290 морских участков и 215 участков на побережье, 438 компаниям выдано 2295 лицензий на право разведения гидробионтов, 80% из которых предоставлено бесплатно, 17% – с использованием системы фиксированных цен, а 3% – на аукционах. Текущая рыночная стоимость лицензионной мощности отрасли составляет около 200 млрд норв. крон [12, 26]. С 2008 по 2018 г. основные показатели рыболовства Норвегии отражали стабильный рост: уровень производительности предприятий вырос в 1.6 раза (с 846.2 тыс. до 1 353.2 тыс. т) (см. рис. 2); общая стоимость выпускаемой продукции – в 3.9 раза (с 17.4 млрд до 67.9 млрд норв. крон) (рис. 3); стоимость одной условной тонны морепродуктов – в 2.4 раза (с 20.6 тыс. до 50.1 тыс. норв. крон); количество рабочих мест – в 1.8 раза (с 4 777 до 8 548 человек) (см. рис. 1) [12].

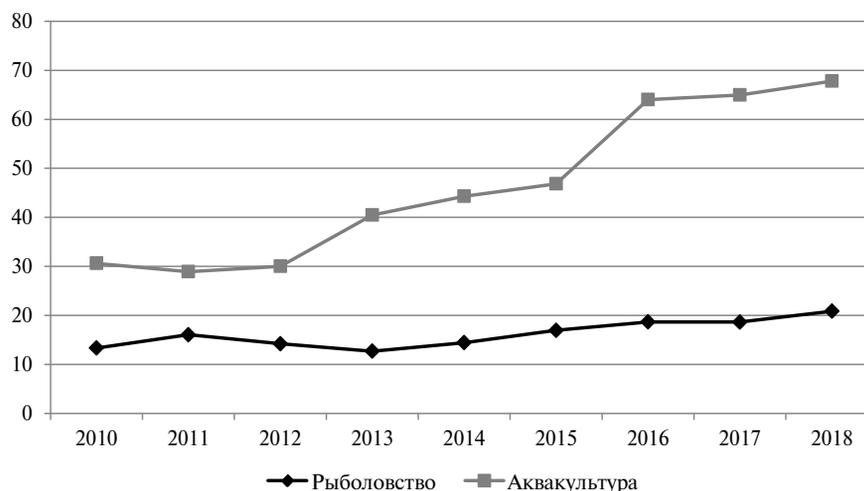

Рис. 3. Динамика стоимостного объема продукции рыбопромышленного комплекса Норвегии, млрд норв. крон

Составлено по: [9, 12].

Вместе с тем рыбоводческая отрасль находится под прессом постоянного давления со стороны “зеленых”, указывающих на ее негативное воздействие на экологию. К основным угрозам, исходящим от деятельности предприятий аквакультуры, относятся: органическое загрязнение (повышение уровня содержания органики в воде, образование донных отложений), химическое загрязнение (использование медикаментов, кормовых красителей и пр.), генетическое загрязнение (ухудшение генетического разнообразия популяций диких лососей после скрещивания с искусственно выращенными особями), паразиты (лососевая вошь) и инфекционные заболевания [28].

В 2017 г., реагируя на критику экологов, правительство представило новую систему регулирования объемов производства отрасли, основанную на проведении ежегодного анализа предельно допустимой нагрузки на экосистемы в каждом из 13 производственных районов страны. В 2018 г. на ее основе были распределены лицензии на право разведения 24 тыс. т гидробионтов [2]. Однако и эта система также подверглась критике со стороны “зеленых”, поскольку в ней учитывается лишь один параметр — наличие паразитов, и, следовательно, она не может дать полного представления об экологической обстановке [29].

При применении традиционной технологии садковой аквакультуры экологические проблемы становятся основным фактором, сдерживающим рост объемов производства отрасли в среднесрочной перспективе. В целях снижения нагрузки на прибрежные экосистемы в стране начат поиск новых технологических решений.

В феврале 2016 г. правительство выдало компании *SalMar Ocean* лицензию на строительство пер-

вой в мире офшорной рыбофермы *Ocean Farm 1*, сконструированной по аналогии с нефтегазовыми морскими погружными платформами [17]. Ее проектированием занималась норвежская компания *Global Maritime*, а строительством — китайская судостроительная компания *China Shipbuilding Industry Corporation* (г. Циндао). Общая стоимость проекта — около 72 млн евро. Производительность *Ocean Farm 1* составит 1–1,5 млн особей (6–8 тыс. т) за производственный цикл (14 месяцев), а ее мореходность — до 11 м [30].

В 2017 г. платформа была доставлена к месту постоянного базирования (морской район Фрохавет), где в нее выпустили первую партию молоди семги (около 1 млн особей) [31]. Опыт первого и предварительные результаты второго производственных циклов *Ocean Farm 1* подтвердил высокий потенциал развития океанической аквакультуры — хороший объем и качество продукции при сниженных производственных потерях (смертность из-за нехватки кислорода, заражений инфекциями и паразитами, а также побегов) и сохранении ее средней себестоимости [31, 32].

Успех эксперимента предопределил новый вектор развития всей отрасли. Сегодня сразу несколько норвежских компаний инициировали проекты в сфере океанического рыбоводства. В 2018 г. компания *Nordlaks* подписала контракт с китайской судостроительной компанией *CIMC Raffles* (г. Яньтай) на строительство первой из двух ферм катамаранного типа проекта *Havfarm*. Он оценивается в 60 млн евро и реализуется при финансовой поддержке *Innovation Norway*². В 2019 г. *Nordlaks* получила лицензии на

² Государственный инструмент стимулирования внедрения инновационных технологий в норвежскую экономику (аналог Банка развития), находящийся в ведении Министерства торговли, промышленности и рыболовства Норвегии.

производство 6240 т семги [2]. Производительность *Havfarm* составит около 2 млн особей (10 тыс. т) за производственный цикл, а ее мореходность — до 10 м. В 2020 г. головной объект *Havfarm 1* был передан заказчику [33].

Компания *MariCulture* занимается разработкой новой фермы платформенного типа *Smart Fishfarm* стоимостью 154 млн евро. Эта платформа более чем вдвое превзойдет предшественниц по производительности, которая составит 3–4 млн особей (17–20 тыс. т) за производственный цикл, а ее мореходность возрастет до 31 м [34]. Внушительные габариты позволят вывести ее далеко в открытое море (20–30 миль от берега), что, по замыслу проектировщиков, практически полностью решит проблему заражения семги морскими вшами. В феврале 2019 г. под проект выделено восемь лицензий на разведение 6240 т биомассы [35]. Начало строительства *Smart Fishfarm* было намечено на вторую половину 2020 г. [34], и опять, вероятно всего, им займутся китайские судоверфи.

Примечательно, что новый виток развития рыбодоводства в Норвегии совпал с нормализацией двусторонних отношений с КНР, которые ухудшились в 2010 г. после дипломатического скандала из-за присуждения в Осло Нобелевской премии осужденному на родине китайскому диссиденту Лю Сяобо. Пекин запретил импортировать норвежскую рыбу, к 2015 г. почти полностью заместив ее чилийской. В 2016 г. Норвегия экспортировала в Китай лишь 598 т семги (в 2010 — 12434 т) [36]. В результате запрета Норвегия потеряла от 780 млн до 1.3 млрд долл. [37].

В 2016 г. стороны сумели договориться о возобновлении отношений, а немногим ранее заключили контракт на строительство *Ocean Farm 1*. По данным китайских СМИ, общая сумма контракта превысит 300 млн долл., причем предусмотрено строительство еще пяти подобных платформ [37]. В 2017 г. Осло и Пекин подписали соглашение о наращивании поставок норвежского лосося в Китай до 156 тыс. т к 2025 г. (на сумму около 1.45 млрд долл.) [38]. В 2018 г. был подписан договор на строительство двух норвежских ферм катамаранного типа *Havfarm* [39]. В 2019 г. состоялось подписание нового торгового соглашения, предусматривающего увеличение объемов поставок и расширение ассортимента норвежской рыбопродукции на китайском рынке.

Сегодня Китай остается крупнейшим мировым потребителем водных биоресурсов (более 68 млн т), причем с ростом на 2–3% ежегодно, а Норвегия стремится увеличить объемы производства и продаж морепродуктов. Совпадение интересов двух стран открывает новые возможности для развития взаимовыгодного сотрудничества в сфере рыбодоводства. Развитие океанической аква-

культуры позволит Норвегии наращивать объемы производства морепродуктов, темпы роста которого замедлились с 2012 г. (рис. 2), пропорционально росту спроса на них в Поднебесной. Это потребует значительных инвестиций для строительства офшорных ферм. В 2019 г. правительство Королевства объявило о намерении продать часть своих нефтегазовых активов на сумму свыше 13 млрд долл. и инвестировать около 20 млрд долл. в активы более экологичных компаний [3]. В условиях пересмотра системы инвестирования государственных средств рыбная промышленность Норвегии сможет получить необходимые финансовые ресурсы для развития нового направления рыбодоводства, которое, ко всему прочему, обеспечит новые рабочие места и позволит задействовать избыточные мощности рыбопромыслового флота.

* * *

Рыбная промышленность Норвегии развивается стремительными темпами, что обусловлено целенаправленной политикой по расширению международного сотрудничества и поиску новых рынков сбыта. Согласно планам Осло, к 2050 г. доходы от экспорта рыбной продукции должны увеличиться в шесть раз, что позволит Норвегии не просто сохранить лидирующие позиции на мировом рынке водных биоресурсов, но и значительно улучшить их [17]. Постепенный рост доходности рыбопромышленного комплекса должен позволить компенсировать выпадающие доходы Королевства от нефтегазовой промышленности, переживающей сегодня не самые лучшие времена.

Декларируя экосистемный подход, Норвегия стремится обеспечить развитие своего рыбопромышленного комплекса, не допуская роста негативного воздействия на окружающую среду. Выполнение этой задачи достигается посредством создания жесткой системы государственного регулирования, а также поиска и внедрения в процесс производства новых технологических решений. Перспективными направлениями развития отрасли становятся: в рыболовстве — строительство высокотехнологичных судов открытого моря, обеспечивающих безотходную переработку добываемого сырья; в рыбодоводстве — сооружение офшорных ферм, позволяющих увеличить объемы производства в условиях снижения экологических рисков, характерных для традиционной садковой аквакультуры. План модернизации производственных мощностей рыбопромышленного комплекса Норвегии довольно амбициозен, однако его реализуемость не вызывает сомнений, поскольку страна обладает необходимыми для этого организационными, научно-техническими и финансовыми ресурсами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Norway's Arctic Strategy – between Geopolitics and Social Development*. Available at: <https://www.regjeringen.no/contentassets/fad46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf> (accessed 05.05.2020).
2. *Blue Opportunities – The Norwegian Government's Updated Ocean Strategy*. Available at: https://www.regjeringen.no/globalassets/departementene/nfd/dokumenter/strategier/w-0026-e-blue-opportunities_uu.pdf (accessed 05.05.2020).
3. *Норвежский фонд продаст активы нефтегазовых компаний на \$6 млрд*. [Norwegian fund will sell assets of oil and gas companies for \$6 billion (In Russ.)] Available at: <https://oilcapital.ru/news/markets/03-10-2019/norvezhskiy-fond-prodast-aktivy-neftegazovyh-kompaniy-na-6-mlrd> (accessed 05.05.2020).
4. *Leading Exporting Countries of Fish and Fishery Products Worldwide in 2018*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/268269/top-10-exporting-countries-of-fish-and-fishery-products/> (accessed 05.05.2020).
5. *Statistics Norway*. Available at: <https://www.ssb.no/en/utenriksokonomi/statistikker/muh/aar> (accessed 05.05.2020).
6. *Norwegian Seafood Exports 2018*. Available at: <https://en.seafood.no/news-and-media/news-archive/norwegian-seafood-exports-total-nok-99-billion-in-2018/> (accessed 05.05.2020).
7. *Рыбоводство и рыболовство. Аналитическая справка 2019*. [Aquaculture and Fishing. Analytical Information 2019 (In Russ.)]. Available at: http://spravochnik.rosmintrud.ru/storage/app/media/Pebolovctvo_2019.pdf (accessed 05.05.2020).
8. *The State of World Fisheries and Aquaculture 2018 – Meeting the Sustainable Development Goals*. Available at: <http://www.fao.org/3/i9540en/i9540en.pdf> (accessed 05.05.2020).
9. *Economic and Biological Figures from Norwegian Fisheries 2019*. Available at: <https://www.fiskeridir.no/English/Fisheries/Statistics/Economic-and-biological-key-figures> (accessed 05.05.2020).
10. *Norwegian Seafood Exports Top NOK 107 Billion in 2019*. Available at: <https://en.seafood.no/news-and-media/news-archive/norwegian-seafood-exports-top-nok-107-billion-in-2019/> (accessed 05.05.2020).
11. Johansen U., Bull-Berg H., Vik L.H., Stokka A.M., Richardsen R., Winther U. The Norwegian Seafood Industry – Importance for the National Economy. *Marine Policy*, vol. 110, December 2019, Art. 103561.
12. *Key Figures from the Norwegian Aquaculture Industry 2018*. Available at: <https://www.fiskeridir.no/English/Aquaculture/Statistics/Booklets> (accessed 05.05.2020).
13. Gullestad P., Abotnes A.M., Bakke G., Skern-Mauritzen M., Nedreaas K., Søvikb G. Towards Ecosystem-Based Fisheries Management in Norway – Practical Tools for Keeping Track of Relevant Issues and Prioritising Management Efforts. *Marine Policy*, vol. 77, March 2017, pp. 104-110.
14. *Norwegian Fisheries Management*. Available at: <https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/fkd/brosjyrer-og-veiledninger/folder.pdf> (accessed 05.05.2020).
15. Зиланов В.К., Борисов В.М., Лука Г.И. *Рыбное хозяйство Норвегии*. Москва, Издательство ВНИРО, 2017. 296 с. [Zilanov V.K., Borisov V.M., Luka G.I. *Рыбное хозяйство Норвегии* [Norway Fisheries]. Moscow, VNIRO Publishing, 2017. 296 p.]
16. *Norwegian Fishing Vessels, Fishermen and Licenses 2019*. Available at: <https://www.fiskeridir.no/English/Fisheries/Statistics/Fishermen-fishing-vessels-and-licenses> (accessed 05.05.2020).
17. *The Norwegian Government's Ocean Strategy – New Growth, Proud History*. Available at: <https://www.regjeringen.no/contentassets/00f5d674cb684873844bf3c0b19e0511/the-norwegian-governments-ocean-strategy---new-growth-proud-history.pdf> (accessed 05.05.2020).
18. *Битва при налмусе*. [Battle of halibut (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/622332> (accessed 05.05.2020).
19. *Treaty between the Kingdom of Norway and the Russian Federation concerning Maritime Delimitation and Cooperation in the Barents Sea and the Arctic Ocean of 15.09.2010*. Available at: <https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/NOR-RUS2010.PDF> (accessed 05.05.2020).
20. Zilanov V. Delimitation between Russia and Norway in the Arctic: New Challenges and Cooperation. *Arctic and North*, 2017, no. 29, pp. 28-56.
21. *Договор о Шпицбергене от 09.02.1920 г.* [The Svalbard Treaty of 09.02.1920 (In Russ.)]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/902038168> (accessed 05.05.2020).
22. Кравчук А. Экономическая политика Норвегии в Арктике. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 5, сс. 101-108. [Kravchuk A. Ekonomicheskaya politika Norveгии v Arktike [Norway's Economic Policy in the Arctic]. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, vol. 64, no 5, pp. 101-108.] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-101-108>
23. *Российские рыбаки сталкиваются с дискриминацией?* [Do Russian fishermen face discrimination? (In Russ.)] Available at: <https://fishnews.ru/news/20541> (accessed 05.05.2020).
24. *Act of 17.06.2005 no. 79 relating to Aquaculture*. Available at: <https://www.fiskeridir.no/English/Aquaculture/Aquaculture-Act> (accessed 05.05.2020).
25. *Norway National Aquaculture Legislation Overview*. Available at: http://www.fao.org/fishery/legalframework/nalo_norway/en (accessed 05.05.2020).

26. *Norway Aquaculture Introduction and Summary*. Available at: <https://www.regjeringen.no/contentassets/207ae51e0f6a44b6b65a2cec192105ed/en-gb/pdfs/nou201920190018000engpdfs.pdf> (accessed 05.05.2020).
27. *Norwegian Salmon License Auctions Raise NOK 2.9bn*. Available at: <https://www.fishfarmingexpert.com/article/norwegian-salmon-licence-auctions-raise-nok29bn/> (accessed 05.05.2020).
28. *Позиция WWF России по вопросу садковой аквакультуры*. [Position of Russia's WWF on net pens aquaculture (In Russ.)] Available at: <https://wwf.ru/about/positions/sadkovaya-akvakultura-ryborazvedenie/> (accessed 05.05.2020).
29. *Expanding Aquaculture at the Expense of Wild Salmon?* Available at: <https://www.fni.no/news/expanding-aquaculture-at-the-expense-of-wild-salmon-article1616-330.html> (accessed 05.05.2020).
30. *На воду спустили платформу Ocean Farm 1*. [Ocean Farm 1 platform launched (In Russ.)] Available at: <http://aquavitro.org/2017/11/01/na-vodu-sputili-platformu-ocean-farm-1/> (accessed 05.05.2020).
31. *SalMar's Gigantic Ocean Farm Gears up for Harvest*. Available at: <https://Salmonbusiness.Com/Salmar-Gigantic-Ocean-Farm-Gears-Up-For-Harvest/> (accessed 05.05.2020).
32. *Offshore Salmon Farming "the Right Direction" for SalMar*. Available at: <https://www.seafoodsource.com/news/aquaculture/offshore-salmon-farming-the-right-direction-for-salmar> (accessed 05.05.2020).
33. *Boka Vanguard Is Shipping a Massive Fish Farm to Norway*. Available at: <https://www.projectcargojournal.com/shipping/2020/05/11/boka-vanguard-is-shipping-a-massive-fish-farm-to-norway/?gclid=accept> (accessed 05.05.2020).
34. *SalMar Hopes to Begin Construction of 'Ultimate Offshore Farm' this Summer*. Available at: <https://www.undercurrentnews.com/2020/03/04/salmar-hopes-to-begin-construction-of-ultimate-offshore-farm-this-summer/> (accessed 05.05.2020).
35. *Ocean Farm's Big Brother Will Go ahead Says SalMar*. Available at: <https://www.fishfarmingexpert.com/article/ocean-farms-big-brother-to-go-ahead-says-salmar/> (accessed 05.05.2020).
36. *Norway Targets \$1.5 bn Seafood Exports to China by 2025*. Available at: <https://www.undercurrentnews.com/2017/05/25/norway-targets-1-5bn-seafood-exports-to-china-by-2025/> (accessed 05.05.2020).
37. *Norway's Fish Industry Gets Chinese Boost*. Available at: http://www.chinadaily.com.cn/world/cn_eu/2017-06/05/content_29611484.htm (accessed 05.05.2020).
38. *Norway Wants China to Forget about the Human Rights Thing and Eat Salmon Instead*. Available at: <https://qz.com/1000541/norway-wants-china-to-forget-about-the-human-rights-thing-and-eat-salmon-instead/> (accessed 05.05.2020).
39. *Havfarm: a New Salmon Fishing Revolution in Norway*. Available at: <https://www.ship-technology.com/features/havfarm-fish-farm-vessel/> (accessed 05.05.2020).

SEAFOOD INDUSTRY IN NORWAY'S ECONOMIC SYSTEM

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 5, pp. 78-86)

Received 24.07.2020.

Aleksey A. KRAVCHUK (zkv3krava@mail.ru),

Far Eastern Federal University (FEFU), 8, Sukhanova Str., Vladivostok, 690091, Russian Federation; Asia Pacific International Institutions & Multilateral Cooperation Studies Center of Oriental Institute – School of Regional and International Studies of FEFU.

Over the half of a century, the oil and gas industry remained a key sector of Norway's economy, which had been receiving the highest governmental support. However, the situation has changed dramatically, since Oslo decided to reduce the volume of government investments in the petroleum industry, redirecting them to the assets of "green" companies. That decision initiated modernization of Norway's seafood industry, which starts occupying a more prominent place in the country's economy. In this paper, the author intends to study the current state of the Norwegian seafood industry and prospects for its development. Seafood makes up the country's third export commodity by the value, sales volume of which increases annually. The government seeks to ensure further development of the industry avoiding the growth of negative environmental impacts. In order to achieve this goal Norway established a rigid system of state regulation, in both fishing and aquaculture, which bases on the principles of the ecosystem approach. Moreover, Oslo initiated several programs to find new technological solutions for seafood production. In fishing sector, it was decided to replace the old coastal vessels with high-tech ocean-going ones that ensure residue-free processing of extracted biological resources. Norway also started a new technological trend in the world aquaculture – construction of offshore fish farms – that will increase production volumes while reducing environmental risks related to the traditional net-pen aquaculture. The overall purpose of the Norwegian government is to increase profitability of its seafood industry, so in the future it could compensate for the shortfall in income of its oil and gas industry. Apart from that, particular attention in this paper paid to considering the Norwegian approach to fisheries regulation in maritime areas around Svalbard, where national interests of the parties to the Treaty of Paris collide. The author also analyses the role of a competition and cooperation in further development of Norway's seafood industry.

Keywords: Arctic, Norway, fishing, aquaculture, Svalbard, economy.

About author:

Aleksey A. KRAVCHUK, Cand. Sci. (Political Science), Freelance Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-78-86

ШЕРИНГОВАЯ ЭКОНОМИКА: БИЗНЕС-МОДЕЛЬ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В ПЕРИОД COVID-19

© 2021 г. Л. Белова

БЕЛОВА Людмила Георгиевна, доктор экономических наук, доцент,
МГУ им. М.В. Ломоносова, РФ, 119991 Москва, Ленинские горы, 1, стр. 46 (lgbelova@bk.ru).

Статья поступила в редакцию 17.09.2020.

В статье предпринята попытка осмысления воздействия пандемии COVID-19 на шеринговую экономику – бизнес-модель цифровой экономики, рожденную четвертой промышленной революцией в разгар мирового финансового кризиса 2008 г. и развивающуюся в условиях беспрецедентного экономического кризиса 2020 г. Дается прогностический конструкт: шеринговая экономика – это новая парадигма производства и потребления, которая ведет к циркулярной экономике и системным изменениям, формирующим качественно новые принципы функционирования бизнеса, экономики и общества в целом.

Ключевые слова: цифровая экономика, шеринговая экономика, совместное потребление, технологические вызовы.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-87-94

Мировой кризис 2008–2009 гг. выдвинул перед мировой экономикой новые вызовы, прежде всего сокращение расхода ресурсов. Тогда родилась специфическая модель товарно-денежных отношений, до сих пор не получившая в зарубежной и отечественной экономической мысли однозначного и общепринятого определения. Наибольшее распространение получил термин “совместное потребление” (*collaborative consumption*), в котором акцент делается на коллективности использования товаров и услуг за счет широкого распространения бартера и аренды вместо владения [1]. Он появился в научном обороте еще в 1978 г. Однако по-настоящему совместное потребление как бизнес-модель эпохи цифровой экономики стало развиваться во втором десятилетии XXI в. благодаря массовому распространению смартфонов и мобильных приложений, без которых функционирование соответствующих сервисов было бы невозможным.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Среди множества определений новой бизнес-модели наиболее предпочтительным представляется термин “шеринговая экономика” (*sharing economy*, ШЭ) как в наибольшей степени отражающий суть феномена. Его автором считается Л. Лесиг. Анализируя различия между коммерческой и шеринговой экономикой, он указывал, что, как и любая экономика, ШЭ построена на обмене, но обмен в ее рамках не может быть всецело определен в терминах денег. В отличие от коммерческих

экономик, в которых основным источником информации о распределении ресурсов являются цены, в шеринговых экономиках эту роль играют неценовые факторы (социальные отношения) [2].

“Монетизированная” концепция совместного потребления, в которой признается обязательной денежная оплата шеринговых услуг, была сформулирована лишь в 2010 г. Описывая новую социально-экономическую модель, Р. Ботсман и Р. Роджерс подчеркивали: главная идея заключается в том, что потребителю часто выгоднее и удобнее платить за временный доступ к продукту, чем владеть им, и что такая модель должна революционизировать потребление товаров и услуг [3].

Мы придерживаемся “монетизированной” точки зрения и считаем принципиально важным подчеркнуть обязательность денежной оплаты шеринговых услуг. Как представляется, шеринговая экономика – это модель товарно-денежных отношений, в основе которых лежит взаимовыгодное использование наличных ресурсов. Она обеспечивает одним интернет-пользователям доступ к временно свободным ресурсам других интернет-пользователей, что позволяет максимально эффективно использовать временно свободные ресурсы путем возмездного обмена (товарами, навыками, услугами, другими ресурсами) в рамках цифровых платформ.

Концепция и практика ШЭ имеет своих противников и приверженцев. Первые подчеркивают ее многочисленные недостатки и риски, вторые выделяют плюсы и конкурентные преимущества.

Основными негативными чертами этой модели являются, на наш взгляд, кризис доверия, бегство от налогов и социальная незащищенность участвующих в ней акторов. Главным достоинством ШЭ следует считать возможность решения таких острых социальных проблем, как вытеснение живого труда и так называемый эйджизм (дискриминация человека по возрасту). Существующие в мировой экономической литературе публикации свидетельствуют о растущей занятости в ШЭ людей в возрасте 55–64 лет, которые составляют более четверти инициаторов соответствующих стартапов [4, p. 14].

ГЛАВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Отличительные особенности ШЭ, в том числе по сравнению с давно известной идеей проката:

1) обмен товарами происходит в массовом, даже в глобальном масштабе на специально созданных сайтах, агрегирующих данные со всех уголков света. Торговую площадку как основу для обменов образуют цифровые онлайн-платформы;

2) Интернет создает мощную мотивацию для бизнеса: сокращение транзакционных издержек (вследствие уменьшения расходов на переговоры, затрат на маркетинг активов, стоимости контрактов для каждой транзакции) и централизованный, легко доступный онлайн-рынок обуславливают экономический эффект масштаба и преимуществ координации;

3) ШЭ способствует сохранению биосферы от истощения и загрязнения, что формирует стратегическую нишу в области устойчивых инноваций¹;

4) в рамках ШЭ создаются компании, объединяющие сети поставщиков и клиентов, — многосторонние платформы (*multisided platforms, MSP*), обслуживающие двусторонние рынки (*two-sided markets*)² и выполняющие мобильные услуги по требованию (*on-demand mobile services, ODMS*). *ODMS* образуют “замкнутый цикл” (*closed loop*) цепочки добавленной стоимости (включая обнаружение, порядок, платеж, выполнение и подтверждение), что привносит элемент устойчивости, создает экосистему цифровой экономики и позволяет повышать ежегодный доход государств, решать проблему безработицы, одновременно защищая биосферу от истощения и загрязнения;

¹ Например, согласно одному из международных исследований, каршеринг (*car sharing*) обеспечивает сокращение выбросов в атмосферу CO_2 на 27% [5].

² Двусторонние рынки — сетевые рынки с двумя группами взаимозависимых пользователей с различными функциями и возникновением сетевых эффектов между ними. Их участники являются одновременно и продавцами, и покупателями, их взаимодействие обеспечивается через цифровую платформу.

5) благодаря *ODMS* ШЭ — значительный шаг к циркулярной экономике, предполагающей удлинение жизненного цикла товаров и требующей гораздо меньше первичных ресурсов. При этом максимальная прибыль создается на внутренних петлях цикла (то есть на этапах переработки, обновления, ремонта, поддержания качества товара/услуги). Поэтому становится выгоднее продлевать жизненный цикл товара, а не выбрасывать его и производить новый. Тем самым сохраняются уже затраченные ресурсы и добавленная стоимость, созданная во время производства товара.

ШЭ приходит на смену перепроизводству и сверхпотреблению XX в., ломая традиционную индустриальную парадигму товарно-денежных отношений. Отсутствие накладных расходов и товарных запасов повышает эффективность деятельности шеринговых компаний, а это позволяет им передавать ценность своим клиентам и партнерам по цепочке поставок [6]. ШЭ — это не только деньги, вносимые авансом, но и технологические прорывы завтрашнего дня, которые обеспечиваются задействованными в ней компаниями [7].

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Мощный толчок развитию ШЭ дали блокчейн-технологии и социальные сети. Они сыграли решающую роль в переходе предприятий на децентрализованные модели бизнеса на базе широкомасштабных публичных платформ. Это обеспечило дальнейшую интеграцию цепочки создания стоимости, размывание граней между отраслями промышленности, замену бизнес-вертикалей горизонтальными межотраслевыми экосистемами.

Первоначальную модель, именованную “шеринговая экономика 1.0” (*Sharing Economy 1.0*), в которой платформы присваивали самый большой “кусочек пирога”, сменила “шеринговая экономика 2.0” (*Sharing Economy 2.0*). Она основана на токенах и функционирует без посредников, которые устраняются путем заключения контрактов на основе прямых отношений “один-на-один” (*one-to-one relationships*). Схема “от пользователя к пользователю” (*people-to-people, P2P*) между сторонами транзакции демократизирует доступ к активам и финансовым решениям, многие из которых ранее были доступны только самым богатым [8].

Блокчейн и другие новые технологии обусловили крупные изменения в ШЭ. В их числе:

— изменение возрастной структуры участников: “цифровые аборигены” (*digital natives*), то есть лица в возрасте 18 лет, уступили место “серебряным серферам” (*silver surfers*), или людям старше 50 лет. Именно они стали самой быстрорастущей категорией пользователей, совершающих шеринг-

говые транзакции. Платформы, привлекающие людей этой возрастной группы, получают конкурентное преимущество;

– превращение все большего числа корпораций в платформы ШЭ. Одна из причин этого – возможность задействовать новый источник талантов – онлайн-рынок (*online marketplace*) профессиональных, но независимых работников (фрилансеров). По мере развития этой тенденции бизнес получает возможность использовать более разнообразную рабочую силу и максимально гибкие режимы работы.

СЕКТОРЫ ШЭ

В современной ШЭ можно выделить пять ключевых секторов:

– пиринговое³ финансирование (*P2P finance*): совместное финансирование, пиринговое кредитование; краудлендинг (*collaborative finance, crowdfunding, peer-to-peer lending*): взаимное финансирование и кредитование через Интернет, при этом схема кредитования достаточно прозрачна и исключает большую долю кредитных рисков для инвестора [9];

– пиринговое размещение (*P2P accommodation*): услуги по краткосрочной аренде жилья. До пандемии COVID-19 этот сектор являлся крупнейшим по общей стоимости транзакций в рамках ШЭ. Первый и самый известный проект – американский *Airbnb*. В 2019 г. его рыночная стоимость оценивалась в 385 млрд долл. по сравнению с 38 млрд годом ранее; по состоянию на август 2017 г. из всех стран мира, граждане которых пользуются услугами *Airbnb*, больше всего листингов было в США – 660 тыс. [10, 11];

– пиринговый транспорт и транспортировка (*peer-to-peer transportation*): сектор ШЭ, являвшийся до пандемии крупнейшим по охвату аудитории потребителей. Он сопряжен с таким направлением эволюции экономики, как уберизация⁴, включая каршеринг (краткосрочная аренда/прокат автомобиля у профильных компаний или частных лиц), велошеринг (краткосрочная аренда велосипедов), кикшеринг (краткосрочная аренда самокатов или электросамокатов), джетшеринг (*jet sharing*, покре-

сельная аренда места в бизнес-джетах), райдшеринг (поиск попутчиков, например, через сервис *BlaBlaCar*) и тому подобные сервисы;

– пиринговое трудоустройство, онлайнное кадровое обеспечение (*online staffing*): профессиональные услуги фрилансеров “по требованию” (*on demand professional services*); доступ “по запросу” к различным навыкам людей (*access on-demand support*); краудсорсинг – онлайн-привлечение к решению проблем широкого круга лиц на специальные краудсорсинговые платформы, предполагающее денежное вознаграждение за труд; социальный рекрутинг (система использования социальных сетей для поиска сотрудников);

– пиринговые бытовые услуги “по запросу” (*on-demand household services*): разнообразные услуги от потокового воспроизведения музыки (*music streaming*) до доставки продуктов – сектор ШЭ, демонстрировавший до пандемии самый быстрый рост.

По оценкам аналитиков *PricewaterhouseCoopers*, сделанным до пандемии COVID-19, рост ШЭ только начинается. Прогнозировалось, что в Европе в ближайшие 10 лет ШЭ будет расти в среднем на 35% в год, то есть почти в 10 раз быстрее, чем экономика в целом; к 2025 г. многие области ШЭ будут конкурировать по размерам со своими аналогами, основанными на традиционных бизнес-моделях [8, p. 5, 14]. По данным *Statista*, в последние годы популярность услуг ШЭ резко возросла. Ожидается, что такая тенденция сохранится, а общая стоимость глобальной ШЭ, составлявшая в 2014 г. всего 15 млрд долл., увеличится к 2025 г. примерно до 335 млрд [12].

Внедрение ШЭ 2.0 нашло выражение, среди прочего, в формировании в рамках базовой модели многочисленных нишевых бизнесов. Их число множится по мере развития цифровой экономики и превращения в источник дохода активов, считавшихся ранее немонетизируемыми:

– пиринговое образование: стремительно расширяющаяся модель массовых открытых онлайн-курсов (*Massive Open Online Courses, MOOC, Coursera, Udacity, edX, Khan Academy*), опирающихся на традиционную образовательную схему, но переведенных на цифровые технологии;

– коворкинг (*coworking*) – онлайн-организация труда людей с разной занятостью в общем пространстве в виде коллективного офиса (*coworking space*);

– пиринговое “совместное проживание”, или коливинг (*coliving*): “жилье как сервис”, тип сообщества, предоставляющего формат совместного проживания для людей с общими жизненными устремлениями и интересами [13];

³ Пиринг (*peering*) – обмен трафиком между сетями.

⁴ Неологизм “уберизация” связан с созданным компанией *Uber* сервисом по подбору автомобиля по онлайн-запросам потребителей. Он обозначает компании, которые из поставщиков конкретных товаров превращаются в поставщиков сервисов. Как направление эволюции экономики “уберизация” выражается в замене посредников мобильными цифровыми платформами, в сокращении эксплуатационных расходов, применении цифровых технологий, компьютеризации сферы услуг, автоматизации большинства процессов.

– подписочные сервисы, предлагающие в аренду все новые предметы повседневной жизни [14];

– сектор ШЭ, построенный на обороте остатков, отходов, мусора (*wastetech*). Пока он замкнут в рамках вторичной переработки мусора, но обладает большим потенциалом. Появляется все больше проектов, предлагающих монетизировать все отходы и излишки производства; их инициаторы привлекают миллионные инвестиции и выходят на глобальный уровень;

– в XXI в. оказалось возможным монетизировать даже поход в туалет. Этим пытался заняться американский стартап *Airpnp*, строивший свой бизнес по уже апробированной и вполне успешной модели онлайн-сервиса *Airbnb* (сдача в краткосрочную аренду собственного жилья). Правда, из-за пандемических ограничений 2020 г. стартап просуществовал недолго, в настоящее время приложение *Airpnp* не представлено ни в *AppStore*, ни в *PlayMarket*. Однако можно предположить, что подобный сервис не лишен перспектив, так как общедоступные туалеты существуют отнюдь не во всех точках мира, а потребность в них никогда не исчезнет [15].

Одним из самых быстрорастущих секторов ШЭ стал ресейл (*resale*) – онлайн-продажа слегка подержанных вещей, подразумевающая возможность заработать немалые деньги на предложении брендовых (*luxury*) вещей на вторичном рынке. Индустрия моды считается одним из главных загрязнителей в мире. Получившая в последнее время распространение “быстрая мода” (*fast fashion*)⁵ наносит огромный ущерб окружающей среде. Ресейл сокращает спрос на “быструю моду”, потому что ресейл-потребители обращаются к перепродаваемой бывшей в употреблении одежде и обуви. Ресейл-платформы, основанные в разгар финансового кризиса 2008–2009 гг., смогли избавить потребителей от убеждения, что секонд-хенд годится только для бедных. Теперь такой шопинг считается шансом приобретения подлинных и уникальных вещей. Возникли вариации такого бизнеса: *pre-owned* (перепродажа подержанных вещей) и *re-commerce* (повторная онлайн-покупка) [16].

Можно выделить семь сегментов, на которые в настоящее время и в обозримом будущем приходится основная часть рынка ШЭ: 1) мобильные услуги совместного потребления (*mobility sharing*); 2) пириговое финансирование (*person-to-person finance, P2P finance*); 3) аренда жилья для отдыха и совместное использование жилых помещений (*vacation rental and room sharing*); 4) коворкинг (*coworking*); 5) онлайн-платформы талантов (*online talent platforms*); 6) шеринговые медицинские услуги

⁵ “Быстрая мода” – обновление ассортимента бренда несколько раз за сезон.

(*healthcare sharing*); 7) шеринг потребительских товаров *P2P* (*P2P consumer goods rentals*). Все они регулярно обследуются бизнесом [17].

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

Пандемия вируса *COVID-19* нанесла серьезный ущерб мировой экономике. События 2020 г. – первый с 1870 г. кризис, вызванный исключительно медицинскими факторами. Скорость и глубина наносимых им ударов наводят на мысль о возможности лишь вялотекущего восстановления [18]. В результате существенно ухудшены многие прежние прогнозы. Например, Институт международных финансов ожидает рост мировой экономики в 2020 г. всего на уровне 0.4% [19].

COVID-19 влияет на мировую экономику по трем основным каналам: непосредственно воздействуя на производство, разрушая цепочки поставок и рыночные отношения, а также оказывая финансовое воздействие на фирмы и финансовые рынки [20]. Наиболее серьезные негативные факторы: подрыв финансовых рынков [21], в том числе фондовых [22]; спад объемов производства, прежде всего вследствие нарушений в цепочках поставок, закрытия фабрик по всему миру из-за усилий по ограничению распространения *COVID-19*, накопления товаров вследствие экспортного контроля [23]; кризис в нефтяной промышленности ввиду падения спроса на топливо в транспортном секторе; разорение малого и среднего бизнеса (МСБ); рекордный рост безработицы [19].

Летом 2020 г. мировая экономика начала было восстанавливаться [23], но ее захлестнула новая волна коронавируса. Меры по его сдерживанию могут спровоцировать глубокую длительную рецессию, что усугубит многолетнюю тенденцию замедления роста экономики и производительности труда [24].

Пандемия привела к глубокой трансформации поведения людей и функционирования бизнеса. Привычные модели жизни (работа, отдых, обучение, взаимодействие с государством и бизнесом, коммуникации с другими людьми) стали невозможными. Сформировались новые запросы, в частности на доставку товаров на дом. Все чаще люди предпочитают покупать вещи в пользование на недолгий срок и перепродавать их, когда они уже не нужны. Вместе с изменением моделей поведения людей стремительно трансформируется бизнес, что выразилось, в частности, в усилении его онлайнизации и нарастании бартера из-за образования излишков товаров.

В отличие от традиционного бизнеса, переживающего беспрецедентный кризис под влиянием пандемии, на ШЭ она оказывает как негативное,

так и положительное влияние, в зависимости от конкретного вида бизнеса. Дуализм воздействия COVID-19 обусловил различия точек зрения на будущее ШЭ. По оценкам одних экспертов, люди будут гораздо реже пользоваться ее услугами, потому что введенные меры социального дистанцирования делают людей менее склонными к использованию таких услуг [25]. По другим оценкам, COVID-19, карантин и рост безработицы, наоборот, могут привести к долгосрочному росту компаний сектора ШЭ [26].

Можно привести примеры негативного воздействия пандемии на ШЭ. Некоторые шеринговые компании до пандемии успели вырасти в огромные компании, но из-за карантинных мер им пришлось сократиться. Гиганты ШЭ — *Uber*, *Airbnb* и другие корпорации, успех которых зависит от поездок и путешествий, столкнулись с крупными проблемами в условиях, когда большая часть жителей мира оказалась вынуждена оставаться дома.

Например, *Airbnb* пришлось срочно урезать расходы, привлечь резервное финансирование, уволить около четверти сотрудников [27]. Всего за несколько недель компания потеряла значительную часть бизнеса, строившегося 12 лет [28]. *Uber* уволил 6.7 тыс. человек [29], в первом квартале 2020 г. его убытки выросли по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. на 190% до 2.9 млрд долл., в апреле 2020 г. использование услуг *Uber* сократилось на 80% [27]. Коронавирус поставил на грань финансового краха шеринговый бизнес электросамокатов и велосипедов [30]. Потери несут коливинги и коворкинги, это происходит даже в США, где такой вид бизнеса получил большое развитие [31]. Возникшая ситуация вызвала сомнения в возможности дальнейшего развития ШЭ, так как любой тип обмена увеличивает риск заражения [32].

Вместе с тем энтузиасты ШЭ считают, что COVID-19 поспособствует появлению действительно “умной”, устойчивой экономики совместного пользования [33]. По их мнению, в условиях пандемии некоторые виды шерингового бизнеса получили мощный толчок к развитию, и 1% стартапов имеют реальный шанс стать “единорогами” подобно *Uber* или *Airbnb* [29].

Пандемия подготовила почву для расширения рынка гибких офисов, при этом пик спроса на коворкинги ожидался в III–IV кв. 2020 г. Это объясняется тем, что период удаленной работы кардинально изменил отношение даже консервативных работодателей к этому формату отношений с сотрудниками. Стало очевидно, что он вполне вписывается в корпоративную культуру многих корпораций. В результате глобальный рынок коворкингов, просевший в первый год COVID-19,

в последующие годы может убедительно продемонстрировать повышательную тенденцию [31]. Ожидается, что расширение этого сегмента ШЭ восстановится в 2021 г., ежегодный прирост составит 21.3%, а к 2024 г. число гибких офисов увеличится более чем вдвое и превысит 40 тыс. [34].

Сегмент коливингов вырос за первую половину 2020 г. на 14%, при этом COVID-19 ускорил трансформацию офисов, образовательных центров и игровых комнат под одной крышей в модель будущего рабочего пространства. Коливинги характеризуются стабильным спросом, тогда как в традиционном гостиничном бизнесе наблюдается масштабный кризис [31].

Пандемия подтолкнула к новым разработкам бизнес *wastetech*. Например, австралийская компания *3RT* разработала *smartwood* (“умную древесину”) и производственный блок, превращающий древесные отходы в имитацию ценных пород дерева. Канадский биотехнологический стартап *Genecis* использует бактерии для превращения пищевых отходов в биоразлагаемую массу, которая может использоваться в сельском хозяйстве, обеспечивая высокую экологичность всего производственного цикла [35].

Наибольший положительный эффект COVID-19 оказал на ресейл. Когда страны закрыли границы и остановились многие производства, ресейлеры оказались в выигрышной позиции, потому что их ассортимент не зависит от зарубежных фабрик и сезонных поставок. Более того, многие проекты по перепродаже подержанных вещей возникли именно в кризис: из-за пандемии и финансовых сложностей потребители ищут рациональные способы обновлять гардероб [36]. В результате благоприятного воздействия пандемии ожидается рост этого сегмента мирового рынка на 414% в течение следующих пяти лет [37].

Наиболее высокими темпами растет ресейл в кругу элитных и самых богатых акторов — вопреки высказываниям некоторых экспертов, будто “осознанное потребление” можно понимать как пока неосознанную нищету [38]. Примечательно, что такого мнения придерживаются многие российские авторы (что, возможно, отражает недостаточную развитость российской ШЭ).

Итак, суть ШЭ — в доступе к пользованию, а не к владению каким-то благом, в превалировании принципа получения полезности над принципом владения. Потенциально это обеспечивает максимально эффективное использование ограниченных ресурсов. Во всех странах все более глубокое внедрение модели ШЭ в частную жизнь и бизнес сопровождается созданием новых потоков дохо-

дов в связи с превращением в их источник вещей, которые ранее не считались монетизируемыми активами. Благодаря изменению отношения людей к владению и потреблению происходит формирование новых рынков.

В период пандемии *COVID-19* шеринговый бизнес разработал свои рецепты выживания и дальнейшего развития. Среди них: работа в корпоративном сегменте наряду с коммерческими взаимоотношениями между бизнесом и частными лицами и между конечными потребителями; предоставление закрывшимся бизнесам готовых он-

лайн-магазинов (маркетплейсов) на шеринг-платформах.

Модель ШЭ доказала свою жизнеспособность не только в период экономического роста, но и в условиях беспрецедентного кризиса, вызванного пандемией. Более того, именно в форс-мажорных обстоятельствах она показала свою важность и в быту, и в бизнесе. Это позволяет сделать вывод о возможности ее дальнейшего расширения (как вопреки, так и благодаря пандемии) и полагать, что в будущем она станет заметным феноменом мировой экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Felson M., Spaeth J.L. Community Structure and Collaborative Consumption: a Routine Activity Approach. *American Behavioral Scientist*, 1978, no. 21 (March–April), pp. 614–624.
2. Lessig L.L. *Remix: Making Art and Commerce Thrive in the Hybrid Economy*. London, Bloomsbury Academic, 2008. 300 p.
3. Botsman R., Rogers R. *What's Mine Is Yours: the Rise of Collaborative Consumption*. New York, Harper Collins, 2010. 644 p.
4. *The 2015 Kauffman Index: Startup Activity. State Trends*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/314471681_The_Kauffman_Index_2015_Startup_Activity_State_Trends (accessed 15.08.2020).
5. *Перспективы экономики совместного потребления*. [Prospects for the economy of shared consumption (In Russ.)] Available at: <https://habrahabr.ru/company/kabanchik/blog/301206> (accessed 15.08.2020).
6. Miller D. The Sharing Economy and how It Is Changing Industries. *The Balance Small Business*, June 25, 2019. Available at: <https://www.thebalancesmb.com/the-sharing-economy-and-how-it-changes-industries-4172234> (accessed 28.08.2020).
7. Davies J. *Can the Sharing Economy Survive COVID-19?* 02.06.2020. Available at: <https://telecoms.com/504717/can-the-sharing-economy-survive-covid-19/> (accessed 28.08.2020).
8. *Sharing or Paring? Growth of the Sharing Economy*. Available at: <https://www.pwc.com/hu/en/kiadvanyok/assets/pdf/sharing-economy-en.pdf> (accessed 22.02.2021).
9. *Value of the Sharing Economy Worldwide in 2014 and 2025*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/830986/value-of-the-global-sharing-economy/> (accessed 28.08.2020).
10. *Company Value of Airbnb from 2016 to 2019*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/339845/company-value-and-equity-funding-of-airbnb/> (accessed 28.08.2020).
11. *Countries with the Most Airbnb Listings as of August 2017*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/742786/countries-with-the-most-airbnb-listings/> (accessed 22.02.2021).
12. *Пиринговое кредитование – что это?* 06.07.2015. [Peer-to-peer lending – what is it? (In Russ.)] Available at: <https://investtalk.ru/forum/topic/19435-piringovoe-kreditovanie-chto-eto/> (accessed 11.08.2020).
13. *Коливинг: коммуналка XXI века*. 10.01.2020. [Coliving: communal apartment of the XXI century. (In Russ.)] Available at: https://zen.yandex.ru/media/id/5c5ab54bef4dc600add5c41d/koliving-kommunalka-xxi-veka-5e1823660be0a00afbcd587?utm_source=serp (accessed 11.08.2020).
14. *Миллионер из хрущоб: как изменить социальный статус благодаря шерингу*. [Millionaire from the slums: how to change your social status thanks to sharing (In Russ.)] Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5dd5529e9a7947143779de4> (accessed 20.07.2020).
15. *Дайджест шеринга № 7: зачем гипермаркету продавать секонд-хенд*. [Sharing digest no. 7: why a hypermarket should sell second-hand goods (In Russ.)] Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5eda60dc9a79474ae4daf28> (accessed 20.07.2020).
16. *На выдумки хитры: неожиданные предметы для совместного потребления*. [They are clever at making up stories: the unexpected items for collaborative consumption (In Russ.)] Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5de79be69a79477fe0bdbeda> (accessed 20.07.2020).
17. *2020 Outlook into the Shared Economy – Featuring Company Profiles of Market-Leading Players within the Shared Marketplace*. 23.03.2020. Available at: <https://news.yahoo.com/2020-outlook-shared-economy-featuring-153700586.html> (accessed 29.08.2020).
18. *Global Economic Prospects. June 2020*. Washington, The World Bank, 2020. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33748> (accessed 20.07.2020).
19. *5 негативных последствий COVID-19 для мировой экономики*. 04.04.2020. [5 negative consequences of COVID-19 for world economy (In Russ.)] Available at: <https://zen.yandex.ru/media/cfo/5-negativnyh-posledstviy-covid19-dlia-mirovoi-ekonomiki-5e8733645f081e20a965f41e> (accessed 20.07.2020).
20. Bachman D. *The Economic Impact of COVID-19 (Novel Coronavirus). COVID-19 Could Affect the Global Economy in Three Main Ways*. 03.03.2020. Available at: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/economy/covid-19/economic-impact-covid-19.html> (accessed 28.08.2020).

21. Baret S., Celner A., O'Reilly M., Shilling M. *COVID-19 Potential Implications for the Banking and Capital Markets Sector. Maintaining Business and Operational Resilience*. 16.03.2020. Available at: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/economy/covid-19/banking-and-capital-markets-impact-covid-19.html> (accessed 29.08.2020).
22. Henry P. *COVID-19 and the Investment Management Industry. Investment Management Operating at the Speed of the Markets*. 17.03.2020. Available at: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/economy/covid-19/investment-management-impact-of-covid-19.html> (accessed 28.08.2020).
23. Kalish I. *Weekly Global Economic Update*. 05.08.2020. Available at: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/economy/global-economic-outlook/weekly-update.html> (accessed 28.08.2020).
24. *The Global Economic Outlook during the COVID-19 Pandemic: a Changed World*. 08.06.2020. Available at: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2020/06/08/the-global-economic-outlook-during-the-covid-19-pandemic-a-changed-world> (accessed 29.08.2020).
25. *Usage of Sharing Economy Services after the Containment of COVID-19 in the U.S. in 2020, by Gender*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1110646/sharing-economy-services-united-states-covid19-gender/> (accessed 28.08.2020).
26. *COVID-19 Could Grow "Sharing Economy"*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=iFsjRtEBt-c> (accessed 20.07.2020).
27. *Дайджест шеринга № 3: судьба каршеринга и осознанное потребление*. [Sharing digest no. 3: the fate of carsharing and conscious consumption. (In Russ.)] Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5eb69cc49a7947938a6c7d47> (accessed 20.07.2020).
28. *Аренда самокатов, беспилотников и скутеров: дайджест шеринга № 11*. [Rental of scooters, drones and scooters: sharing digest no. 11 (In Russ.)] Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5eff4f3e9a7947457744005d> (accessed 20.07.2020).
29. *Малый бизнес затягивает пояс: дайджест шеринга № 12*. [Small businesses tighten their belts: sharing digest no. 12 (in Russ.)] Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5f086a539a79479f62c4b024> (accessed 20.07.2020).
30. *Дайджест шеринга № 4: как организовать своп и купить люксовые вещи*. [Sharing digest no. 4: how to organize a swap and buy luxury (In Russ.)] Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5ebfb76d9a7947103f617dcb> (accessed 20.07.2020).
31. *Переезд в коворкинги, перевод в коливинги: дайджест шеринга № 9*. [The move to coworking, transfer to coliving: sharing digest no. 9 (In Russ.)] Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5eece1829a7947eaafbd856d> (accessed 20.07.2020).
32. Keller M. *The Sharing Economy after the Pandemic*. 26.03.2020. Available at: <https://www.forbes.com/sites/maryannkeller/2020/03/26/the-sharing-economy-after-the-pandemic/#732c662d7ccf> (accessed 28.08.2020).
33. Rinne A. *Coronavirus: the End of the Sharing Economy, or a New Beginning?* 06.04.2020. Available at: <https://medium.com/swlh/coronavirus-the-end-of-the-sharing-economy-or-a-new-beginning-a142acbb7130> (accessed 28.08.2020).
34. *"Подвешенный" билет в метро и библиотека вещей: дайджест шеринга № 13*. ["Hanging" metro ticket and library of things: sharing digest no. 13 (in Russ.)] Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5f11b9799a79476b7f953f84> (accessed 20.07.2020).
35. *Дайджест шеринга № 8: полезные отходы и ненужные автомобили*. [Sharing digest no. 8: useful waste and unnecessary cars (in Russ.)] Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5ee23cfb9a7947566ab17d90> (accessed 20.07.2020).
36. Воробьева Е. *5 ресейл-платформ, где можно выгодно продать и купить люксовые вещи*. 14.05.2020. [Vorob'eva E. 5 resale-platform, gde mozno vygodno prodat' i kupit' lyuksovye veshchi [5 retail platforms where you can profitably sell and buy luxury items]. 14.05.2020.] Available at: <https://style.rbc.ru/items/5ebbbe86e9a7947fbc3f5254c> (accessed 12.08.2020).
37. *Новая экономика в поисках себя: дайджест шеринга № 10*. [The new economy in search of itself: sharing digest no. 10 (in Russ.)] Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5ef62ede9a7947780951cdcc> (accessed 17.07.2020).
38. Прокофьев Д. *Перспективы sharing economy: что будет, когда кончатся деньги даже на коливинг, коворкинг и каршеринг*. 10.02.2020. [Prokof'ev D. Perspektivy sharing economy: chto budet, kogda konchatsya den'gi dazhe na koliving, kovorking i karshering. 10.02.2020. [Sharing economy prospects: what will happen when money runs out even for coliving, coworking, and carsharing]] Available at: https://www.dp.ru/a/2020/02/09/Grupповaja_stadija (accessed 28.08.2020).

**SHARING ECONOMY: THE BUSINESS MODEL OF THE DIGITAL ECONOMY
IN THE COVID-19 PERIOD**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 5, pp. 87-94)

Received 17.09.2020.

Lyudmila G. BELOVA (lgbelova@bk.ru),

Lomonosov Moscow State University (MSU), 1 building 46, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

The author undertakes an attempt to analyze the impact of the COVID-19 pandemic on the phenomenon of the sharing economy and the viability of this business model in force majeure circumstances. The sharing economy is a business model of the digital economy, born by the fourth industrial revolution during the Great Recession of 2008 and developing in the context of the unprecedented economic crisis of 2020, when the impact of the coronavirus pandemic

simultaneously collapsed production, financial markets and consumer demand for goods and services, and the task of “conscious consumption” – to spend money correctly and reduce costs – became vital. The concept does not focus on ownership but rather on the sharing of assets and resources. A predictive construct is given: the sharing economy is not so much the introduction of new technologies to implement the world-old idea of renting on digital platforms, but a new paradigm of production and consumption and as such leads to a circular economy, causes systemic changes that form qualitatively new principles of business organization, the economy and society as a whole. The study concluded that the sharing model has proven its viability not only in a period of stable economic development, but also in a contemporary crisis, which is caused by the COVID-19 pandemic. Moreover, it was during this period of force majeure that the sharing economy model showed its importance both in everyday life and in business. This allows us to conclude about the further growth of the sharing economy, the creation of new services – both in spite of and thanks to the COVID-19 pandemic.

Keywords: digital economy, sharing economy, cyclical economy, collaborative consumption, technological challenges.

About author:

Lyudmila G. BELOVA, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-87-94

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ЧАСТНЫХ ВОЕНИЗИРОВАННЫХ И ОХРАННЫХ КОМПАНИЙ

© 2021 г. М. Небольсина

НЕБОЛЬСИНА Мария Александровна, кандидат политических наук,
Институт международных исследований МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76
(nebolsinama@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 16.09.2020.

В статье рассматриваются предпосылки разработки конвенционального документа ООН о частных военизированных и охранных компаниях (ЧВОК). Ставится вопрос о заинтересованных в создании такого документа акторах, и через призму противоречий, связанных с разработкой международно-правовых норм в отношении как уже известного явления – наемничества, так и новых военно-силовых структур. Делается попытка объяснить, почему конвенция осталась на уровне проекта. Анализируются проблемы определения статуса ЧВОК и отделения их от таких незаконных акторов, как наемники. Исследуются трудности, связанные с продвижением международной конвенции ООН по регулированию, надзору и контролю над деятельностью ЧВОК, которые возникают как в научном сообществе, так и внутри самой ООН.

Ключевые слова: негосударственные акторы, частные военизированные и охранные компании (ЧВОК), наемники, ООН, вооруженные конфликты, частные силовые функции, международно-правовое регулирование, приватизация права.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-95-106

Отсутствие общепринятой единообразной практики привлечения государствами частных военизированных и охранных компаний (ЧВОК) на контрактной основе на международном уровне в условиях вооруженного конфликта, а также при проведении миротворческих операций зачастую чревато негативными последствиями. Приватизация такими компаниями государственных услуг в сфере безопасности в отсутствие должного регулирования затрагивает основные права и свободы человека, ставит его безопасность под угрозу. Международная конвенция о контроле, надзоре и мониторинге за частными военизированными и охранными компаниями, разработанная Рабочей группой ООН [1], или иной международный юридически обязывающий документ представляются важным шагом для создания эффективного механизма регулирования деятельности частных военизированных компаний на основе норм международного права.

Одновременно с трансформацией сферы безопасности и появления в ней новых акторов существует проблема эволюции правовой действительности. На международное право сегодня оказывают влияние не только государства, но и бизнес. То есть “в настоящее время формирование и имплементация международного права все в большей степени зависят не от традиционных политических властей, а от частных лиц” [2, с. 40]. Подобно тому, как и сфера услуг в области безопасности, кото-

рая в некоторой степени приватизирована ЧВОК, международное право также оказалось подвержено приватизации.

Наконец, неоднозначная оценка деятельности тех или иных ЧВОК постоянно приводит как к противоречиям при попытке разделить частные компании на охранные и военизированные, так и к привязыванию таких компаний к наемникам, статус которых уже закреплен в различных международных конвенциях и в национальном законодательстве многих стран¹. Следствием этого становится путаница не только на научном, академическом и экспертном уровнях, но и в ООН, где также нет единообразия. Здесь часто возникает вопрос об эффективности ЧВОК, действующих на международном рынке безопасности и во время вооруженных конфликтов, и при их участии в гуманитарных и миротворческих миссиях в период постконфликтного восстановления.

¹ *Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I)*. June 8, 1977; *The UN International Convention Against the Recruitment, Use, Financing and Training of Mercenaries*. December 4, 1989; *The Organization of African Unity Convention for the Elimination of Mercenarism in Africa*. July 3, 1977; *South African Private Security Industry Regulation Act no. 56 of 2001*. January 25, 2002; *Prohibition of Mercenary Activities and Prohibition and Regulation of Certain Activities in Areas of Armed Conflict bill no 27 of 2006*. November 16, 2007.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧВОК: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

За последние десятилетия сложился значительный объем научных исследований, посвященных самым разным аспектам, касающимся ЧВОК, месту и роли государства, а также проблемам в области соблюдения прав и свобод человека в связи с их действиями. Однако все исследователи так или иначе затрагивают несколько основных проблем. Первая касается истоков приватизационных тенденций в сфере безопасности, то есть причин бурного роста спроса на услуги ЧВОК. Многие ученые называют самые разные причины возникновения и усиления данного феномена. В целом какие бы причины ни стояли за истоками приватизационных тенденций и ростом спроса на услуги ЧВОК, очевидно, что данные процессы, охватив силовую сферу, привели к частичной приватизации и сферы регулирования данной области. Современную законодательную систему сегодня институционально дополняют организации, которые либо представляют альтернативу, либо подменяют государственные институты, — кодексы поведения или саморегуляции бизнеса [2, с. 40]. Образцом перетекания приватизационных тенденций в военно-силовом бизнесе сегодня служит Международный кодекс поведения ЧВОК, принятый 9 ноября 2010 г. [3].

Вторая проблема следует из первой и затрагивает такие важные аспекты, как определение круга неотъемлемых государственных функций в сфере безопасности и делегирование их третьим лицам, что рискует привести к размыванию суверенитета и угрожает утратой государствами монополии на легитимное насилие. Ярким примером здесь может служить Африканский континент, где страны с нестабильной государственностью, слабой социальной сферой и неустойчивыми властными институтами привлекают ЧВОК, которые трансформируются в акторов и становятся конкурентами местных силовых ведомств в сфере безопасности [4, pp. 35-36]. Другими словами, речь идет о таком понятии, как “делегированный суверенитет” в части применения насилия, который возникает вследствие подрыва государственной монополии на применение силы из-за слабого местного правительства, а также в связи с политической и социальной турбулентностью [5, с. 533]. В этом случае ЧВОК подменяют собой местные силовые институты и тем самым еще больше ослабляют и без того неустойчивую государственность данных стран. В то же время сами государства готовы поступиться субъектностью в части безопасности, так как не в состоянии наладить функционирование собственных силовых механизмов.

Наконец, третья проблема касается подходов к определению наемников и их отличию от контрактников, которые работают в ЧВОК, а также сложностей разделения компаний на частные военизированные и частные охранные. В научной литературе можно встретить самые разные определения контрактников и ЧВОК, на которые эти контрактники работают. Многие эксперты разделяют мнение о том, что наемники — это не то же самое, что контрактники. Однако есть и те, кто придерживается иной точки зрения. Одни признают ЧВОК нелегитимными образованиями, другие ставят под сомнение эффективность их деятельности [6, p. 104]. Так, Хуан Карлос Зарате — в прошлом заместитель помощника американского президента Джорджа Буша мл. и бывший советник по национальной безопасности США в сфере борьбы с терроризмом — считает ЧВОК “реконструированной формой организованного корпоративного наемничества, которая соответствует потребностям применения передового военного опыта в нарастающих внутренних конфликтах” [7, с. 45]. Эту мысль поддерживает Сесил Энтони Джон Куди — исследователь проблем политического насилия и моральных оснований войны и профессор философии в Университете Мельбурна. Он видит в ЧВОК “группу людей, чье участие в войне не может не быть аморальным” [8, p. 64].

Роберт Мендел высказывает следующую точку зрения: “Вместо того, чтобы оттачивать боевые навыки с целью убить врага, частные военизированные компании оттачивают мастерство по связям с общественностью, чтобы понравиться потенциальным клиентам” [9, p. 10]. Некоторые ученые видят одну из проблем стереотипизации контрактников в том, что они, как правило, в большей степени стремятся к материальной выгоде, чем руководствуются политической или идеологической составляющей [10, p. 602]. На пресс-конференции в июне 1997 г., отвечая на вопрос относительно эффективности привлечения частных военизированных компаний к стратегии ООН, чтобы положить конец гражданской войне в Сьерра Леоне, Генсек ООН Кофи Аннан заявил, что между сотрудниками частных военизированных компаний и наемниками нет разницы [11].

Питер Зингер, напротив, считает, что наемники — это индивидуально действующие лица, а потому их организация спонтанна. Это предполагает, что наемник действует один и часто привлекается на острие момента. Зингер развивает свою мысль и предполагает, что наемник, как правило, работает на одного заказчика и, сосредоточиваясь на боевом задании, оказывает только одну услугу: служит “оружием напрокат” [12, p. 78].

Сложность с определением контрактников и отграничением их от наемников заключается в том, что в то время как наемники, как правило, могут формироваться в частные армии, не все частные армии являются наемниками [4, р. 26]. Теоретически с точки зрения международного гуманитарного права объединение контрактников и наемников в одну группу и признание контрактников наемниками сильно бы упростило процесс, но в этом случае вне закона бы оказались все частные военизированные структуры. Различные подходы, объединяющие обе категории — наемников и контрактников — в одну, тем не менее не лишены оснований. Об этом пойдет речь ниже.

Отдельного внимания заслуживает проблема определения охранных и военизированных услуг, которые оказывают ЧВОК. Однозначного мнения относительно того, возможно ли провести четкую линию между частными охранными и частными военизированными компаниями, на сегодняшний день не существует. Споры относительно данного вопроса идут как в научной, так и в политической среде. Кроме того, существуют попытки провести линию между вооруженными и невооруженными услугами, которые оказывают частные охранные компании [13]. В связи с тем что подавляющее большинство таких компаний оказывают самый разный спектр услуг как охранный и военизированный, так и вооруженный и невооруженный характера, *проект Конвенции ООН о ЧВОК и Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военизированных и охранных компаний в период вооруженного конфликта*², предлагают объединить данные компании, и каждый документ дает свое определение ЧВОК. При этом проект Конвенции разделяет охранные и военизированные услуги, а Документ Монтрё дает их общее определение.

ИСТОКИ

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ РЕШЕНИЙ

Чтобы разобраться с подходами к определениям, существующим в международно-правовой практике, и причинами пробуксовки конвенции ООН о ЧВОК, необходимо обратиться к истории проблемы и рассказать о такой форме военизированной деятельности, как наемничество, которая явилась средством нарушения прав человека в XX в. и стала одной из главных международных проблем.

² В отличие от конвенциональных документов ООН Документ Монтрё не имеет юридически обязывающего статуса, и его подписание государствами носит добровольный характер.

Еще в конце 1940-х годов мировое сообщество признало наемническую деятельность серьезной политической угрозой, что позднее отразилось в *Дополнительном Протоколе I к Женевским конвенциям* от 12 августа 1949 г., регламентирующем меры защиты жертв международных вооруженных конфликтов. В ст. 47 *Протокола I* было закреплено положение о том, что наемник более не имеет права на статус комбатанта или военнопленного [14]. В то же время *Дополнительный Протокол* лишь дал определение наемника, но не поставил наемническую деятельность вне закона. Проблема наемничества по-прежнему существовала и спустя некоторое время стала постоянно напоминать о себе во время национально-освободительной борьбы по всему миру, когда начались антиколониальные войны, движения за независимость, гражданские выступления в получивших свободу новых государствах, борьба за власть и свержение правительств. Африканский континент, который в течение нескольких десятилетий испытывал на себе влияние от действий разномастных “солдат удачи”, наводнивших страны, стал первым, где была разработана *Конвенция о ликвидации наемничества*. В 1977 г. Организация африканского единства (ОАЕ) [15] приняла документ, который осудил и запретил наемническую деятельность. Кроме того, именно группа африканских государств как наиболее пострадавшая сторона выступила в ООН с инициативой обсуждения политических последствий использования наемников.

Спустя два года после того как в 1985 г. *Конвенция о ликвидации наемничества ОАЕ* вступила в силу, Комиссия ООН по правам человека назначила специального докладчика — Энрике Берналеса Бальестереса, который в течение 16 лет собирал информацию о наемничестве как средстве нарушения прав человека с целью дальнейшей разработки международной конвенции, запрещающей наемническую деятельность. При создании документа эксперты ООН опирались на *Конвенцию о ликвидации наемничества* от 1977 г.³, *Дополнительный Протокол I к Женевским конвенциям* от 12 августа 1949 г., сформулировавший определение наемника и закрепивший положение о том, что наемник не имеет права на статус комбатанта или военнопленного⁴, а также на *Международный пакт о гражданских и политических правах* [16] и *Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах* от 16 декабря 1966 г. [17]. Результатом многолетней работы стало принятие в 1989 г. *Международной Конвенции ООН по борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников* [18].

³ *Конвенция* вступила в силу только в 1985 г.

⁴ *Дополнительный Протокол* вступил в силу в 1977 г. [14].

В результате работы над документом было предложено рассматривать наемничество как отдельный вид преступления, “подлежащего преследованию на международном уровне, поскольку оно сопряжено не только с нарушением прав человека, но и затрагивает право народов на самоопределение” [19]. Также прозвучал тезис о необходимости квалифицировать наемническую деятельность “в качестве скрываемого преступления, когда доказывается, что она является следствием решения третьей стороны, которая прибегает к услугам наемников для осуществления акта вмешательства в дела другого государства” [19].

Международная конвенция квалифицирует наемника как любое лицо, которое:

- специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте;

- принимая участие в военных действиях, руководствуется главным образом желанием получить личную выгоду и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны;

- не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;

- не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте;

- не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил [1].

Конвенция ООН стала важной вехой в деле осмысления наемничества с политической, правовой, теоретической и экономической точек зрения. Однако, как и *Протокол I к Женевским Конвенциям*, и *Конвенция ОАЕ*, новый международный документ останавливается только на регулировании индивидуального наемничества. Следует отметить, что судебное преследование за данное преступление в мировой практике случалось весьма редко, несмотря на принятие нескольких различных региональных и международных документов⁵. Это свя-

зано не только с тем, что определение “наемника” должно применяться лишь по совокупности всех указанных в формулировке пунктов, что почти невозможно доказать на практике, но также с тем, что сами государства, обращающиеся к услугам наемников, избегают использовать предложенные документы для привлечения лиц к ответственности. Данный тезис как раз подтверждается почти полной неизменностью определения “наемника”, которое остается таковым на протяжении нескольких десятилетий, начиная с *Дополнительного Протокола I* от 1949 г., продолжая *Конвенцией о ликвидации наемничества ОАЕ* от 1977 г. и заканчивая *Международной Конвенцией* от 1989 г. Можно констатировать, что документы практически не работают.

О ПРЕДШЕСТВЕННИКАХ СОВРЕМЕННЫХ ЧВОК

Дискуссия о необходимости международного нормативного регулирования деятельности ЧВОК возникла в конце 1980-х годов, почти одновременно с разработкой *Международной Конвенции ООН* [18]. В информационном бюллетене № 28 “Влияние деятельности наемников на осуществление права народов на самоопределение” от 1 марта 2002 г., подготовленном Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека, звучит предположение о том, что некоторые ЧВОК “могут заниматься, вероятно, наймом военизированных специалистов для участия в боевых действиях по поручению своего клиента” [20, р. 5]. Этому бюллетеню предшествовала Резолюция ГА ООН от 29 февраля 2000 г., где подчеркивалось, что наемническая деятельность может принимать разные формы для легитимизации: “Независимо от того, как используются наемники или связанная с наемниками деятельность или какую форму она принимает, чтобы обрести некое подобие законности, они представляют угрозу миру, безопасности и самоопределению народов и являются препятствием на пути осуществления народами своих прав человека” [21].

В заключительном докладе, представленном в ООН в конце декабря 2003 г., на посту специального докладчика Энрике Бальестеррос изложил свои соображения относительно разработки нового понятия “наемника”. Среди прочего он рекомендовал включить в него частные компании, занимающиеся вербовкой данной группы лиц, и “предлагающие на международном рынке услуги в области военизированной помощи и безопас-

mon Mann, freed dog of war, is demanding justice. *The Guardian*, 08.11.2009. Available at: <https://www.theguardian.com/uk/2009/nov/08/simon-mann-mark-thatcher-wonga-coup> (accessed 27.07.2020).

⁵ Процессы освещала пресса. Подробнее см.: 1976: *Mercenaries trial begins in Angola*. June 11, 1976. Available at: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/june/11/newsid_2510000/2510947.stm (accessed 27.07.2020); *Mercenaries Are Executed in Angola*. *The New York Times*, 11.07.1976. Available at: <https://www.nytimes.com/1976/07/11/archives/4-mercenaries-are-executed-in-angola-angola-executes-4-mercenaries.html> (accessed 27.07.2020); McVeigh T., Syal R., Smith P. Si-

ности, которые используют их главным образом в странах, затронутых вооруженными конфликтами” [19]. В заключение Энрике Бальестеррос заявил о необходимости отрегулировать, поставить деятельность ЧВОК под международный контроль, а также совершенствовать нормы международного права, чтобы такие компании не могли вербовать наемников [19].

На 61-й сессии Комиссии по правам человека (7 апреля 2005 г.) была принята Резолюция 2005/2, которая ознаменовала собой создание Рабочей группы по вопросу об использовании наемников в качестве средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение “в составе пяти независимых экспертов по одному от каждой региональной группы на трехлетний период” и одновременно прекращала действия мандата специального докладчика [22]. Кроме вопросов, касающихся разработки новых принципов и стандартов в целях защиты прав человека от угроз, которые несет в себе наемническая и подобная ей деятельность, Комиссия поставила перед группой задачу отслеживать и изучать влияние на права человека и право народов на самоопределение тех действующих на международном рынке частных компаний, которые консультируют по вопросам обороны (или по военным вопросам), а также предоставляют услуги в сфере безопасности [22].

18 января 2005 г. в записке Верховного комиссара по правам человека Луизы Арбур отмечалась необходимость регулирования и мониторинга деятельности ЧВОК [23]. В то же время эксперты, участвовавшие в обсуждении при подготовке записки, связали рост наемничества и деятельности ЧВОК не только с несовершенством законодательства и нехваткой соответствующих норм, но и с “отсутствием политической воли для ведения настоящей борьбы с этим явлением” [23]. Важно отметить, что документ особо подчеркнул недостаточность координационных усилий на международном уровне в отношении “ограничения деятельности частных военизированных и охранных компаний” [23].

Из обзора документов ООН, предваряющих разработку Конвенции о ЧВОК, становится очевидно, что такие компании везде становятся объектом обвинений в нарушениях прав человека, и их так или иначе сравнивают с наемниками. Когда Энрике Бальестеррос покинул свой пост и делал заключительные заявления, вносил рекомендации и упоминал о проблемах в области международно-правового регулирования, то, говоря об угрозе от ЧВОК, он предлагал разработать специальные международные нормы, чтобы не допустить вербовку этими компаниями наемников для участия в конфликтах. Следует отметить, что во всех доку-

ментах ООН более раннего периода речь шла только об индивидуальном наемничестве.

Можно предположить, что позиция Бальестерроса была связана с тем, что на слуху еще были такие ЧВОК, которые занимались так называемым корпоративным наемничеством, то есть вербовали солдат для участия в тех или иных конфликтах в различных регионах мира по приглашению одной из сторон.

Из наиболее известных примеров наемнических контрактов прошлого заслуживают внимание компании *Watchguard International* и *Keeni-Meeni Services (KMS)*. Самыми же яркими эпизодами последних десятилетий можно считать деятельность южноафриканской *Executive Outcomes*, основанной в 1989 г. бывшими членами вооруженных сил режима апартеида, а также аффилированной с ней британской *Sandline International*. Обе эти компании обеспечивали военизированную оперативную поддержку посредством размещения вооруженного персонала на поле боя⁶.

В конце 1980-х – середине 1990-х годов компания *Executive Outcomes* со штаб-квартирой в Южно-Африканской Республике прославилась своими наемническими контрактами. В составе компании были сотрудники, которые координировали деятельность контрактных служб бывших военнослужащих сил обороны Южной Африки. В 1992 г. государственная нефтяная компания Анголы наняла *Executive Outcomes* для защиты своих месторождений от повстанцев. За два года – с 1993 по 1995 г. – компания провела серию операций, в результате которых ей удалось отбросить мятежников Национального союза за полную независимость Анголы (УНИТА) подальше от крупных городов и нефтяных месторождений. Эта же компания в 1995–1997 гг. в Сьерра-Леоне сумела выбить повстанцев Объединенного революционного фронта (ОРФ) с оккупированных ими месторождений и разрушить их основные базы.

Очевидно, что эту работу проделали не национальные вооруженные силы Анголы и Сьерра-Леоне или иные законные подразделения из соседних стран, которые могли бы оказать помощь, а ЧВОК, действия которой оказались успешными, хотя и не вполне легитимными. Некоторые эксперты, входившие в Рабочую группу ООН, усмотрели в деятельности ЧВОК материальный мотив и предположили, что действиями сотрудников компании руководили вовсе не гуманитарные соображения, а стремление извлечь прибыль. Кроме того, они сочли, что гуманитарная составляющая подчас служит ширмой “для придания видимости закон-

⁶ *Executive Outcomes* действовала в Анголе в 1993–1994 гг. и в Сьерра-Леоне в 1995–1996 гг.; *Sandline International* – в Папуа-Новой Гвинее в 1997 г. и в Сьерра-Леоне в 1998 г. [6].

ности какой-то сомнительной деятельности” [23]. Хотя данные рассуждения уместны, важно помнить о том, что любые коммерческие структуры создаются с целью получения прибыли. Безусловно, ООН смущает коммерческая составляющая военизированных услуг ЧВОК в сочетании с гуманитарными операциями, для которых соблюдение законодательства о правах человека является первоочередной задачей.

В то же время, в отличие от государственных структур, частный силовой бизнес существует в рыночных условиях, поэтому стандарты, кодексы поведения, инструкции и прочие механизмы контроля позволяют им оставаться конкурентоспособными и заставляют доказывать свою эффективность, чтобы продолжать получать выгодные контракты. В этом смысле, будучи даже вполне легитимными и не коммерчески ориентированными, государственные армия и полиция порой бывают менее действенными, чем ЧВОК. Это и продемонстрировали события в Анголе и Сьерра-Леоне, когда местные вооруженные силы оказались не способны нормализовать ситуацию в своих странах.

Несмотря на то что успехи компании в разгроме повстанцев УНИТА в Анголе и ОРФ в Сьерра-Леоне привели *Executive Outcomes* к дальнейшим контрактам, в 1998 г. компания была закрыта из-за оказываемого на нее давления со стороны властей Южной Африки. Тем не менее успешная работа по стабилизации ситуации не осталась незамеченной в мире. Когда в 1994 г. в Руанде начался геноцид, *Executive Outcomes* предложила свои услуги ООН по сдерживанию распространяющегося насилия и была готова работать напрямую с международной организацией, а не с местными властями [24, р. 2]. Кофи Аннан, занимавший в то время пост Генерального Секретаря ООН, отверг это предложение, сказав, что “мировое сообщество не было готово доверить мир частным структурам (букв. “приватизировать мир”. — М.Н.)” [24, р. 2].

Неоднозначная оценка деятельности *Executive Outcomes* приводит к выводу о том, что компания действовала за пределами правового поля, однако помогла спасти жизни многих людей и нормализовать ситуацию. В то же время ставится вопрос об эффективности действий компании в Анголе и Сьерра-Леоне. В записке Верховного комиссара по правам человека от 18 января 2005 г. прозвучало предложение поощрять деятельность ЧВОК, если будут обеспечены “транспарентность, подотчетность и регулирование” [23], в тех ситуациях, когда такие структуры смогут способствовать “повышению эффективности и оперативности действий вооруженных сил” [23].

Одновременно с этим почти во всех резолюциях о продлении мандата Рабочей группы ООН

вплоть до последней от 2019 г. (за исключением второй по счету Резолюции от 2008 г.) содержится рекомендация к правительствам стран быть максимально бдительными, чтобы не допускать любые виды “вербовки, обучения, набора или финансирования наемников частными компаниями, предлагающими международные консультативные и охранные услуги военизированного характера”⁷. Иными словами, из документов ООН становится ясно, что происходит увязывание наемнических компаний прошлого, которые вербовали солдат для участия в вооруженных конфликтах (таких как *Watchguard International*, *Keeni-Meeni Services*, *Executive Outcomes*, *Sandline International* и пр.), с современными ЧВОК. Последние, хотя и оказывают “международные консультативные и охранные услуги военизированного характера”, далеко не все могут быть поставлены в один ряд с вышеперечисленными фирмами, особенно учитывая тот факт, что ООН сама прибегает к услугам ЧВОК в своих миротворческих и гуманитарных операциях. Более того, сегодня практически во всех миссиях ООН, где необходимо разминирование, участвуют ЧВОК [25, с. 17].

Если же говорить о регионах, где продолжают конфликты, то такие ЧВОК, как *Serco, Inc.*, *Aegis Defense Services*, *CACI International*, *DynCorp*, *Agility* и др., в Ираке и Афганистане занимались: поддержкой военных операций по контрактам с правительством США, обеспечением транспортно-логистического сообщения, сопровождением колонн и охраной военных баз; разработкой и организационным планированием работы компаний, нанятых по Программе усиления служб тыла гражданскими специалистами (*Army’s Logistics Civil Augmentation Program*, *LOGCAP*); содействием Управлению по надзору за вооруженными контрактниками (*Armed Contractor Oversight Directorate*, *ACOD*); разведывательностью, технической поддержкой; взаимодействием с Министерством внутренних дел Афганистана по расследованию случаев применения избыточной силы со стороны контрактников; обслуживанием оперативной деятельности, подготовкой и обучением иракской полиции и пр. [26].

Одним из самых резонансных инцидентов последних полутора десятилетий стало дело *Blackwater*, когда в 2007 г. в центре Багдада в результате стрельбы, открытой контрактниками ЧВОК, погибли 17 человек [27, р. 21]. Возможно, именно поэтому Рабочая группа ООН по наемникам, созданная за два года до этого инцидента с целью разработки конвенции по регулированию

⁷ Подробнее см. резолюции ООН: *UN E/CN.4/RES/2005/2*. 2005, 7 April; *A/HRC/RES/7/21*. 2008, 28 March; *A/HRC/RES/15/12*. 2010, 6 October; *A/HRC/RES/24/13*. 2013, 8 October; *A/HRC/RES/33/4*. 2016, 5 October; *A/HRC/RES/42/9*. 2019, 4 October.

деятельности ЧВОК, не смогла уйти от наемнического стереотипа, отчасти усиленного действиями *Blackwater*. Иными словами, в глазах экспертов ООН все ЧВОК или большинство из них — это наемнические фирмы.

АНАЛИЗ ПРОЕКТА КОНВЕНЦИИ ООН: ТРУДНОСТИ ПРОДВИЖЕНИЯ

За первые несколько лет деятельности Рабочей группы ООН экспертами была проведена огромная работа по систематизации полученных данных о существующих механизмах регулирования ЧВОК на национальном уровне значительного количества стран, а также изучен практический опыт деятельности таких компаний по всему миру. Результатом работы стал проект международной Конвенции о регулировании, надзоре и мониторинге деятельности ЧВОК, представленный 13 июля 2009 г. [1].

Конвенция предлагает толковать ЧВОК весьма широко, называя ее “корпоративным образованием, предоставляющим на компенсационной основе военизированные и/или охранные услуги, обеспечиваемые физическими и/или юридическими лицами” [1]. Также под “сугубо государственными функциями” Конвенция подразумевает функции, “которые согласуются с принципом монопольного права государства на законное применение силы и которые государство не может передавать на аутсорсинг или делегировать ЧВОК ни при каких обстоятельствах. К таким функциям Конвенция предложила отнести непосредственное участие в военных действиях, ведение войны и/или боевых операций, захват пленных, законотворчество, разведка, передача знаний военного, охранного и полицейского применения, применение оружия массового уничтожения или проведение иной деятельности, связанной с ним, и осуществление полицейских полномочий, прежде всего полномочий на арест или задержание, включая допрос задержанных, и другие функции, которые государство-участник считает сугубо государственными” [1]. Из приведенной формулировки следует, что ЧВОК запрещено заниматься тренировкой и обучением персонала, а также осуществлять разведдеятельность. Так как значительное количество ЧВОК осуществляют именно такого рода деятельность, они рискуют оказаться вне закона. Известно, например, что некоторые аспекты, связанные с обучением британских военных управлению воздушными судами, выполняют ЧВОК по государственным контрактам.

В то же время документ дал определение “неотъемлемым государственным функциям” в сфере безопасности. Государствам было предложено определить список задач в области безопасности, которые должны оставаться в компетенции самих государств. Это практически невозможная за-

дача для столь разных государств, как США, где практика аутсорсинга весьма широка, и России, где недоверие к различным формам предпринимательской деятельности, тем более аутсорсингу в сфере безопасности, столь велико, что список неотъемлемых и неделируемых государственных функций в принципе можно не составлять. Более того, если в США ЧВОК разрешены и регулируются значительным количеством актов и законов, то в России частные охранные компании разрешены, а частные военизированные компании законодательно запрещены.

Интересно отметить еще одно несоответствие в проекте Конвенции. Например, документ относит такие виды деятельности, как расследование, сбор информации, спутниковое наблюдение, воздушную, наземную или морскую разведку, подготовку и обучение военного и полицейского персонала, к неотъемлемым государственным функциям, предложив запретить их исполнение негосударственными акторами. Однако одновременно он добавил эти же функции в список прочих разрешенных военизированных и охранных видов деятельности⁸.

В то же время ряд предложенных принципов представляется важным для будущего регулирования. В частности, одной из заявленных целей Конвенции было “подтверждение и укрепление принципа ответственности государства за применение силы и утверждение монополии государства на легитимное использование силы” [1].

Несмотря на предпринятые усилия Рабочей группы, предложенный ею проект не получил одобрения со стороны многих государств. В результате Резолюцией от 7 октября 2010 г. была создана *Межправительственная рабочая группа открытого состава по рассмотрению возможности создания международной нормативной базы для регулирования, мониторинга и контроля деятельности частных военизированных и охранных компаний* [28]. Ее мандат охватывал вопросы “рассмотрения возможности создания международной нормативной базы, включая, среди прочего, вариант разработки

⁸ Конвенция предлагает понимать под военизированными услугами “специализированные услуги, связанные с военной деятельностью, включая стратегическое планирование, сбор информации, расследование, наземную, морскую или воздушную разведку, воздушные операции с участием как управляемых, так и беспилотных воздушных судов и носителей, спутниковое наблюдение, подготовку военного персонала, материально-техническое снабжение и иное”. Охранные услуги Конвенция относит к “вооруженной охране или защите зданий, сооружений, имущества и физических лиц, обучению полицейских, материально-техническому обеспечению полицейских функций, разработке и принятию мер в сфере обеспечения информационной безопасности и иным типам деятельности, связанным с перечисленными” [1].

юридически обязательного документа, для регулирования, мониторинга и контроля деятельности частных военизированных и охранных компаний, в том числе для обеспечения их подотчетности, с учетом принципов, главных элементов и проекта текста, предложенного Рабочей группой по вопросу об использовании наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение” [29].

Таким образом, было принято решение отойти от первоначального варианта разработки именно конвенции о ЧВОК и предложено сначала поработать с международной нормативно-правовой базой, поискать более четкие определения, которые могли бы характеризовать контрактников, а также подумать над тем, чтобы регулирование, каким бы оно ни было в итоге, разделяло частные военизированные и частные охранные компании [29, с. 158]. На заключительной 6-й сессии Рабочей группы для обсуждения был представлен *дискуссионный документ об элементах международной нормативной базы регулирования, мониторинга и контроля деятельности частных военизированных и охранных компаний* [30].

Интересно отметить, что в этом документе на обсуждение выносятся такой пункт, как необходимость определить круг военизированных и/или охранных услуг, которые должны оставаться в ведении государства и от которых они не могут отказываться [30]. Рабочая группа пыталась подойти к проблеме неделируемых государственных функций в сфере безопасности с другой стороны, предложив правительствам подумать над тем, от чего они не могут отказаться, вместо того, чтобы предлагать им запрещать передачу чувствительных функций. Такой подход можно расценивать как некий шаг вперед, но если каждое государство будет очерчивать свой круг функций, то это открывает возможности для лоббирования в структурах ООН с целью отстоять данные функции и возможность передавать их ЧВОК.

Пожалуй, единственной бесспорной объединяющей неделируемой функцией в сфере безопасности могли бы стать *охрана, доставка, перевозка, сопровождение оружия массового уничтожения (ОМУ), а также средства его доставки*. Это бы полностью соответствовало политической линии, отраженной в Резолюции 1540 СБ ООН от 2004 г., которая требует, чтобы каждая страна предпринимала все меры для предотвращения попадания ОМУ в руки частных акторов [31].

Межправительственная рабочая группа просуществовала с 2010 по 2017 г. и в соответствии с Резолюцией от 9 октября 2017 г. ее сменила *Новая Межправительственная рабочая группа открытого состава по разработке содержания международной*

нормативно-правовой базы, без предопределения вопроса о ее характере, в целях защиты прав человека и обеспечения привлечения к ответственности за нарушения и злоупотребления, связанные с деятельностью ЧВОК. В своей работе группа должна опираться на дискуссионный документ, представленный на 6-й сессии работы предыдущей группы, чтобы “начать разработку содержания международной нормативной базы, не предопределяя вопрос о ее характере” [30]. Первая сессия новой группы состоялась 20–23 мая 2019 г., и на ней обсуждались элементы международной нормативно-правовой базы, предложенные в дискуссионном документе ранее [32]. Мандат этой группы должен был завершиться в октябре 2020 г., однако в связи с пандемией *COVID-19* вторая сессия, назначенная на 11–15 мая 2020 г., была отложена, а также было принято решение о продлении мандата еще на три года.

* * *

15-летний период работы над международно-правовым документом в отношении регулирования деятельности ЧВОК позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, если предположить, что приватизация затронула не только различные сферы деятельности, но и область права, становится ясно, почему конвенция или иной международный юридически обязывающий документ по ЧВОК буксует. На заключительной сессии первой Межправительственной рабочей группы прозвучало очень важное замечание: “Частный сектор стремится иметь правовую определенность” [30]. По мнению М. Энтина и Е. Энтиной, лоббистами Конвенции о ЧВОК частично являются представители военно-силового бизнеса [2, с. 40]. Данный тезис кажется весьма правдоподобным и в целом соответствует действительности. Целью продвижения Конвенции была заинтересованность бизнеса в легализации и получении статуса, однако представленный в 2009 г. проект не был принят, очевидно, потому, что государства мало заинтересованы в том, чтобы принимать на себя дополнительные международные обязательства. Для многих стран сотрудничество с ЧВОК вполне покрывается нормами национального права. Кроме того, когда документ начал создаваться, возникли трудности с определением неделируемых государственных функций, подходов к пониманию того, что из себя представляют ЧВОК и пр. Иными словами, идея легализации деятельности наткнулась на процедурную часть, с одной стороны, и на подход Конвенции, ориентированный на наемничество, с другой. Поэтому вместо первой Рабочей группы в 2010 г. была создана новая, а в 2017-м — еще одна.

Во-вторых, если государства более не являются единственными творцами международного права и законодательство, за которое они несут ответственность, представляет собой лишь часть регулятивной системы, может ли контроль над легитимным насилием быть возвращен государствам с помощью какого угодно международно-правового документа? Более того, стремятся ли государства вернуть себе это право и готовы ли создавать дополнительную нагрузку на бюджет, распределяя коммерческие функции по национальным организациям и институтам, обучая новый персонал и привнося дополнительный силовой компонент во внутригосударственные структуры?

В-третьих, неочевидна трансформация подходов к деятельности ЧВОК. За 15 лет работы почти в каждой резолюции встречается объединение наемников и контрактников в одну группу и повторяются призывы либо к запрещению ЧВОК, либо к ограничению их деятельности. Американский профессор в области права Рона Габор, который входил в Рабочую группу ООН по наемникам с 2011 по 2018 г., признавал недостатки в связи с тем, что мандат экспертной группы распространялся как на наемников, так и на ЧВОК. По его словам, это обстоятельство ошибочно вводит в заблуждение и уводит от права в области прав человека в сторону международного гуманитарного права. В связи с этим группа предпринимала все усилия для того, чтобы отделить наемническую деятельность от частных военизированных и охранных акторов, которые действуют в правовых рамках [33].

В-четвертых, некоторые члены делегации, которые участвовали в заключительной сессии Межправительственной рабочей группы в 2017 г., высказали сомнение “в необходимости разработки юридически обязательного документа и выразили мнение об отсутствии консенсуса в отношении дальнейших шагов по разработке такого документа” [30]. Очевидно, что системе ООН в целом очень трудно уйти от складывающегося десятилетиями подхода при разработке документов в отношении акторов, выходящих за рамки традиционных. Можно предположить, что, монополизировав право на легитимное насилие, государства изначально не предполагали институционализации приватизационных процессов в сфере безопасности. Международное право (в рамках ООН) создавалось государствами и в интересах государств. Позднее в интересах все тех же государств начался процесс аутсорсинга неотъемлемых функций и приватизации таких функций ЧВОК. При этом система международного права в рамках ООН продолжает функционировать так, как будто не замечает того,

что оно приватизируется частными структурами. Вместе с тем, обратившись к проекту Конвенции, становится ясно, что он построен не на трансформированных механизмах с применением новых инструментов, а является продолжением традиционного этатистского подхода, существующего с начала образования ООН. Ответ на вопрос о регулировании сферы частной безопасности в том варианте, в котором это предлагают международно-правовые механизмы, если однажды они все-таки заработают, при сохранении этатистского подхода, очевиден.

Наконец, можно констатировать, что в мире сегодня нет международного юридически обязывающего документа, регламентирующего деятельность ЧВОК, равно как и нет политической воли государств поставить данную сферу бизнеса под жесткий контроль. В то же время есть работающие международные документы, которые не имеют юридически обязывающего статуса и, по сути, являются сводом уже действующих международных норм, применимых как к ЧВОК, так и к тем, кто с ними сотрудничает и их нанимает. Речь идет о Документе Монтрё, Международном кодексе поведения частных поставщиков охранных услуг и Ассоциации международного кодекса поведения. Эксперты рабочих групп ООН по разработке документа в отношении ЧВОК начиная с 2008 г. неоднократно заявляли о том, что данных документов недостаточно, и критиковали за незначительное внимание к механизмам контроля и привлечения к ответственности ЧВОК за нарушения в области прав человека. Хотя с этим трудно спорить, эксперты межправительственных рабочих групп прошлого и нынешнего созывов все больше склоняются к тому, чтобы двигаться в сторону гармонизации двух международных форматов: юридически обязывающих норм в рамках ООН и “мягкого права”, предложенного в Документе Монтрё, Кодексе и Ассоциации кодекса.

Возможно, если ООН выберет это направление и начнет вырабатывать пусть не всеобъемлющее регулирование, но хотя бы такие нормы, которые затронут лишь некоторые аспекты частной силовой деятельности, ей самой будет проще нанимать ЧВОК для своих гуманитарных и миротворческих миссий, не испытывая при этом юридических и этических затруднений.

Материал подготовлен в рамках гранта ИМИ МГИМО № 1921-01-07: “Новые формы стратегической конкуренции великих держав в XXI веке” по направлению “Анализ и прогнозирование эволюции международных отношений в контексте смены технологического уклада”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Draft International Convention on the Regulation, Oversight and Monitoring of Private Military and Security Companies*. July 13, 2009. Available at: <https://mgimo.ru/files/121626/draft.pdf> (accessed 25.07.2020).
2. Энтин М.Л., Энтина Е.Г. Обратно в юридическое средневековье? *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*, 2018, № 2 (69), сс. 35-43. [Entin M.L., Entina E.G. Obratno v yuridicheskoe srednevekov'e? [Back to The Middle Age Law?]. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2018, no. 2 (69), сс. 35-43.]
3. *International Code of Conduct for Private Security Service Providers*. November 9, 2010. Available at: <https://studylib.net/doc/14926477/international-code-of-conduct-for-private-security-service> (accessed 27.07.2020).
4. Gumedze S. Pouring old wine into new bottles? The debate around mercenaries and private military and security companies. *Elimination of Mercenarism in Africa: A Need for a New Continental Approach*. Gumedze S., ed. Institute for Security Studies (ISS), Monograph series, 2008, no. 147, pp. 21-44. Available at: <https://www.files.ethz.ch/isn/103672/MONO147FULL.pdf> (accessed 27.07.2020).
5. Саваськов П.В., Сафранчук И.А. Новые аспекты военной безопасности: Пиратство и частные военные (силовые) компании. *Современные международные отношения. Учебник МГИМО (У) МИД РФ*. Торкунов А.В., Мальгин А.В., ред. Москва, АСПЕКТ ПРЕСС, 2012, сс. 519-537. [Savas'kov P.V., Safranchuk I.A. Noveye aspekty voennoi bezopasnosti: Piratstvo i chastnye voennye (silovye) kompanii [New Aspects of Military Security: Piracy and Private Military (Security) Companies]. *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya. Uchebnik MGIMO (U) MID RF* [Modern International Relations. Tutorial of MGIMO (U) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. Torkunov A.V., Mal'gin A.V., eds. Moscow, ASPEKT PRESS, 2012. pp. 519-537.]
6. Lumina C. Counting the cost: the impact of corporate warfare on the human rights of women and children in Africa. *Elimination of Mercenarism in Africa: A Need for a New Continental Approach*. Gumedze S., ed. Institute for Security Studies (ISS), Monograph series, 2008, no. 147, pp. 101-120. Available at: <https://www.files.ethz.ch/isn/103672/MONO147FULL.pdf> (accessed 27.07.2020).
7. Сырхаев А. Приватизация войны в США. *История государства и права*, 2012, № 16, сс. 46-48. [Syrkhaev A. Privatizatsiya voyny v SShA [Privatization of War in USA]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2012, no. 16, pp. 46-48.]
8. Coady C.A.J. *Mercenary Morality. International Law and Armed Conflict*. Conference Proceedings. ARSP. Beiheft, no. 46. Bradney A.G.D., ed. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 1992, pp. 55-71.
9. Mandel R. *Armies Without States: the Privatization of Security*. London, Lynne Rienner Publishers, 2002. 169 p.
10. Fallah K. Corporate Actors: the Legal Status of Mercenaries in Armed Conflict. *International Review of the Red Cross*, 2006, vol. 88, no. 863, pp. 599-611.
11. Shearer D. Outsourcing War. *Foreign Policy*, 1998. Available at: <https://foreignpolicy.com/1998/09/15/outsourcing-war/> (accessed 27.07.2020).
12. Ndlovu-Gatsheni J.S., Dzinesa A.G. One man's volunteer is another man's mercenary? Mapping the extent of mercenarism and its impact on human security in Africa. *Elimination of Mercenarism in Africa: A Need for a New Continental Approach*. Gumedze S., ed. Institute for Security Studies (ISS). Monograph series, 2008, no. 147, pp. 75-91. Available at: <https://www.files.ethz.ch/isn/103672/MONO147FULL.pdf> (accessed 27.07.2020).
13. Schwartz M. *The Department of Defense's Use of Private Security Contractors in Afghanistan and Iraq: Background, Analysis, and Options for Congress. Congressional Research Service. Report for Congress*. May 2011. 23 p. Available at: <http://www.fas.org/sgp/crs/natsec/R40835.pdf> (accessed 27.07.2020).
14. *Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I)*. June 8, 1977. Available at: https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/icrc_002_0321.pdf (accessed 25.07.2020).
15. *The Organization of African Unity Convention for the Elimination of Mercenarism in Africa*. July 3, 1977. Available at: https://au.int/sites/default/files/treaties/37287-treaty-0009_-_oau_convention_for_the_elimination_of_mercenarism_in_africa_e.pdf (accessed 25.07.2020).
16. *International Covenant on Civil and Political Rights*. December 16, 1966. Available at: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/ccpr.aspx> (accessed 27.07.2020).
17. *International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, International Covenant on Civil and Political Rights*. December 16, 1966. Available at: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/cescr.aspx> (accessed 27.07.2020).
18. *The UN International Convention Against the Recruitment, Use, Financing and Training of Mercenaries*. December 4, 1989. Available at: <https://legal.un.org/avl/ha/icruftm/icruftm.html> (accessed 25.07.2020).
19. *Report submitted by Mr. Enrique Bernales Ballesteros, Special Rapporteur. The right of peoples to self-determination and its application to peoples under colonial or alien domination or foreign occupation. Use of mercenaries as a means of violating human rights and impeding the exercise of the right of peoples to self-determination*. United Nations. Economic and Social Council. Doc. UN E/CN.4/2004/15. December 24, 2003. 21 p. Available at: https://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?m=105 (accessed 27.07.2020).
20. *Fact Sheet no. 28. The Impact of Mercenary Activities on the Right of Peoples to Self-Determination. UN Office of the High Commissioner for Human Rights (OHCHR)*. March 2002. Available at: <https://www.refworld.org/docid/479477460.html> (accessed 27.07.2020).

21. *Resolution Adopted by the General Assembly 54/151 on the report of the Third Committee (A/54/604). Use of mercenaries as a means of violating human rights and impeding the exercise of the right of peoples to self-determination.* United Nations. General Assembly. Doc. UN A/RES/54/151. February 29, 2000. 3 p. Available at: <https://undocs.org/pdf?symbol=en/A/RES/54/151> (accessed 27.07.2020).
22. *Human Rights Resolution 2005/2: The Use of Mercenaries as a Means of Violating Human Rights and Impeding the Exercise of the Right of Peoples to Self-determination*, UN Commission on Human Rights. Doc. UN E/CN.4/RES/2005/2. April 7, 2005. 6 p. Available at: <https://www.refworld.org/docid/45377c39c.html> (accessed 27.07.2020).
23. *Note by the United Nations High Commissioner for Human Rights. The right of peoples to self-determination and its application to peoples under colonial or alien domination or foreign occupation.* United Nations. Economic and Social Council. Doc. UN E/CN.4/2005/23. January 18, 2005. 26 p. Available at: https://ap.ohchr.org/documents/alldocs.aspx?doc_id=10740 (accessed 27.07.2020).
24. Badell-Sánchez D. The Age of Outsourcing: UN Peacekeeping Operations. *Peacekeeping: Global Perspectives, Challenges and Impacts*. Fernández Sánchez P.A., ed., New York, Nova Science Publishers, Inc, 2018, pp. 125-138.
25. Небольсина М.А. Сотрудничество ООН с ЧВОК в миротворческих миссиях и в операциях по постконфликтному восстановлению. *Дискурс, политика, управление. Материалы IX Конвента РАМИ*. Мальгин А.В., ред. Москва, МГИМО-Университет, 2016, сс. 17-27. [Nebol'sina M.A. Sotrudnichestvo OON s ChVOK v mirotvorcheskikh missiyakh i v operatsiyakh po postkonfliktnomu vosstanovleniyu [Cooperation of the UN with PMSCs in peacekeeping missions and post-conflict reconstruction]. *Diskurs, politika, upravlenie. Materialy IX Konventa RAMI* [Discourse, politics, management. Proceedings of the IX RAMI Convention]. Mal'gin A.V., ed. Moscow, MGIMO-University, 2016, pp. 17-27.]
26. *Transforming Wartime Contracting. Controlling Costs, Reducing Risks. Final Report to Congress, August 2011.* 248 p. Available at: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=685405> (accessed 27.07.2020).
27. Schahill J. *Blackwater. The Rise of the World's Most Powerful Mercenary Army.* New York, Nation books, 2008. 480 p.
28. *Resolution adopted by the Human Rights Council 15/26. Open-ended intergovernmental working group to consider the possibility of elaborating an international regulatory framework on the regulation, monitoring and oversight of the activities of private military and security companies.* United Nations. Human Rights Council. Doc. UN A/HRC/RES/15/26. October 7, 2010. 2 p. Available at: https://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?si=A/HRC/RES/15/26 (accessed 07.07.2020).
29. Королькова Е.Е. *Международно-правовое регулирование деятельности частных военных и охранных компаний.* Дисс. канд. юр. наук. Москва, 2019. 217 с. [Korol'kova E.E. *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti chastnykh voennykh i okhrannykh kompanii.* Diss. kand. jur. nauk [International Legal Regulation of Private Military and Security Companies. Cand. Diss. (Juridical Sciences)]. Moscow, 2019. 217 p.]
30. *Report of the open-ended intergovernmental working group to consider the possibility of elaborating an international regulatory framework on the regulation, monitoring and oversight of the activities of private military and security companies on its sixth session. A/HRC/36/36.* August 4, 2017. 9 p. Available at: https://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?si=A/HRC/36/36 (accessed 27.07.2020).
31. *Resolution Adopted by the Security Council 1540 (2004).* United Nations. Security Council. Doc. UN S/RES/1540 (2004). April 28, 2004. 4 p. Available at: [https://undocs.org/S/RES/1540\(2004\)](https://undocs.org/S/RES/1540(2004)) (accessed 27.07.2020).
32. *Progress report of the open-ended intergovernmental working group to elaborate the content of an international regulatory framework, without prejudging the nature thereof, to protect human rights and ensure accountability for violations and abuses relating to the activities of private military and security companies on its first session. A/HRC/42/36.* July 16, 2019. 15 p. Available at: https://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?si=A/HRC/42/36 (accessed 27.07.2020).
33. *Remarks by Gabor Rona. UN Working Group on the Use of Mercenaries, Montreux +5 Conference, December 11–13, 2013.* Available at: <https://newsarchive.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=14105&LangID=E> (accessed 27.07.2020).

**THE PROBLEM OF INTERNATIONAL CONVENTIONAL REGULATION
OF PRIVATE MILITARY AND SECURITY COMPANIES**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 5, pp. 95-106)

Received 16.09.2020.

Mariya A. NEBOL'SINA (nebol'sinama@gmail.com),

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow 119454, Russian Federation.

Acknowledgments. The article was supported by a grant from the International Studies Institute at MGIMO University, (Project No. 1921-01-07): "New Forms of Strategic Competition of the Great Political Powers in the 21st Century" as part of the "Analysis and Forecasting the Evolution of International Relations in the Context of a Changing Technology" project.

The article examines the preconditions for the development of a UN convention on Private Military and Security Companies (PMSCs), and raises the question of the actors interested in creating such a document. It seeks to explain why the convention remained at the draft level, through the prism of contradictions associated with the development of international legal norms in relation to the known phenomenon of mercenarism, and in relation to new military-security structures. The present text is devoted to the analysis of the problems in determining PMSCs' status and in separating them from such illegal actors as mercenaries, as well as to studying the difficulties associated with the

promotion of the UN International Convention on the Regulation, Oversight and Monitoring of Private Military and Security Companies, that arise in the scientific community and within the UN itself. In addition, the article touches upon the problem of privatization of international law and discusses intentions of private military and security industry to privatize specific issues of PMSCs' regulation. It emphasizes the role of non-state actors that seek ways to participate in and influence the process of international conventional regulation. On the one hand, international legal binding mechanisms aimed at regulation of PMSCs are nagging. On the other hand, current legal norms are imperfect and seem to be inappropriate for the regulation of the fast growing and evolving phenomenon – PMSCs. The combination of states' and non-state actors' interests at the international level challenges the system of current conventional mechanisms. Besides, numerous approaches to the identification of the range of inherent governmental functions in military sphere vary from one state to another. Similarly, some PMSCs do not see any conflict with their unclear legal status while others seek ways to come out from the shadows of obscurity and clarify their status within the international law. The article tries to unveil a range of different problems in private security sphere and explain both the complexity of private military and security industry, the ambiguous approaches towards regulation of PMSCs and the challenges the international law faces with the emergence of new non-state military and security phenomenon.

Keywords: non-state actors, private military and security companies (PMSCs), mercenaries, UN, armed conflicts, private functions in security sphere, international law regulation, privatization of law.

About author:

Mariya A. NEBOL'SINA, Candidate of Political Sciences, Researcher Associate, Center for Euro-Atlantic Security, International Studies Institute.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-95-106

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА:
В ПОИСКАХ СВОЕГО ПУТИ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТЕСТЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ
В ФОКУСЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ИНТЕРНЕТ-СМИ И СОЦСЕТЕЙ

© 2021 г. Е. Косевич

*КОСЕВИЧ Екатерина Юрьевна, кандидат политических наук,
Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20
(ekaterina.kosevich@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 10.03.2020.

Анализируя информацию, публикуемую в региональных интернет-изданиях, а также самые популярные среди латиноамериканских пользователей социальных сетей хештеги, автор делает попытку рассмотреть основные темы общественного дискурса, касающиеся массовых уличных манифестаций, которые захватили Латинскую Америку осенью 2019 г. Цели настоящего исследования – определение основных причин общественного недовольства, а также выявление главных проблем, обсуждаемых латиноамериканцами.

Ключевые слова: массовые протесты, Латинская Америка, СМИ, Интернет, социальные сети, экономический кризис, неравенство, коррупция.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-107-116

В современном обществе могут быть разные источники, освещающие текущие общественные проблемы, но среди них именно средства массовых коммуникаций (СМИ) и социальные сети являются главными поставщиками информации, которая впоследствии становится основой доминирующих в общественном мнении трактовок. Телевидение, Интернет и газеты “выстраивают” познавательный и эмоциональный кругозор, через который общество воспринимает происходящие события. Поэтому сегодня, изучая общественное мнение, надо исходить из принципа, как бы парадоксально он ни звучал, что то, что не было освещено в СМИ, не происходило вовсе.

Существующая взаимозависимость между СМИ и общественными движениями достаточно противоречива. С одной стороны, общественные движения не способны контролировать свой собственный образ, который массмедиа активно транслирует обществу. Построение нужного ракурса событий в первую очередь зависит от воли и намерений главных средств массовой информации, в основном телевидения и прессы, которые в интересах своих владельцев, тех или иных политических сил часто игнорируют “ненужные” события или же полностью искажают их. Но с другой стороны, средства массовой информации зачастую становятся гесторами и посредниками между гражданским обществом и действующими властями, транслируя вверх общественные требования, в ряде случаев превращаясь в борцов за справедливость [1].

Оценка степени влияния средств массовой информации и социальных сетей является особен-

но важной, когда речь заходит о формировании спектра мнений в отношении социальных протестов. Интернет, открывающий новые возможности общения через крупнейшие социальные сети, постепенно меняет информационное пространство, совсем недавно казавшееся полностью монополизированным традиционными средствами массовой информации [2]. К началу третьего десятилетия XXI в. мобилизационные возможности социальных движений заметно расширились и в первую очередь за счет новых ресурсов глобальной сети, обеспечивших протестующих более широким охватом и большей степенью воздействия. С появлением *Web 2.0*¹ и активным развитием социальных сетей протестные движения смогли заручиться новыми способами влияния на общественное мнение. В последние годы массовые манифестации, прокатившиеся в различных частях мира, использовали именно социальные сети в качестве платформ для объединения, распространения информации и мотивации. Степень воздействия, оказанного ими на людей, была различной. Однако всему миру была продемонстрирована особая сила соцсетей в качестве эффективных инструментов для сплочения общества и укрепления демократии [3].

Twitter уже превратился в ведущий источник инструментальной информации, помогающий успешной координации действий протестующих,

¹ *Web 2.0* – методика проектирования систем, основанная на принципе привлечения пользователей к наполнению и многократной выверке информационного материала. Развитие технологий *Web 2.0* привело к тому, что социальные сети обрели осязаемую основу в виде порталов и веб-сервисов.

который активно участвует как в организации крупных социальных протестов, так и в политической жизни мира [4]. Твит², единожды опубликованный одним из множества лидеров мнений, становится предметом повестки дня СМИ. Цепи вещания и мотивации, которые создают сообщения, публикуемые в *Facebook*, видео, размещенные на *YouTube*, или фотографии, выставленные в *Instagram* и *Flickr*, уже сыграли заметную роль в массовых протестах, прогремевших в разных частях планеты. Ряд прецедентов уже доказывает, что для организации массового протеста посредством соцсетей достаточно нескольких часов. И этот процесс по своей скорости явно опережает процедуру принятия государственных решений. Социальные сети позволяют каждому пользователю в резкой и эмоциональной форме давать оценки, хештеги³ различным событиям и персонам, предлагая их собственные характеристики и тем самым мотивируя большее количество людей участвовать в протестных акциях. А вся информация, один раз попавшая в Интернет, молниеносно распространяется и развивается, начиная “жить собственной жизнью” в бескрайнем киберпространстве, несмотря на желание официальных властей любым способом ее нейтрализовать.

Латинская Америка, пока еще заметно отстающая по уровню “цифровизации” от западных стран, также не осталась в стороне от этих глобальных трендов. В данном регионе мира количество людей, имеющих доступ в Интернет, на сегодня составляет около 70% населения. Но в то же время для большинства жителей Латинской Америки именно крупнейшие телеканалы и газеты по-прежнему остаются “основным источником понимания мира”. В этом контексте обзор информационных статей, посвященных осенним манифестациям 2019 г., которые были опубликованы в ведущих газетах Латинской Америки, позволит выявить основные точки зрения на факторы и причины этих событий, а также на главные проблемы, обсуждаемые латиноамериканцами.

Обращение к различным источникам, как стран, в которых произошли протесты, так и государств, которых подобный кризис миновал, поможет читателям по-новому увидеть сложившуюся в странах континента социально-политическую ситуацию.

В настоящей статье не будет представлен анализ особенностей и новых тенденций социальных протестов, периодически вспыхивающих в отдель-

ных латиноамериканских странах, не будут приведены официальные позиции их правительств в отношении этих событий. Данная проблематика уже стала предметом множества исследований как отечественных, так и зарубежных авторов [5, 6, 7]. Задачей этой статьи является анализ информации, посвященной нынешним социальным протестам, которая была опубликована в ведущих региональных интернет-СМИ и активно обсуждалась в социальных сетях, с целью определения основных причин общественного недовольства, а также выявления главных проблем, обсуждаемых латиноамериканцами. При этом автор не претендует на подробное освещение произошедших событий.

В первой части статьи представлен обзор материалов, посвященных социальным протестам осени 2019 г., которые были опубликованы в онлайн-изданиях, имеющих наибольшее влияние, объем интернет-трафика и популярность в Латинской Америке. Вторая часть статьи посвящена обзору хештегов на тему массовых протестов, набравших наибольшую популярность среди латиноамериканских пользователей в социальных сетях. В представленном исследовании применялась методология контент- и дискурс-анализа. Во второй части работы автор использовал статистический и сравнительный анализ, позволяющий выявить наиболее обсуждаемые в соцсетях темы.

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ СМИ О ПОЛИТИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ В РЕГИОНЕ

Намеренное замалчивание и искажение информации, касающейся как самих вспышек социального недовольства в Латинской Америке, так и требований протестующих, является обычной практикой главных локальных телеканалов. История развития телевидения в этом регионе подтверждает, что на разных этапах оно происходило в контексте негласного союза политической власти с владельцами телевещательных СМИ. Между тем подобного нельзя сказать о крупнейших периодических изданиях региона, которые традиционно освещали все массовые манифестации, при этом давая происходящим событиям собственную оценку. Во второй декаде XXI в. обеспечение информированности миллионов людей, перемещающихся в интернет-пространстве, наложило определенные обязательства именно на онлайн-издания. Каждое из них оказалось вынуждено бороться за интересные и актуальные сиюминутные новости, стремясь увеличить количество просмотров своих страниц, тем самым обеспечивая больший охват опубликованных материалов. Высокая конкуренция с информацией, появляющейся в соцсетях, а также огромнейшая испаноговорящая аудитория вынуждают ведущие онлайн-газеты Латинской Америки

² Твит (англ. *tweet*) — это запись в самом популярном сервисе микроблогов в мире *Twitter*.

³ Хештег (англ. *hashtag*) — ключевое слово или несколько слов сообщения, начинающееся со знака решетки, которые используются для распределения сообщений по темам в социальных сетях и микроблогах.

давать комплексный взгляд на происходящие события, чутко улавливая меняющиеся настроения в регионе [8].

Социальные взрывы были частью политического ландшафта Латинской Америки на протяжении всей истории этого региона, достигнув своего пика в конце 90-х годов XX в. и начале XXI столетия. Без преувеличения можно утверждать, что в этой части света уже сформировалась особая культура массовых протестов, функционирующая как самостоятельный “механизм давления”, нацеленный на расширение прав и уменьшение исторически сложившейся социальной несправедливости. Осенью 2019 г. целый ряд стран Латинской Америки оказался охвачен протестами, что получило широкий резонанс в местных СМИ. Пресса пестрела яркими заголовками о том, что Латиноамериканский регион, совсем недавно стабильный и умиротворенный, оказался в “огне” общественного возмущения.

Начнем наш обзор со статьи мексиканской газеты *El Universal*, которая является самой читаемой в регионе, на протяжении десятилетия прочно удерживая звание лидера по популярности. В ряде публикаций этого издания, посвященных событиям осени 2019 г., протестная волна связывалась непосредственно с экономической нестабильностью. “Главной и самой общей причиной политических кризисов, которые сотрясли сразу несколько латиноамериканских стран, стоит считать именно экономический спад, — писал мексиканский исследователь Ф. Нейра Орхуэла [9]. Данный подход является одним из самых распространенных в статьях, посвященных анализируемым протестам, в которых приводятся данные, подтверждающие взаимосвязь между ростом общественного недовольства и негативными экономическими показателями. Различные авторы сходились во мнении, что Латинская Америка в отличие от других регионов практически не пострадала от мирового экономического кризиса 2008 г. При этом в последнее время она демонстрирует наибольшее по сравнению с другими частями света замедление роста экономики.

Так, колумнист ведущей колумбийской газеты *La República* В.Х. Бесера отмечал, что латиноамериканский регион ежегодно экономически растет лишь на 0.6%, что является крайне низким показателем (приводятся данные отчета Международного валютного фонда). Это неизбежно повлекло сокращение бюджетных расходов, которому подверглись абсолютно все экономики региона, что напрямую было связано с изменениями, произошедшими в экономическом развитии Китая: коррекция спроса Пекина привела к падению цен на сырье, экспортируемое из стран Латинской Америки [10]. Предыдущий период экономического

подъема, который продлился в Латинской Америке с 2003 по 2013 г., ознаменовался сразу рядом положительных результатов: во-первых, цены на сою, медь, нефть и драгоценные минералы значительно выросли, а, во-вторых, в целом заметно улучшились условия торговли. Все это привело к тому, что совокупные доходы государств заметно повысились: у Аргентины — на 120%, у Чили — на 156, у Бразилии — на 131, а также на 274% у Венесуэлы [11]. Но начиная с 2013 г. и вплоть до сегодняшнего дня цены на ключевые позиции латиноамериканского экспорта неуклонно понижались, а условия торговли ухудшались. Конец бума на сырьевые товары привел к экономической неопределенности в рамках всей Латинской Америки, затронув абсолютно все страны без исключения. С начала XXI в. неравенство в доходах заметно сократилось, но при этом доля населения региона с доходами ниже порогов бедности выросла и составила 23%. Если в 2002 г. в положении крайней нищеты в Латинской Америке находились 57 млн человек, то к 2017 г. эта цифра выросла до 62 млн [12]. Чилийский политолог Паз Милет отмечала, что “каждый социальный кризис имел свою особенность, но их общая проблема — это экономический упадок” [13]. В своей работе она назвала главной проблемой современной Латинской Америки именно нисходящий экономический цикл, который начался в 2013 г. и ознаменовался возвращением к условиям жизни начала XXI в., уже казавшимся для латиноамериканцев навсегда пройденным этапом. “Именно чувство незащищенности захватило латиноамериканцев, которые видят, как рушатся их достижения, планы и надежды”, — подчеркивал в своей статье в чилийском издании *Diario Financiero* А. Валенсуэла, политолог и бывший заместитель государственного секретаря по Латинской Америке в администрации Барака Обамы (2009–2017 гг.) [14].

Иную позицию занимают авторы материалов, в центре внимания которых находится концепция экономического детерминизма, связывающая возникновение социального неравенства с наличием классовых противоречий и эксплуатацией. По их мнению, нарастание протестных настроений обусловлено неправильным устройством экономики. Стоит отметить, что рассмотрение проблем современной политической экономии через призму марксистского подхода особенно распространено среди латиноамериканских авторов статей, посвященных акциям социального характера [15]. Именно такой подход был избран авторами статьи под ярким заголовком “Латинская Америка в огне” [16]. Главной причиной современных массовых манифестаций в ней называлась неправильная экономическая модель, которую начиная с 1990-х годов различные латиноамериканские правительства пы-

тались повсеместно внедрить. В публикации подчеркивалось, что такие модели социально-экономического развития были нацелены прежде всего на сохранение финансовых выгод и преимуществ в руках немногочисленной элиты, а не на создание новых рабочих мест и уменьшение социального неравенства. При этом с каждым годом все более заметным становилось сокращение финансирования таких важных сфер, как образование, здравоохранение и инновационные технологии. Все это привело к тому, что социально-экономическая ситуация ухудшилась, неравенство увеличилось, а население все сильнее начинало ощущать, что уровень его жизни падает с каждым днем, следствием чего стал рост недовольства властями. Как писал кубинский политолог, исследователь Латиноамериканского института социальных наук (*FLACSO*) Э. Торрес, “нынешние протесты направлены против закрепившегося режима социального неравенства, который так и не был изменен даже при правительствах, находящихся у власти во время предыдущего периода экономического роста” [17].

“Призрачные иллюзии: средний класс в Латинской Америке” – так называлась статья в аргентинской газете *Nueva Sociedad*, иллюстрирующая другую важную причину латиноамериканских протестов, которая широко обсуждалась в ведущих СМИ региона [18]. Авторы отмечали, что подобный цикл “от процветания к экономическому коллапсу” Латинская Америка проходила за свою историю неоднократно. Но на этот раз в нем появилось качественно новое и очень важное звено, которого не было никогда прежде: за период подъема, который переживала Латинская Америка в начале XXI в., был создан самый многочисленный за всю историю этого региона средний класс. На сегодняшний день зафиксировано наибольшее число латиноамериканцев, причисляемых к небедным слоям населения, чем когда-либо прежде. В статье “Устремления и надежды латиноамериканского среднего класса под угрозой”, опубликованной в мексиканской газете *El Financiero*, подчеркивалось, что на сегодняшний день более 288 млн человек, что составляет 40% населения Латинской Америки, принадлежат к так называемому новому “уязвимому” среднему классу. При этом, по прогнозам, к 2030 г. средний класс в Латинской Америке будет включать уже 345 млн человек [19]. Указанный новый общественный слой латиноамериканцев состоит из более образованных, более любознательных и, как следствие, недоверчивых, а также скептически настроенных по отношению к руководству своей страны людей, отчаянно старающихся избежать своего возвращения назад в бедность. В статье под заголовком “Кто это – новый средний класс Латинской Америки?” экономист и политический деятель А. Серрано

Мансилья отметил, что представители этой относительно недавно сформировавшейся общественной группы населения региона крайне нетерпимы к неравенству и коррупции, так как они отчаянно стараются выжить именно как средний класс, пусть даже все еще чрезвычайно уязвимый. Еще одной важной характеристикой этой общественной группы является то, что в информационном пространстве она тесно внутренне взаимосвязана. Такая ее особенность во многом обусловлена тем, что именно в Латинской Америке на протяжении последнего десятилетия достигнута одна из самых высоких в мире скоростей передачи данных в сети Интернет [20].

Идея о том, что именно коррупция является главным бичом современной Латинской Америки, находит свое отражение во множестве публикаций с громкими заголовками: “Коррупция способна сместить правительства в Латинской Америке?”, “Латинская Америка не продвигается в борьбе с коррупцией”, “Главное в политическом кризисе в Латинской Америке: коррупция, неравенство и стагнация” и др. [21, 22, 23]. Примечательно, что во многих статьях авторы сходились во мнении, что спад экономики, прямым следствием которого стало сокращение объема государственных социальных расходов, постепенно еще более усугубил ослабление политической системы, и так постоянно подпитываемое коррупционными скандалами, в частности “Делом Одебрехта”⁴. Получив широкий общественный резонанс в рамках региона, “Дело Одебрехта” стало нарицательным для латиноамериканской общественности, продемонстрировав на весь мир, что коррупция, столь глубокая и распространенная абсолютно по всей Латинской Америке, подрывает легитимность политической власти. Авторы перечисленных выше статей отмечали, что финансовая, политическая и интеллектуальная элита Латинской Америки оказалась не в состоянии понимать и контролировать все то, что происходит в обществе. И это еще больше ослабило социальную сплоченность, предоставив возможности как для новых, так и для старых популистов, а также для последователей авторитарной модели, которые, прикрываясь лозунгами “порядка и стабильности”, стремятся уничтожить

⁴ Дело Одебрехта (исп. *El Caso Odebrecht*) – масштабное совместное расследование Министерства юстиции США и правоохранительных органов 10 латиноамериканских стран в отношении бразильского конгломерата *Odebrecht*. В рамках него было раскрыто, что указанная компания на протяжении последних 20 лет для получения особых преимуществ по государственным контрактам систематически давала взятки действующим и бывшим президентам и крупным правительственным чиновникам 12 государств (Ангола, Аргентина, Колумбия, Эквадор, США, Гватемала, Мексика, Мозамбик, Панама, Перу, Доминиканская Республика и Венесуэла). Особый общественный резонанс дело Одебрехта получило именно в Латинской Америке.

правовое государство, тем самым еще больше обостряя региональную политическую поляризацию.

Наиболее многочисленную группу составляли статьи, назвавшие именно социальное неравенство главной причиной массовых манифестаций. Это неудивительно, ведь единым лейтмотивом абсолютно всех прошедших протестных акций стала именно борьба против социальной дифференциации. Латинская Америка занимает первое место в мире по степени неравенства в распределении доходов в обществе [24]. Больше нигде на всей планете реально существующее классовое деление общества не проявляется столь же очевидно. Жизнь слоев общества, включающих очень богатых и просто обеспеченных, протекает полностью отдельно от бедных и очень бедных социальных групп латиноамериканцев, составляющих преимущественное большинство населения региона. Примечательно, что среди авторов статей нет согласия в отношении самой природы латиноамериканского неравенства. Так, некоторые авторы трактуют это как естественное состояние латиноамериканских обществ, рассматривая проблему сквозь призму социологического понимания социального конфликта у М. Вебера как деление общества на специальные слои, а также возникающие между общественными группами разногласия [25, 26]. Именно такой подход выбрал аргентинский журналист и писатель М. Капаррос в своей статье “Что такое равенство?”, опубликованной в газете *The New York Times América Latina* [27]. В материале отмечалось, что начиная с колониального периода и вплоть до наших дней экономическое развитие латиноамериканских стран происходило по принципу пирамиды: все доходы и, как следствие, привилегии неизменно оседали в руках меньшинства. Между тем автор акцентировал, что категории “неравенство” и “равенство” относительные, что заводит латиноамериканское общество в определенный тупик. “Кто именно определяет разумную степень равенства и сносную степень неравенства?” — спрашивал М. Капаррос, подчеркивая, что главной проблемой современной Латинской Америки является то, что “беспреданно жалуясь на глубокое социальное неравенство, почти никто не знает и не решается определить альтернативный путь”. Согласно мнению автора статьи, выход из сложившейся кризисной ситуации кроется в определении разумной, сносной степени неравенства, которая позволит избежать роста социальной поляризации. Стоит отметить, что подобного подхода придерживается заметное меньшинство латиноамериканских аналитиков и журналистов. В подавляющем большинстве публикаций делался акцент на то, что именно неравенство, достигшее в последние годы невиданных никогда прежде показателей и не являющееся естественным состоянием для этого

региона, привело в движение массы. Автор статьи под заголовком “Латинская Америка недооценила неравенство”, опубликованной в аргентинской газете *ANSA Latina*, А. Барсенас выразил, пожалуй, самую популярную позицию в регионе [28]. В материале подчеркивается, что после десятилетий диктатур, милитаристских режимов и авторитарных правительств, которые пережили практически все латиноамериканские государства, от долгожданного перехода к демократическому режиму наряду с правом избирать и быть избранными латиноамериканцы с нетерпением ждали наступления долгожданного экономического благополучия, затрагивающего всех и каждого. Но в реальности формально-юридическое закрепление демократических принципов оказалось недостаточным для оправдания этих надежд — доходы и дальше продолжали оседать в руках меньшинства. В статье, носящей простое название “Социальное неравенство — главная причина кризиса в Латинской Америке”, опубликованной в колумбийской газете *El Espectador*, отмечалось, что в подобном “тупике” оказались абсолютно все латиноамериканские страны, включая даже “образцовые” государства региона, такие как Чили и Аргентина [29].

В разных текстах нашла свое отражение идея о том, что главной проблемой политического кризиса в регионе являются “соблазн авторитаризма” и “дефицит демократии”. Так, множество авторов писали о том, что идеи авторитаризма никогда не оставляли Латиноамериканский регион. В статье “Латинская Америка: демократия на вулкане”, опубликованной в аргентинской газете *Clarín*, высказано мнение, что подобно Симону Боливару, который 26 декабря 1825 г. был назначен пожизненным главой Перу, при этом не скрывая своего желания одновременно стать и пожизненным руководителем Великой Колумбии, многие последующие латиноамериканские лидеры жаждали последовать его примеру [30]. И на сегодняшний день в Латинской Америке выделяется ряд президентов, которые не собираются оставлять свои посты, несмотря на явное недовольство их правлением со стороны населения⁵. “Демократия в кризисе в Ла-

⁵ В первую очередь это касается Венесуэлы, где Уго Чавес (1999–2002, 2002–2013 гг.), а затем его преемник Николас Мадуро (2013 г. — н. в.) в общей сложности находятся у власти уже более 20 лет подряд. Вторым наиболее яркими примером является супружеская пара Даниэль Ортега и Розарио Мурильо (1985–1990, 2007 г. — н. в.), выигравшие президентские выборы в Никарагуа несмотря на то, что они были признаны латиноамериканской общественностью фальсифицированными. Чета Ортега–Мурильо планирует оставаться у власти до 2022 г. — дольше, чем кто-либо из президентов, возглавлявших эту страну. Третьим ярким примером является Куба, бразды правления которой с 1959 г. находившиеся в руках у Фиделя и Рауля Кастро, лишь в 2018 г. перешли к Мигелю Диасу-Канелю. Подобная тенденция не обошла стороной и Аргентину, переживающую сейчас са-

тинской Америке?” – так называется статья колумбийского аналитика Ф. Кортеса Родаса, который в своей колонке в газете *El Colombiano* отметил, что кризис доверия демократической системе в текущем десятилетии стал общей тенденцией для всего Запада. Однако он приобретает особенно последовательную форму именно в Латинской Америке благодаря наличию структурной поляризации, характерной для глубоко неравных обществ с асимметричным доступом к власти, а также элиты, способной удерживать ее в своих руках долгое время различными идеологическими средствами [31]. “Люди хотят демократии, но они не верят в тех, кто правит” – гласил заголовок статьи в газете *El Tiempo*, в которой подчеркивалось, что в последние годы все более очевидным становится снижение доверия латиноамериканцев к политическим институтам в целом и к представительным органам государственной власти в частности. Автор отметил, что рост недоверия уже прочно закрепившимся в этом регионе дефицитом демократии начал нарастать с начала XXI в. [32]. Как отметила М. Лагос, директор регионального аналитического центра *Latinobarometro*, в статье “Почему в Латинской Америке нет новых лидеров от левых партий?”, руководства левых движений очень долгое время готовились к тому, чтобы сконцентрировать власть в своих руках. Сейчас же у этой власти полностью отсутствуют ресурсы, позволяющие со временем себя обновлять [33]. В итоге латиноамериканская политическая элита стала ассоциироваться лишь с рядом единоличных лидеров, принципы правления которых постепенно стали менее демократичными. По мнению этого автора, сложившаяся ситуация отягощается тем, что в отличие от Соединенных Штатов в законодательстве большинства латиноамериканских стран нет четких ограничений, которые препятствовали бы возвращению к власти бывших лидеров. И подобный “пробел” существенно осложняет процесс смены руководства как левых, так и правых партий.

Отдельно стоит сказать и о немногочисленных статьях, в которых в связи с прокатившейся по региону волне социального недовольства основной акцент сделан на “русском следе”. Вышедшая в газете *El Tiempo* статья так и называлась “И вновь возродилась версия о том, что Россия стоит за протестами в Латинской Америке и Колумбии” [34]. Ее автор со ссылкой на отчет Государственного департамента США, в котором говорится о влиянии Москвы на рост социальных протестов через активное распространение твитов, пропагандирующих экстремизм и дискредитирующих действующую

высокую инфляцию после Венесуэлы в региональном разрезе. Ныне управление страной вновь оказалось в руках семейства Кишнер, которое уже возглавляло Аргентину с 2003 до 2015 г.

щие власти, отметил, что, согласно этим данным, около 10% всех сообщений, поддерживающих осенние протесты в *Twitter*, писались с аккаунтов, зарегистрированным в России. В статье “Влияние Кремля на южноамериканские политические кризисы при помощи ФСБ России”, опубликованной в ведущем общественно-политическом интернет-издании Аргентины *Infobae*, отмечается наличие у России четкого плана, заключающегося в “намеренном разжигании нестабильности в регионе” [35]. Здесь следует обратить внимание еще на один важный момент. Идея иностранной интервенции и вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран, происходящих в контексте борьбы за передел зон влияния между Западом и Россией, проходит красной нитью во всех материалах, поднимающих вопрос о возможном участии Москвы в разжигании социальных протестов. При этом авторы сходятся во мнении, что подобный конфликт из-за раздела сфер влияния, где Россия и западные страны выступают активными участниками, а сама Латинская Америка лишь объект борьбы между ними, неизменно приведет к изменению системы международных отношений, до настоящего времени опирающейся на баланс сил.

НЕДОВОЛЬСТВО В ЗЕРКАЛЕ СОЦСЕТЕЙ

Широкое использование организационных возможностей новых информационных технологий стало одним из самых заметных маркеров нынешних протестов, характеризовавшихся отсутствием публичных лидеров, а также преимущественно молодежной базой. Новой отличительной чертой подобных акций стало активное вовлечение в их организацию крупнейших социальных сетей: *Twitter*, *Facebook*, *YouTube*, *Instagram* и *Flickr*. Обсуждения, критика и негодование по поводу происходящего переместились в иную информационную плоскость, которая оказалась неконтролируемой властями и потому полностью самостоятельной. Превратившись в неиссякаемый источник подогрева общественного возмущения, комментарии и хештеги фактически выражали лозунги и требования манифестантов. “Хештеги – это современный способ организовать разговор между разными людьми”, – отмечает М. Карпендер-Аревало, бывший региональный директор по Северной и Южной Америке компании *Twitter* [36]. Четко сформулированный предмет интерактивного диалога, который ведется между разными людьми, является главной задачей хештегов, которые стали способом следить за наиболее актуальными темами и выражать коллективное мнение. Это и определяет высокую популярность одних хештегов и низкую других. В данном разделе статьи представлен краткий обзор самых популярных хештегов, касающихся

недавней протестной волны, которые использовались латиноамериканскими пользователями в наиболее читаемых и обсуждаемых публикациях в ведущих социальных сетях.

Метка *#AmericaSeLevanta* (Латинская Америка поднимается), которым подписывали публикации со всех крупных латиноамериканских манифестаций, стал лейтмотивом протеста против неолиберализма. Хештег *#LaMarchaMasGrandeDeChile* (Самая большая манифестация в Чили), созданный анонимным пользователем, был использован в *Twitter* свыше 2 млн раз, собрав за один день на протестные акции в центре Сантьяго около полутора миллиона человек, а также сотни тысяч в крупнейших городах страны. Чилийское протестное движение во всемирной паутине получило название *#ChileDesperto* (Чили проснулась), молниеносно распространившись по самым популярным социальным сетям. Ставя этот хештег, пользователи активно делились фотографиями и видео, в которых участники протестов подросткового возраста жестоко избивали сотрудники национальной полиции. Многочисленные нарушения прав человека, которые были совершены представителями сил безопасности, стали отдельной темой для самых часто используемых хештегов, циркулирующих в Интернете. Наиболее популярными из их стали: *#ChileViolaLosDerechosHumanos* (Чили нарушает права человека), *#PiñeraViolaLosDerechosHumanos* (Пиньера нарушает права человека), а также *#estopasaenChile* (Это происходит в Чили). Публикации, подтверждающие огромное количество выведенных на улицы военных, а также их бесчинства по отношению к протестующим, получили в сети хештег *#NoEstamosEnGuerra* (Мы не находимся в состоянии войны).

Протестные акции в Эквадоре против пакета экономических реформ, принятого президентом Ленином Морено (2017 г. — н. в.) и ставшего условием выданного этой стране Международным валютным фондом (МВФ) кредита, сопровождались активными обсуждениями в соцсетях. Хештег *#EstoNoEsUnParo* (Это не забастовка) использовался наибольшее количество раз (более 11 тыс.) при публикации фотографий с площадей, где проходили массовые акции [36]. Сюжеты, подтверждающие многочисленные нарушения прав человека, которые были совершены представителями сил безопасности, публиковались под хештегами *#EcuadorPaísdePaz* (Эквадор — мирная страна) и *#NoALaViolencia* (Нет насилию). Во время одной из пресс-конференций президент Ленин Морено прокомментировал следующее по поводу указа правительства о прекращении топливных субсидий: “Я не буду менять это решение. Субсидии отменены. Халява закончилась” [37]. Это заявление молниеносно нашло свой отклик в сети в другом

популярном хештеге *#YoTambienSoyZangano* (Я тоже халявщик), подтверждающем крайнее негодование эквадорского общества по поводу начатых реформ. Примечательно, что его многократно использовал в своих публикациях и предыдущий президент Рафаэль Корреа (2007—2017 гг.), который не скрывал своего желания вновь вернуться на пост главы государства. При этом эквадорский народ оказался не готов вновь видеть его у власти, что подтверждается множеством публикаций, в которых пользователи обвиняли предыдущего главу в коррупции, ставя под ними метку *#CorreaOdiaAEcuador* (Корреа ненавидит Эквадор). Другими наиболее часто используемыми хештегами в дни демонстраций в Эквадоре стали *#LaLuchaVaPorqueVA* (Борьба продолжается и будет продолжаться) и *#ElParoNoPara* (Стачка не останавливается).

В Колумбии основными причинами массовых манифестаций, которых не было в этой стране уже на протяжении последних десятилетий, стало недовольство социальной и экономической политикой правительства Ивана Дукес Маркеса (2018 г. — н. в.). Огромное количество сообщений с хештегами *#YoParoEl21NSinMiedo* (Я выйду 21 ноября без страха) и *#EstudiantesALaCalle21N* (Учащиеся, выходите на улицы 21 ноября) привели к тому, что в этот день массовые народные волнения охватили всю страну. Следующими по популярности стали метки *#DuqueNoEsMiPresidente* (Дукес — не мой президент) и *#FueraDuque* (Дукес уходи). Множество сообщений с хештегами *#Policiasasesinos* (Полицейские — убийцы) и *#AsesinanANuestrosNiños* (Убивают наших детей) констатировало, что колумбийские власти крайне жестокими методами разгоняли манифестантов, большинство из которых были учащимися средних школ и студентами. Гибель Дилана Круза, 18-летнего ученика последнего года обучения старшей школы, расположенной в южной части Боготы, который скончался 25 ноября, стала негласным символом чрезмерного применения силы со стороны латиноамериканских органов государственной власти, характерного для разгонов осенних манифестаций 2019 г. Причем не только в Колумбии, но и в рамках всего региона. Причиной смерти подростка послужил выстрел в голову, произведенный в упор сотрудником Антимятежного мобильного эскадрона (*Escuadrón Móvil Antidisturbios, ESMAD*)⁶, специального подразделения национальной полиции Колумбии. Это стало

⁶ Антимятежный мобильный эскадрон — специальное подразделение национальной полиции Колумбии, которое было создано в 1999 г. Его главными задачами являются восстановление общественного порядка и обеспечение безопасности населения. С момента своего создания это подразделение неоднократно подвергалось критике за неоправданную жестокость его сотрудников, а также применение агрессивной тактики при разгоне общественных манифестаций, уже приведшей к гибели нескольких мирных жителей.

отдельной “горячей” темой для обсуждений и комментариев в сети, сопровождающихся хештегами #DilanNoMurioADilanLoMataron (Дилан не умер сам, Дилана убили) и #EsmadAsesinos (ЭСМАД — убийцы). А популярная метка #colombiadeperto (Колумбия проснулась) ставилась под большинство публикаций “с мест событий”, тем самым подчеркивалась солидарность с чилийскими протестующими.

Что касается Боливии, то самыми распространенными хештегами, отражающими общие настроения общества в дни социального кризиса, стали: #BoliviaEnDictadura (В Боливии диктатура), #BoliviaMereceMAS (Боливия достойна большего), #BoliviaNoSeCalla (Боливия не замолчит), а также #HabilitenLaDemocracia (Верните демократический режим).

Массовые демарши, вспыхнувшие в двадцатых числах октября 2019 г. в Гаити против действующего президента Жовенеля Моиза (2017 г. — н. в.), проходили под лозунгами #PetroCaribechallenge (Вызов Петрокарибе)⁷. Этот слоган, молниеносно распространившийся в социальных сетях, возник из сообщения, опубликованного в *Twitter*, в котором задавался вопрос: “Где деньги Петрокарибе?”, с призывом объединить граждан Гаити для того, чтобы выйти на улицы городов и начать совместно искать проекты, которые финансировались за счет средств Петрокарибе.

⁷ Петрокарибе (исп. *Petrocaribe*) — это региональный нефтяной союз между Венесуэлой и рядом стран Карибского сообщества, созданный в 2005 г. при Уго Чавесе. Данная инициатива правительства Венесуэлы была направлена на создание альянса, состоящего из стран Карибского бассейна, которые будут покупать венесуэльскую нефть на льготных условиях оплаты. Соглашение позволяет карибским странам приобретать до 185 тыс. барр. нефти в день.

* * *

Сплоченность и взаимозависимость исторически характеризовали и продолжают характеризовать политическую жизнь Латинской Америки — особого региона, где проблемы одной страны неизменно находят отклик в других соседних государствах. Данный феномен еще сильнее проявляется в эпоху, когда люди взаимосвязаны в глобальном информационном пространстве, где информация становится опасным оружием и серьезным инструментом политической мобилизации. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что главными проблемами, вызвавшими протестные акции в регионе, стали экономическая политика, не отвечающая интересам значительных слоев населения, и экономический спад, коррупция, недопустимо высокий уровень неравенства, несоблюдение основных принципов и ценностей демократии, многочисленные нарушения прав человека, жесткая реакция со стороны властей на действия протестующих.

Основным итогом “безумной латиноамериканской осени”, как ее назвали локальные СМИ и соцсети, стало то, что всей Латинской Америке было наглядно продемонстрировано, что позиции правительств, которые, как казалось еще недавно, монопольно проводят свою политику, не считаясь с мнением большинства населения, не столь устойчивы. Прокатившиеся массовые манифестации доказали, что внутривнутриполитические процессы в странах континента вновь обрели мощную динамику под влиянием протестов, которые направлены на создание в Латинской Америке более справедливых обществ.

Данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2021 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Osvaldo L., Burch S., Tamayo E. *Movimientos sociales y comunicación*. Quito, Agencia Latinoamericana de Información ALAI. 2005. 183 p.
2. Карпов П. Н. Роль новых медиа в политической коммуникации: Интернет как инструмент формирования новой политической реальности. *Вестник РУДН, Серия Политология*, 2013, № 1, сс. 137-149. [Karpov P.N. Rol' novykh media v politicheskoi kommunikatsii: Internet kak instrument formirovaniya novoi politicheskoi real'nosti [The Role of New Media in the Political Communication: Internet as an Instrument of Setting the New Agenda]. *Vestnik RUDN, Seriya Politologiya*, 2013, no. 1, pp. 137-149.]
3. Сундиев И. Ю., Смирнов А. А. *Теория и технологии социальной деструкции (на примере “цветных революций”)*. Москва, Русский библиографический институт, Институт экономических стратегий, 2016. 433 с. [Sundiev I. Yu., Smirnov A. A. *Teoriya i tekhnologii sotsial'noi destruktitsii (na primere “tsvetnykh revolyutsii”)*] [Theory and technology of social destruction (on the example of “color revolutions”)]. Moscow, Russian Bibliographic Institute, Institute for Economic Strategies, 2016. 433 p.]
4. Comninos A. *Twitter Revolutions and Cyber Crackdowns User-generated Content and Social Networking in the Arab Spring and Beyond*. Association for Progressive Communications (APC). June 2011. 18 p. Available at: https://www.apc.org/sites/default/files/AlexComninos_MobileInternet.pdf (accessed 04.02.2020).
5. Окунева Л. С. Латинская Америка пришла в движение: в чем смысл социальных протестов октября 2019 года? *Латинская Америка*, 2020, № 1, сс. 8-21. [Okuneva L.S. Latinskaya Amerika prishla v dvizhenie: v chem smysl sotsialnykh protestov oktyabrya 2019 goda? [Latin America has set in motion: what is the meaning of social protests in October 2019?]. *Latinskaia Amerika*, 2020, no. 1, pp. 8-21.]

6. Calderón F. *Los conflictos sociales en América Latina*. PNUD-UNIR, Bolivia, septiembre de 2011. 391 p. Available at: https://www.researchgate.net/publication/301889976_Los_conflictos_sociales_en_America_Latina (accessed 04.02.2020).
7. *América Latina. Los derechos y las prácticas ciudadanas a la luz de los movimientos populares*. Favela Gavia M., Guillen D. (coordinadores), 1a ed. Buenos Aires, Consejo Latinoamericano de Ciencias Sociales – CLACSO, 2009. 272 p. Available at: <http://bibliotecavirtual.clacso.org.ar/clacso/gt/20100611112651/gavia.pdf> (accessed 04.02.2020).
8. 6 periódicos online con fuerte presencia en Latinoamérica. *Merca2.0*, 01.02.2011. Available at: <https://www.merca20.com/6-periodicos-online-con-fuerte-presencia-en-latinoamerica/> (accessed 04.02.2020).
9. Orjuela F.N. La region encendida de protesta social. *El Universal*, 24.10.2019. Available at: <https://www.eluniversal.com.mx/opinion/fernando-neira-orjuela/latinoamerica-encendida-de-protesta-social> (accessed 24.02.2020).
10. Becerra V. América Latina bajo protesta. *La República*, 7 de noviembre de 2019. Available at: <https://www.larepublica.ec/blog/opinion/2019/11/07/america-latina-bajo-protesta/> (accessed 01.01.2020).
11. OCDE/CAF/CEPAL. *Perspectivas económicas de América Latina 2018*. Repensando la situación es para el desarrollo, Éditions OCDE, París. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/leo-2018-es> (accessed 02.03.2021).
12. CEPAL. *Panorama Social de América Latina 2018*. ISBN: 9789211220087. Editorial, CEPAL, Febrero 2019. 232 p.
13. Paz Milet. “Cada crisis tiene su particularidad, pero lo comunes el cuestión a mi entoque hay a la clase política tradicional”, 9 de octubre de 2019. Available at: <https://www.uchile.cl/noticias/158390/entrevista-a-paz-milet-por-crisis-politica-en-paises-de-america-latina> (accessed 04.02.2020).
14. Valenzuela A. “Lo que más me preocupa de Chile es el caos político”. Available at: <https://www.df.cl/noticias/economia-y-politica/politica/arturo-valenzuela-lo-que-mas-me-preocupa-de-chile-es-el-caos/2019-11-07/184148.html> (accessed 02.03.2020).
15. Becher P. Notas críticas para repensar los movimientos sociales através de la teoría marxista. October 2019. *Anticapitalismos y sociabilidad es emergentes*. Experiencias y horizontes en Latinoamérica y Caribe. Publisher, Ediciones del CEISO – CLACSO.
16. América Latina en llamas. *La República*. Available at: <https://www.larepublica.co/analisis/econometria-consultores-2889073/america-latina-en-llamas-2927587> (accessed 02.03.2020).
17. Lo que moviliza es la desigualdad. *El Observador*, 26 de octubre de 2019. Available at: <https://www.elobservador.com.uy/nota/lo-que-moviliza-es-la-desigualdad-20191025211421> (accessed 04.02.2020).
18. Güemes C., Paramio L. El porvenir de una ilusión: clases medias en América Latina. *Nueva Sociedad*, 2020, № 285, pp. 49-61. Available at: <https://nuso.org/articulo/el-porvenir-de-una-ilusion-clases-medias-en-america-latina/> (accessed 30.11.2020).
19. Rathbone J.P. Aspiraciones de la clase media latinoamericana, en riesgo de frustrarse. *El Financiero*, 18.04.2014. Available at: <https://www.elfinanciero.com.mx/financiamiento/aspiraciones-de-la-clase-media-latinoamericana-en-riesgo-de-frustrarse> (accessed 30.11.2019).
20. Serrano Mancilla A. ¿Cuántas clases medias caben en la clase media? Available at: <https://www.jornada.com.mx/ultimas/mundo/2020/02/09/cuantas-clases-medias-caben-en-la-clase-media-alfredo-serrano-mancilla-9771.html> (accessed 04.02.2020).
21. Barragán M. ¿Puede la corrupción tumbar un gobierno en América Latina? *Política Exterior*, 10 de enero de 2018. Available at: <https://www.politicaexterior.com/latinoamerica-analisis/puede-la-corrupcion-tumbar-un-gobierno-en-america-latina/> (accessed 04.02.2020).
22. América Latina no avanza en la lucha contra la corrupción. Solo tres países latinos están por encima de la mitad del puntaje que mide la percepción sobre la corrupción y la región ha estado cuatro años sin mejorar en el estudio de Transparencia Internacional. *France 24*, 24.01.2020. Available at: <https://www.france24.com/es/20200124-am%C3%A9rica-latina-no-avanza-en-la-lucha-contra-la-corrupci%C3%B3n> (accessed 30.11.2019).
23. Corrupción, desigualdad y estancamiento, claves de la crisis latinoamericana. *La Estrella de Panamá*, 31.10.2019. Available at: <https://www.laestrella.com.pa/internacional/america/191031/corrupcion-desigualdad-estancamiento-claves-crisis-latinoamericana> (accessed 30.11.2019).
24. América Latina podría enfrentar la mayor desigualdad en décadas. *El Tiempo*. Available at: <https://www.eltiempo.com/mundo/latinoamerica/america-latina-y-el-caribe-la-region-mas-desigual-del-planeta-551850#:~:text=Am%C3%A9rica%20Latina%20y%20el%20Caribe%20sigue%20siendo%20la%20regi%C3%B3n%20m%C3%A1s,se%20encuentran%20en%20este%20territorio.> (accessed 04.02.2020).
25. Rubio García A. Perspectivas teóricas en el estudio de los movimientos sociales. *Circunstancia*, número 3, enero 2004.
26. Zibechi R. Los movimientos sociales latinoamericanos: tendencias y desafíos. *Osal*, enero de 2003, p. 185.
27. Caparrós M. ¿Qué es la igualdad? *The New York Times*, 28 de noviembre de 2019. Available at: <https://www.nytimes.com/es/2019/11/28/espanol/opinion/desigualdad-america-latina.html> (accessed 30.11.2019).
28. Bárcenas A. América Latina “subestimó la desigualdad”. *ANSA LATINA*, 28.11.2019. Available at: http://www.ansalatina.com/americalatina/noticia/economia/2019/11/28/america-latina-subestimo-la-desigualdad_0600d08c-391c-4762-b589-3112a23e38d9.html (accessed 30.11.2019).
29. Desigualdad social, principal causa de la crisis que vive América Latina. *El Espectador*, 01.01.2020. Available at: <https://www.elespectador.com/noticias/economia/desigualdad-social-principal-causa-de-la-crisis-que-vive-america-latina/> (accessed 30.11.2020).

30. Olivares L.A. América Latina: la democracia bajo un volcán. *Clarín*, 24.10.2019. Available at: https://www.clarin.com/revista-enie/ideas/america-latina-democracia-volcan_0_xujxO9og.html (accessed 30.11.2019).
31. Rodas F.C. ¿Democracia en crisis en América Latina? *El Colombiano*, 19 DE NOVIEMBRE DE 2019. Available at: <https://www.elcolombiano.com/opinion/columnistas/democracia-en-crisis-en-america-latina-KO11976185> (accessed 30.11.2019).
32. Castells M. La gente quiere la democracia, pero no cree en quienes gobiernan. *El Tiempo*, 30 de noviembre 2019. Available at: <https://www.eltiempo.com/mundo/latinoamerica/la-gente-quiere-la-democracia-pero-no-cree-en-quienes-gobiernan-439040> (accessed 04.02.2020).
33. Lissardy G. Por qué a la izquierda de América Latina le cuesta tanto el recambio de líderes. *BBC Mundo*, 11.11.2019. Available at: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-50019588> (accessed 10.12.2019).
34. Revive versión de que Rusia está tras marchas en A. Latina y Colombia. *El Tiempo*, 20.01.2020. Available at: <https://www.eltiempo.com/unidad-investigativa/influencia-desde-rusia-en-protestas-en-america-latina-453594> (accessed 04.02.2020).
35. La intervención del Kremlin en las crisis sudamericanas a través de la Agencia de Seguridad de la Federación Rusa. *Infobae*, 03 de noviembre de 2019. Available at: <https://www.infobae.com/america/america-latina/2019/11/03/la-intervencion-del-kremlin-en-las-crisis-sudamericanas-a-traves-de-la-agencia-de-seguridad-de-la-federacion-rusa/> (accessed 04.02.2020).
36. Chejín S.R. La pelea por las apariencias tuiteras. *GK*, 21 de octubre del 2019. Available at: <https://gk.city/2019/10/21/hashtags-paro-nacional-ecuador/> (accessed 04.02.2020).
37. Moreno Lenin: “Se eliminó el subsidio, se acabó la zanganería”. *El Diario*, 4 de octubre, 2019. Available at: <http://www.eldiario.ec/noticias-manabi-ecuador/511137-lenin-moreno-se-elimino-el-subsidio-se-acabo-la-zanganeria/> (accessed 04.02.2020).

***SOCIAL PROTESTS IN LATIN AMERICA IN THE FOCUS OF REGIONAL INTERNET MEDIA
AND SOCIAL NETWORKS***

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 5, pp. 107-116)

Received 10.03.2020.

Ekaterina Yu. KOSEVICH (ekaterina.kosevich@gmail.com),

HSE University, Myasnienskaya Str., 20, Moscow, 101000, Russian Federation.

Acknowledgements. Support from the Individual Research Program of the School of World economy and International Affairs at National Research University – Higher School of Economics is gratefully acknowledged.

The purpose of this paper is to analyze the information on current social protests, which was published in the leading Latin American news websites and actively discussed on the social media platforms to identify the main causes of public discontent and the main problems discussed by Latin Americans. The first part of the paper provides an overview of the materials on the social movements of the fall of 2019, which were published in the news websites, which are the most popular in Latin America, and have the greatest influence, and the biggest Internet traffic volume. The second part is devoted to an overview of hashtags on the topic of mass protests that have gained huge popularity among Latin American users on the biggest social media platforms. A review of informational articles on the autumn social movements, which were published in the leading Latin American newspapers, revealed the main points of view on the factors and causes of these events, and the main problems discussed by Latin Americans. An appeal to various sources, both the countries in which the protests took place and the states that have passed such a crisis, will help readers to see the current socio-political situation in a new way.

Keywords: mass protests, Latin America, media, Internet, social networks, economic crisis, inequality, corruption.

About author:

Ekaterina Yu. KOSEVICH, Candidate of Political Science, Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-107-116

ИЗ ИСТОРИИ ИМЭМО

НАЧАЛО ЭРЫ ПУТИНА (2000–2008)

© 2021 г. П. Черкасов

*ЧЕРКАСОВ Петр Петрович, член-корреспондент РАН,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (ptch46@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 21.08.2020.

Статья открывает новый цикл публикаций, посвященных деятельности ИМЭМО в 2000-е годы, приходящиеся на два президентских срока Владимира Путина (2000–2008 гг.). Анализируется внутривнутриполитический контекст развития России после ухода Бориса Ельцина, когда сложившаяся в 1990-е годы политическая система подверглась существенному реформированию. Автор констатирует, что два первых срока президента В. Путина были для России в целом успешными: укрепились расшатанные в 1990-е годы основы государства, окрепла экономика, заметно улучшились условия жизни населения, возросли активность и влияние России в международных делах. Вместе с тем снижение опасного накала внутривнутриполитической борьбы, характерного для 1990-х годов, в сочетании с созданием “вертикали власти” сопровождалось очевидными издержками для политических процессов в стране, во многом утративших состязательный характер.

Ключевые слова: ИМЭМО, Россия, Путин, Березовский, Гусинский, Ходорковский, политические реформы, консолидация государства, “вертикаль власти”, экономические реформы, Запад, США, НАТО.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-117-127

Из потрясений 1990-х годов ИМЭМО вышел, сумев сохранить ядро научного коллектива, что позволило ему продолжить изучение современного мира, который входил в XXI век с грузом старых проблем и новыми вызовами. На рубеже двух тысячелетий политические реалии, требовавшие своего научного осмысления, обозначились и в России. Аналитикам ИМЭМО, которые с середины 1950-х годов занимались главным образом изучением внешнего мира, в 1990-е годы пришлось одновременно приступить к исследованию процессов социально-экономического и политического становления постсоветской России. После ухода Бориса Ельцина 31 декабря 1999 г. страна совершенно очевидно вступала в новую эпоху, которую будут связывать с именем Владимира Путина.

Для того чтобы понять смысл и направления экспертно-аналитической работы ИМЭМО в начале XXI в., необходимо предварительно оценить те реальности внутреннего и внешнего порядка, которые возникли с приходом к власти в России В. Путина.

* * *

Когда 26 марта 2000 г. президентом России был избран В. Путин¹, мало кто мог в полной мере оценить значение и долговременные последствия этого события. Одни рассматривали Путина исключительно как ставленника “большой семьи”

ушедшего на покой Б. Ельцина и по этой причине не ждали больших перемен. Другие, как в России, так и на Западе, где СМИ изначально создали Путину негативный имидж, видели в нем только “человека из КГБ”, который способен положить конец демократическим завоеваниям 1990-х и реставрировать в той или иной форме коммунистический режим. Те же немногие, кто работал с Путиным в мэрии Санкт-Петербурга, знали его как ученика и последователя Анатолия Собчака, одного из “отцов” молодой российской демократии. О соотношении “гебистского”, консервативного и либерального начал в мировоззрении В. Путина еще долго будут спорить политики и политологи, но так и не придут к согласию.

Но никто не мог тогда и предположить, что мало кому известный до 1999 г. чиновник, избранный в 2000 г. на высший государственный пост, удержится у власти более чем на два десятилетия. Более того, столь же неожиданно он превратится в политическую фигуру мирового масштаба, что вынуждены будут признать даже его недоброжелатели.

Безусловно, своим рождением в качестве лидера России В. Путин в решающей степени был обязан Ельцину. Больной и непопулярный президент, едва избежавший импичмента, давно и тщательно подыскивал себе преемника, перебирая одну кандидатуру за другой – В. Черномырдин, Б. Немцов, С. Степашин, Е. Примаков²... Одно время на роль

¹ В.В. Путин официально вступил в должность президента Российской Федерации 7 мая 2000 г.

² По его собственному признанию, Ельцин только в течение 1999 г. рассмотрел в общей сложности 20 кандидатур на роль своего преемника.

преемника претендовал даже эпатажный саратовский губернатор Д. Аяцков, бывший директор птицефабрики³. Но все они по разным причинам не устроили Ельцина, в конечном счете остановившегося на Путине.

Вот как сам Б. Ельцин объяснил свой выбор в телефонном разговоре с “другом Биллом”, президентом США Биллом Клинтоном: “Мне понадобилось много времени, чтобы решить, кто мог бы стать следующим президентом России в 2000 году. К сожалению, в ту пору я не мог найти ни одного подходящего кандидата. Пока наконец-то, случайно, не наткнулся на него, на Путина. Я изучил его биографию, его интересы, его окружение... и я понял, что это надежный человек, который хорошо разбирается в том, что входит в сферу его ответственности. В то же время он обстоятельный и сильный человек, очень общительный, способный легко входить в контакт с потенциальными партнерами... У него есть внутренний стержень. Он силен внутренне. И я сделаю все возможное для его победы – законным путем, разумеется. И он победит. Вы будете вести дела вместе. Он продолжит линию, ориентированную на демократию и расширение контактов России. У него есть энергия и мозги, чтобы добиться успехов в этом... Я уверен, ты найдешь в нем высококвалифицированного партнера. Я глубоко убежден, что его поддержат как кандидата в 2000 году. Сейчас мы работаем над этим” [1].

Разумеется, названные Ельциным в его разговоре с Клинтоном соображения, по которым его выбор пал на Путина, представляются явно недостаточными. Да и мог ли Ельцин быть совершенно искренен с “другом Биллом”? С какой стати ему раскрывать все секреты “кремлевской кухни”?

Выбор Ельцина, помимо сказанного, объяснялся прежде всего тем, что он получил от Путина твердые гарантии: во-первых, он (Путин) не допустит реставрации коммунистического режима (его ликвидацию Ельцин считал своей главной исторической заслугой), во-вторых, обеспечит неприкосновенность самому Ельцину и членам его семьи после ухода главы государства.

Who are you, Mr. Putin? Этим вопросом озаботились все иностранные СМИ сразу же после избрания В. Путина президентом Российской Федерации в марте 2000 г. Между тем ответы на него можно было бы поискать у самого Путина. Еще 30 декабря 1999 г., будучи председателем правительства, он выступил со статьей “Россия на рубеже десятиле-

тий”, в которой утверждал, что страна нуждается в сильной и ответственной государственной власти, а также в консолидации общества. На первое место среди своих политических принципов Путин поставил патриотизм, а в социально-экономической сфере – борьбу с бедностью, обеспечение роста благосостояния населения за счет повышения эффективности российской экономики [2].

Подходы Путина к наиболее актуальным политическим и социально-экономическим проблемам России были конкретизированы и развиты им в предвыборном “Открытом письме к российским избирателям”, а также в “Стратегии развития Российской Федерации до 2010 г.”, подготовленной “мозговым центром” во главе с Германом Грефом, одним из ближайших сотрудников В. Путина еще по работе в Санкт-Петербурге.

Если в “Открытом письме” Путин апеллировал к традиционным российским ценностям, пообещав восстановить во многом утраченную государством волю в решении насущных проблем страны и установить общие для всех правила (“чем сильнее государство, тем свободнее личность”) [3], то в “Стратегии развития” излагалась система неотложных мер по “деолигархизации” и реальной либерализации экономики (отмена всех государственных льгот отдельным компаниям и предпринимателям, поддержание приемлемой для всех участников рынка конкурентной среды, введение единого невысокого налога для физических лиц, приведение социальной политики государства в соответствие с его возможностями, отказ от необоснованного популизма в социальной политике, переход к адресной социальной поддержке малоимущих слоев населения, постепенное введение конкурентно-рыночных отношений в сферах ЖКХ, здравоохранения и образования, демополизация всех монополий, включая естественные, вступление в ВТО и т. д.).

Если суммировать все предвыборные заявления Путина, то можно было сделать определенный вывод о том, что он придерживается консервативно-либеральных убеждений. Будучи безусловным государственным деятелем в политике, он в то же время не видел альтернативы либеральной модели для успешного развития российской экономики. При этом Путин не разделял мнения тех экономистов-радикалов, которые продолжали настаивать, вопреки печальному опыту 1990-х годов, на постулате о саморегулируемости рынка и фактическом отстранении государства от участия в экономической жизни. Именно поэтому либеральная экономическая модель, сформулированная Егором Гайдаром и его командой в 1992 г., которой в основных ее параметрах придерживались все последующие правительства, была существенно скорректирована Путиным в сторону более активного присут-

³ Именно в качестве своего возможного преемника Ельцин 17 мая 1998 г. представил Аяцкова президенту США Б. Клинтону, правда, уже на следующий день С. Ястржембский, тогдашний пресс-секретарь Ельцина, сказал, что президент “пошутил”.

ствия государства в экономике, включая отдельные элементы ее государственного регулирования.

В целом же фигура Путина, как и представленная им программа действий, оказались привлекательными для значительной части российского общества, уставшего от потрясений и беспредела 1990-х. «Программа Путина, представлявшая симбиоз государственничества, которое не могло не вызвать симпатий “почвенников”, как и части левых сил, и либерализма, который получил отклик уже среди “правых”, породила необычную, не встречавшуюся прежде реакцию со стороны общества, — отмечал в 2001 г. авторитетный российский историк В. Согрин. — Каждый из противоборствующих политических спектров, как и рядовые граждане, видели в программе то, что, по их мнению, составляло ядро правительственной программы. В результате программа Путина стала “инвестицией надежд” для большинства общества, что обеспечивало стране политическую стабильность, необходимую для проведения реформ» [4, с. 247].

Уже первые решения 48-летнего президента Путина показали, что он намерен последовательно реализовывать свои замыслы и предвыборные обещания⁴. Его усилия сосредоточились на трех основных направлениях: реорганизация расшатанной и ослабевшей в 1990-е годы государственной системы с целью укрепления центральной власти по всей вертикали; выстраивание новых отношений государства и бизнес-элиты путем отстранения “олигархов” от участия в принятии важнейших государственных решений; реформирование социально-экономической политики на рыночных началах.

Начало реализации задуманных Путиным реформ практически совпало с ликвидацией террористической вылазки исламистов в Дагестане и последовавшим за этим подавлением очага вооруженного сепаратизма в Чечне, что укрепило ав-

торитет президента и расширило его популярность у значительной части общества.

“Кредит доверия”, полученный президентом Путиным, безусловно, облегчал выполнение его нелегкой реформаторской миссии, которая была связана с рядом отягчающих обстоятельств: непреодоленными окончательно последствиями финансовой катастрофы 1998 г., ожидаемым сопротивлением со стороны региональных элит и олигархической верхушки бизнеса — фактических хозяев страны при ослабевшем, разбалансированном государстве, а также со столь же ожидаемыми социальными издержками курса на либерализацию экономики для подавляющего большинства обычных граждан.

Путин начал с выстраивания вертикали власти, учредив семь федеральных округов⁵, ставших связующим звеном между центром и 88 регионами России. Поставленные во главе этих округов полномочные представители (“полпреды”) президента — в подавляющем большинстве генералы — призваны были положить конец бесконтрольному самовластию губернаторов и глав национальных республик, претендовавших на самостоятельность и зачастую игнорировавших указания Москвы. Полпреды, которых неофициально стали называть генерал-губернаторами, одновременно работали над приведением законодательных актов регионов в соответствие с Конституцией Российской Федерации.

Этой же цели — обузданию “феодалной вольницы” — служила инициированная Путиным в августе 2000 г. реорганизация верхней палаты парламента — Совета Федерации, состоявшего из губернаторов и глав законодательных собраний регионов. Отныне “сенаторами” вместо выведенных из Совета Федерации губернаторов становились рядовые представители региональных законодательных и исполнительных органов, что заметно ослабило давление лидеров регионов на центральную власть, как и влияние самих субъектов Федерации. Попытка губернаторского корпуса воспротивиться реформе “Сената” была успешно нейтрализована президентом, поддержанным нижней палатой Федерального собрания — Государственной думой, изначально соперничавшей с Советом Федерации за влияние.

Недовольство региональных лидеров было отчасти компенсировано включением их в состав учрежденного в сентябре 2000 г. Государственного совета — совещательного органа при главе государства, собиравшегося три-четыре раза в год. Позднее губернаторам будет дано право выдвигать кандидатов в состав верхней палаты от своих регионов.

⁴ В. Путин согласился стать преемником Б. Ельцина не с первого раза (как свидетельствует сам Ельцин в своих воспоминаниях “Президентский марафон”) и только на определенных условиях, важнейшее из которых предполагало свободу его действий по выведению страны из системного кризиса, в котором она оказалась к концу 1990-х годов. Можно с уверенностью предположить, что далеко не все решения, принимавшиеся Путиным на посту президента, одобрялись ушедшим на покой Ельциным, но он ни разу не выступил с публичной критикой своего преемника. Со своей стороны, Путин был верен гарантиям, данным им ушедшему в добровольную отставку Ельцину. Первым из подписанных им государственных актов еще в качестве и.о. президента стал Указ № 1763 от 31 декабря 1999 г. “О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи”, предоставлявший бывшему главе государства и его семье неприкосновенность от уголовного и иного преследования, а также целый ряд преференций (гособеспечение, резиденции, охрана и т. д.).

⁵ Центральный, Северо-Западный, Северо-Кавказский (позже — Южный), Приволжский, Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа.

С губернаторской вольницей было покончено осенью 2004 г., когда под предлогом необходимости повышения эффективности работы федеральных и региональных властей в условиях обострения террористической угрозы (террористическая акция в Беслане 13 сентября 2004 г.) выборы глав регионов были заменены прямым их назначением президентом России.

Когда весной 2005 г. был принят новый закон о выборах в Госдуму исключительно по партийным спискам, губернаторы в массовом порядке (70 из 86 руководителей регионов к началу 2007 г.) потянулись в пропрезидентскую партию “Единая Россия”, имевшую в нижней палате конституционное большинство и располагавшую разветвленной сетью организаций на местах. Другим побудительным мотивом для глав регионов стать “единороссами” послужило принятие поправок к федеральному законодательству, позволяющих партии, победившей на региональных выборах, предлагать президенту своего кандидата на пост губернатора.

Вслед за губернаторами в “Единую Россию” один за другим стали вступать высшие чиновники федеральных и региональных органов власти, ректоры университетов, банкиры и топ-менеджеры крупных предприятий.

В отношениях с бизнес-элитой президент Путин определился уже в самом начале своей деятельности. В соответствии с его предвыборной программой, предполагавшей прекращение давления крупного бизнеса на власть, олигархи эпохи Ельцина (“семибанкирщина”) очень скоро утратили прежнее политическое влияние на Кремль, где в 1990-е годы они чувствовали себя как дома. Путин четко дал им понять, что отныне не страна работает на них, а им придется работать на страну, разумеется, не в ущерб их законным бизнес-интересам. В течение трех лет (2000–2003) слабое сопротивление отдельных олигархов (Б. Березовского, В. Гусинского, М. Ходорковского) было сломлено. Усвоив показательный урок, российская бизнес-элита спешила засвидетельствовать лояльность главе государства, который все более настойчиво призывал олигархов к “социальной ответственности” и более активному участию в крупных национальных проектах.

Внутренние противоречия были характерны для социально-экономической стратегии В. Путина, провозгласившего преодоление бедности своей главной задачей. Унаследованный им либеральный экономический курс, проводимый командой, сформированной из части реформаторов-гайдаровцев и их питерских единомышленников (Г. Греф, А. Кудрин и др.), неизбежно вел к принятию крайне непопулярных мер, в частно-

сти, в сфере ЖКХ, где всю тяжесть коммунальных расходов в предстоящие годы предполагалось переложить с государства, как это было во времена СССР, на самих граждан⁶. Другая непопулярная мера предусматривала радикальное освобождение к 2004 г. внутренних цен на электроэнергию, газ, нефтепродукты (бензин и дизельное топливо) и транспорт, что также ударило по интересам населения.

В целях создания конкурентной среды, отвечающей принципам рыночной экономики, правительство М. Касьянова запланировало осуществление демонополизации (реструктуризации) энергетики, нефтяной и газовой отраслей, что означало установление рыночных цен на продукты этих отраслей.

Все эти болезненные для граждан России решения президент Путин пытался сгладить энергичными мерами административного характера по ликвидации хронической задолженности в выплате зарплат и задержек пенсий, индексируя последнее, в том числе для работающих пенсионеров.

В целях стимулирования частного предпринимательства и обеспечения экономического роста Путин инициировал налоговую реформу. В 2001 г. существовавшая прогрессивная шкала налогообложения для физических лиц была заменена единым 13%-м налогом. Эта мера должна была, во-первых, минимизировать сокрытие зажиточными гражданами своих доходов, а, во-вторых, ограничить отток капиталов за границу, где в большинстве случаев подоходный налог был существенно выше.

За этим последовали снижение налога на прибыль до 24%, введение единого социального налога с регрессивной шкалой, отмена оборотных налогов и налогов с продаж. В результате общее количество налогов сократилось в 3.6 раза (с 54 до 15) [5, с. 772]. Параллельно радикально менялась система налогового обложения сырьевого сектора, перенастраивался механизм экспортных пошлин, вводился налог на добычу полезных ископаемых. Совокупность этих мер позволила увеличить долю нефтегазовой ренты, попадавшей в госбюджет, с 40% в 2000 г. до 84% в 2005 г. Сам бюджет с 2002 г. впервые за весь постсоветский период стал профицитным.

В результате проведения налоговой реформы совокупная налоговая нагрузка снизилась с прежних 35 до 27.5% к 2006 г., но при этом произошло существенное увеличение собираемости налогов, что в свою очередь стимулировало рост ВВП

⁶ Если к 2000 г. население оплачивало примерно 40% от стоимости услуг ЖКХ, то в недалекой перспективе оно должно было платить все 100%.

(в 2000 г. – 10%, 2001 – 5.7, 2002 – 4.9, 2003 – 7.3, в 2004 – 7.2%). Целям обеспечения стабильности экономического развития и создания гарантий в случае возникновения кризисных ситуаций послужило создание в январе 2004 г. Стабилизационного фонда⁷. Правильность данного решения была доказана, когда в 2008 г. грянул мировой экономический кризис, болезненно затронувший и российскую экономику.

В течение первого президентского срока Путина был принят новый Земельный кодекс (октябрь 2001 г.), закрепивший право собственности на землю (кроме земель сельскохозяйственного назначения) и определивший механизм ее купли-продажи. Следующим шагом в этом направлении стало подписание Путиным в июле 2002 г. федерального закона “Об обороте земель сельскохозяйственного назначения”, который разрешил куплю-продажу и земель сельхозназначения.

1 февраля 2002 г. вступил в силу новый Трудовой кодекс, полностью соответствовавший правилам рыночной экономики и обеспечивший более эффективное маневрирование трудовыми ресурсами.

В эти же годы (2002–2004) была проведена пенсионная и банковская реформы, а в 2005 г. – монетизация льгот, заменившая, вопреки массовым протестам пенсионеров, натуральные льготы денежными компенсациями.

Реформирование затронуло и судебную систему России. В 2001 г. был принят ряд важных законов, отвечающих духу времени: “О статусе судей в РФ”, “О судебной системе РФ”, “О Конституционном суде РФ”, “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ”. В декабре 2001 г. В. Путин подписал новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), важнейшие положения которого обеспечивали более широкие права обвиняемым и потерпевшим: обыск, задержание и арест подозреваемого отныне были возможны только по постановлению суда, а уголовное дело возбуждалось не следствием, как прежде, а только с санкции прокурора. В июле и ноябре 2002 г. Путин утвердил еще два важных правовых документа – “Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации” и “Гражданский процессуальный кодекс РФ”, исключившие “двойную” судебную практику по экономическим спорам и четко разделившие гражданское и экономическое судопроизводство.

С запуском путинских реформ происходило постепенное сокращение числа граждан, живущих ниже уровня бедности (с 29% в 2000 г. до 18% в 2004 г.). Неуклонно снижался и уровень

⁷ Позднее были созданы еще два фонда – Резервный фонд и Фонд национального благосостояния.

инфляции (1999 г. – 36%, 2000 – 20.2, 2001 – 18.6, 2002 – 15.1, 2003 – 12, 2004 г. – 11.7%) [6].

По данным Госкомстата России, реальные располагаемые денежные доходы уже в 2001 г. по сравнению с 2000 г. выросли на 5%, реальная заработная плата – на 19.8, реальная пенсия – на 21.4% (среднегодовые показатели). В 2002 г. реальные доходы населения составили 111.1% от показателей предыдущего года; в 2003 г. – 115% от 2002 г.; в 2004 г. – 110.5% от 2003 г. [7].

Очевидные успехи главы государства в “реформатировании” экономической и политической системы России, несмотря на ряд непопулярных мер, ответственность за которые в обществе по давней русской традиции склонны были возлагать исключительно на правительство⁸ (“царь-то у нас хороший, да бояре плохие”), позволили президенту Путину в марте 2004 г. уже в первом туре выборов главы государства успешно переизбраться на второй срок с впечатляющим результатом – 71.3% голосов (в 2000 г. он получил чуть менее 52% голосов в свою поддержку).

В течение второго срока президент Путин продолжил стратегический курс, сочетавший проведение либеральной экономической политики с укреплением государственной вертикали власти и более четким определением национальных интересов России в мировой политике.

В 2005 г. Путин инициировал реализацию четырех приоритетных национальных проектов в социально-экономической сфере: “Здоровье”, “Образование”, “Жилье” и “Развитие аграрно-промышленного комплекса”. Это подразумевало прекращение беспорядочного расплывания бюджетных и внебюджетных средств, их концентрацию на четырех обозначенных направлениях при одновременной мобилизации политических и административных ресурсов для успешного выполнения этих проектов. Три года спустя Путин констатировал, что это было правильное решение, существенно поправившее положение дел в здра-

⁸ За два первых президентских срока В. Путина правительство последовательно возглавляли Михаил Касьянов (май 2000 – февраль 2004), Михаил Фрадков (февраль 2004 – сентябрь 2007) и Виктор Зубков (сентябрь 2007 – май 2008). Уже в те годы в значительной части общества обозначилось достаточно четкое разделение ответственности за все происходящее в России: успехи связывались лично с Путиным, а в непопулярных решениях, болезненно затрагивающих материальные интересы рядовых граждан, обвинялись исключительно министры-либералы, группировавшиеся в экономическом блоке правительства. Любопытно, что и оппоненты Путина из правой оппозиции, как правило, избегали критиковать его экономический курс (умеренно либеральный в своей основе), сосредоточившись на критике его внутренней и внешней политики.

вохранении, образовании, жилищно-коммунальной сфере и сельском хозяйстве⁹.

В связи с тенденцией к обострению демографической ситуации в России президент Путин в начале 2006 г. объявил о мерах по стимулированию рождаемости в России, увеличении детских пособий и учреждении системы материнского капитала — формы государственной поддержки семей, воспитывающих детей (как родных, так и приемных). Эта программа, предполагавшая выплату семье за второго и последующих детей по 250 тыс. руб.¹⁰, начала реализовываться с 1 января 2007 г.

На фоне благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, при высоких мировых ценах на нефть и газ, составлявших основу российского экспорта, происходил рост ВВП: в 2005 г. — 6.4%, 2006 — 8.2, 2007 г. — 8.5% [8].

Улучшались и другие экономические показатели. С 1999 по 2007 г. индекс производства обрабатывающих отраслей промышленности вырос на 77%, в том числе производства машин и оборудования — на 91%, текстильного и швейного производства — на 46, производства пищевых продуктов — на 64%.

Экономический подъем в стране закономерно влиял и на материальное положение населения. Численность наиболее бедных россиян, находившихся за чертой бедности, сократилась до 13% в 2007 г. (с 29% в 2000 г.).

Россия становилась привлекательным рынком для иностранных инвестиций. Если в 2000 г. она приняла 11 млрд долл. иностранных инвестиций, то в 2005 г. — уже 53.7 млрд, в 2008 — 103.8 млрд, а в 2010 г. — 114.7 млрд долл. [9]. В то же время ни правительству М. Касьянова, ни последующим правительствам М. Фрадкова и В. Зубкова так и не удалось остановить поток вывоза из России “отечественных” капиталов. Утратившие бывшее политическое влияние олигархи, не чувствуя себя гарантированными от непредсказуемых действий государства, выводили существенную часть получаемой в России прибыли за границу. В отдельные годы выведенные из страны деньги превышали общий объем иностранных инвестиций. Однако правила либеральной экономики, которых придерживалась российская власть после 1991 г., ограничивали ее возможности в том, чтобы остановить эту тенденцию административными мерами.

⁹ С подобной, однозначно положительной оценкой в России были согласны далеко не все. Наибольшей критике в обществе подвергалось реформирование ЖКХ и пенсионной системы, а также здравоохранения и образования за их ползучую коммерциализацию, сопровождавшуюся снижением уровня медицинских и образовательных услуг, становившихся недоступными для малообеспеченных россиян.

¹⁰ Эта сумма постепенно возрастала: в 2008 г. она составила 276 тыс. руб., в 2009 — 312 тыс., в 2010 г. — 343.4 тыс. руб.

Президент Путин был последовательным сторонником максимального вовлечения России в глобальную экономику. Он дал новый импульс затянувшемуся с середины 1990-х годов переговорному процессу по вступлению России во Всемирную торговую организацию (ВТО). В силу разных причин эти переговоры шли трудно¹¹ и завершились лишь в августе 2012 г., когда Россия официально стала членом ВТО.

Еще в мае 2003 г. в Бюджетном послании Федеральному собранию президент Путин поставил задачу добиться полной (внутренней и внешней) конвертируемости рубля. С 1 июля 2006 г. рубль стал свободно конвертируемой валютой.

В целом результаты социально-экономической политики за два срока президентства В. Путина (2000–2008 гг.) выглядели впечатляюще, особенно в сравнении с периодом правления Б. Ельцина¹².

Авторитетный американский политолог Томас Грэм следующим образом характеризовал экономические итоги пребывания В. Путина на посту президента России: “Экономика не только вернула себе все позиции, утраченные в 1990-е, но и создала жизнеспособный сектор услуг, который практически не существовал в советский период. В России накоплен третий по объему золотовалютный запас после Китая и Японии” [10].

На Западе существовал и другой взгляд, согласно которому экономические успехи России в 2000–2008 гг. во многом были не реальными, а виртуальными, так как они искусственно с(т)имулировались. Вот что отмечал весной 2008 г. в одной из своих публикаций британский журнал *The Economist*: “В начале 2000-х Россию захлестнул поток нефтедолларов, замаскировавший экономические проблемы. По имеющимся оценкам, доля нефти и газа в ВВП России увеличилась более чем вдвое с 1999 г. и по состоянию на II кв. 2008 г. составила более 30%. Нефть и газ составляют 50% доходов российского бюджета и 65% ее экспорта” [11, pp. 20-21].

А видный американский экономист профессор Маршалл Голдман даже ввел в оборот понятие “*petrostate*” (“нефтегосударство”) применительно

¹¹ Одна из причин этого заключалась в настойчивых попытках России защитить свои экономические интересы, в частности в области сельского хозяйства. Другие причины торможения переговоров были связаны с антироссийской позицией ряда стран — членов ВТО (сначала США, затем Польши, Грузии и др.).

¹² В течение 1990-х годов уровень промышленного производства в России по сравнению с 1990 г. упал на 45%, что было сопоставимо с падением экономики во время Великой Отечественной войны. Одновременно за 1990-е годы население России впервые за послевоенное время сократилось на 10 млн человек (умерших и эмигрировавших).

к оценке экономического курса В. Путина. Российский президент, как считает Голдман, “реанализировал” основные энергетические активы и передал их в распоряжение крупных госкорпораций во главе со своими друзьями, которых американский экономист назвал новыми олигархами – “силогархами” (от понятия “силовики”) [12].

Более единодушны на Западе были в критике внутренней, а затем и внешней политики президента Путина, который, по утвердившемуся там убеждению, с самого начала имел целью изменить демократический тренд 1990-х, восстановить авторитарный режим и возродить державную мощь России (некоторые журналисты и политологи даже приписывали ему намерение в той или иной форме реанимировать СССР).

Мало кто пожелал понять, что для государственника Путина речь шла не об этом, а о том, чтобы переломить центробежную тенденцию, сохранявшуюся и после развала Советского Союза, не допустить распада России под бесконечные разговоры о “плюрализме мнений и интересов”.

Можно предположить, что из опыта 1990-х годов он извлек собственные выводы: заимствование устоявшейся западной модели демократии в условиях разбалансированного государства, растаскиваемого региональными (национальными) элитами, по крайней мере преждевременно. Классическая демократия в такой реальности, чреватой распадом всего и вся, неизбежно была бы обречена, как это уже случилось в России в октябре 1917 г. Демократия, не имеющая развитых корней, была способна лишь спровоцировать гражданскую войну (Чечня середины 1990-х) с одинаково неприемлемой альтернативой – распад России или установление в ней диктаторского режима (неважно какого – красного, коричневого или цвета хаки).

Именно поэтому, скорее всего, Путин в своей внутренней политике, не отвергая принципов демократии, отдал приоритет консолидации государства и общества, что неизбежно навлекло на него острую критику как внутри страны, так и на Западе. Эта критика началась едва ли не с момента избрания Путина на пост главы государства. Все началось уже в 2000 г. с “дел” Березовского и Гусинского, потерявших контролируемые ими телеканалы ОРТ и НТВ, которые оба олигарха умело выдавали за рупоры гражданского общества.

Позднее судьбу ОРТ и НТВ разделили еще два “независимых” телеканала – ТВ-6 и ТВС. Путину и его команде приписывали также ответственность за закрытие или смену собственников нескольких независимых от власти печатных изданий. Так или иначе, но проблема свободы слова в 2000-е годы вновь стала для России актуальной.

В декабре 2000 г. по предложению Путина был принят новый государственный гимн России, во многом заимствованный из советского, но с переписанным Сергеем Михалковым текстом¹³. Это решение немедленно было объявлено правой оппозицией доказательством реставрационных намерений главы государства, якобы ностальгирующего по СССР¹⁴.

Между тем на данную инициативу Путина можно было посмотреть и под другим углом зрения. В своем историческом мировоззрении Путин, как можно предположить на основании его многочисленных высказываний, исходит из непрерывности истории России. Он не склонен, как это делают многие, отрывать и противопоставлять один ее период другому: Петербургскую империю – Московскую Русь, Советский Союз – царской России, а современную Россию – СССР. В его понимании все это – история одной страны, пусть и с разными политическими режимами; это история, из которой не следует изымать какие-то периоды, события или исторические фигуры. Отсюда и его попытки, не всегда удачные, синтеза (скорее амальгамы) исторических ценностей и символов, принадлежащих разным эпохам.

История с гимном России – один из примеров такого рода амальгамы. Сталинские звезды на башнях Кремля по соседству с восстановленными двуглавыми орлами на Красной площади, мумия Ленина в Мавзолее, а за ним кладбище советских вождей, “попурри” (чехарда) из памятных дат – дореволюционных, советских и постсоветских¹⁵,

¹³ Как известно, с ноября 1990 г. официальным гимном РСФСР, а с декабря 1993 г. – Российской Федерации – была “Патриотическая песня” Михаила Глинки, в которой не было слов. Объявленный конкурс на написание текста российского гимна, продолжавшийся без малого 10 лет, так и не увенчался успехом, хотя в комиссию поступило свыше 6 тыс. вариантов текста. Коммунистическая оппозиция в Государственной думе настаивала на восстановлении советского гимна, написанного еще в 1943 г. Поскольку не прекращавшиеся “думские страсти по гимну” могли затянуться еще на десятилетие, инициативу взял на себя президент Путин, предложивший компромиссный вариант: оставить мелодию советского гимна на музыку А. Александрова, но с новым текстом, так как содержание предыдущего давно перестало отвечать современным реалиям. Это предложение было принято абсолютным большинством Государственной думы (лишь 51 депутат проголосовал “против” и два воздержались).

¹⁴ Другим свидетельством такого рода было названо заявление президента Путина, сделанное им 25 апреля 2005 г. в послании к Федеральному собранию, когда он назвал распад СССР крупнейшей геополитической катастрофой XX в.

¹⁵ Большинство современных министерств (иностранного дела, внутренних дел, финансов, просвещения и др.) ведут свою историю с 1802 г., когда, собственно, в России и появились министерства, и лишь ФСБ упорно продолжает считать своей родоначальницей ЧК, за которой тянется кровавый след длиной в 35 лет. Между тем в дореволюционной России существовали и Приказ тайных дел (XVII в.), и Тайная канцелярия (XVIII в.), и Третье отделение, и МВД

Санкт-Петербург и Екатеринбург, но почему-то Ленинградская и Свердловская области — все это тоже примеры неудачной исторической амальгамы.

При этом, надо сказать, президент Путин проявил твердость перед напором почитателей Сталина, настаивавших на “реабилитации” своего кумира и требовавших возвращения Волгограду его имени. Более того, Путин неоднократно публично напоминал о преступлениях Сталина перед народом, он регулярно посещает Мемориал памяти жертв сталинских репрессий, созданный при нем в центре Москвы на проспекте Сахарова.

Оппоненты Путина жестко критиковали его за выстраивание вертикали исполнительной власти за счет ущемления власти законодательной и в ущерб интересам гражданского общества, а сам он считал и неоднократно повторял: парламентская система западного типа для огромной многонациональной России не годится, потому что способна разрушить ее целостность.

Очередная волна обвинений в адрес “путинского режима” поднялась в феврале 2006 г. после того как В.Ю. Сурков, заместитель главы кремлевской администрации, курировавший вопросы внутренней политики, выдвинул концепцию так называемой суверенной демократии. Эта концепция предполагала, что, развивая демократию, государство одновременно может и обязано отстаивать собственную самостоятельность, причем настолько, насколько это целесообразно и возможно в современном мире. При этом “суверенная демократия”, по убеждению Суркова, имеет такое же право на существование, как и демократия либеральная. Очень скоро изобретение Суркова получило альтернативное название — “управляемая демократия”.

Многие подозревали, что Сурков в своих теоретических изысканиях вдохновлялся не только собственным пониманием особенностей российской демократии, но и подходом к этому вопросу президента Путина. Сурков якобы лишь “оформил” и “озвучил” позицию главы государства, который сам предпочел не высказываться на эту тему.

Объектом критики постепенно становилась и внешняя политика президента Путина, начальный этап которой (2000–2004 гг.), совпавший с первым сроком его президентства, обещал продолжение и расширение сотрудничества с Западом, определившееся в 1990-е годы. Ее “западный” вектор в числе прочих был официально зафиксирован в “Концепции внешней политики Российской

(XIX в.), наделенные функциями контрразведки. Было из чего выбрать. Можно было начать и с чистого листа, с рождения новой России, но на Лубянке предпочли сохранить верность дедушке Феликсу Дзержинскому.

ской Федерации”, которую президент Путин утвердил в июне 2000 г.

Его тогдашняя внешнеполитическая концепция¹⁶ основывалась на двух принципах: обеспечение надежной безопасности России и создание благоприятных внешних условий для поступательного развития страны. Последнее предполагало создание пояса добрососедства по периметру российских границ, поиск согласия и совпадающих интересов с зарубежными странами и межгосударственными объединениями в процессе решения задач, определяемых национальными приоритетами России, защиту прав и интересов российских граждан и соотечественников за рубежом, содействие позитивному восприятию Российской Федерации в мире.

Своеобразным толчком к сближению России с США и Западом в целом послужили террористические акты 11 сентября 2001 г., когда президент Путин незамедлительно и твердо солидаризировался с Вашингтоном и дал согласие на участие России в антитеррористической коалиции, созданной США для борьбы с режимом талибов в Афганистане. Россия предоставила свое воздушное пространство для транзита военных грузов и военнослужащих США и НАТО в Афганистан. Вслед за этим состоялось подписание так называемой Римской декларации “Отношения Россия–НАТО: новое качество”, а в мае 2002 г. был создан Совет Россия–НАТО, что обещало переход двусторонних отношений на новый уровень. Начались даже разговоры о перспективе присоединения России к Североатлантическому договору.

В качестве жеста доброй воли в отношении США и НАТО президент Путин в октябре 2001 г. санкционировал закрытие оставшихся со времен СССР Центра радиоэлектронной разведки в Лурдесе (Куба) и базы ВМФ в Камрани (Вьетнам), что вызвало резкие возражения со стороны коммунистической оппозиции в Государственной думе.

У российского президента сложились добрые отношения с Джорджем Бушем, Тони Блэром, Жаком Шираком, Герхардом Шрёдером и другими западными лидерами.

На этом фоне продолжалось сближение России и Европейского союза. Выступая 29 мая 2002 г. на саммите “Россия–ЕС”, Путин охарактеризовал эту встречу как “похороны холодной войны”. Тогда же руководство Евросоюза приняло решение о признании экономики России рыночной. В октябре того же года оно было утверждено Европейским парламентом, после чего вступило в силу.

¹⁶ “Концепция внешней политики Российской Федерации” уточнялась и дополнялась в 2008, 2013 и 2016 гг.

Первые трещины в отношениях России с США и Западом появились на рубеже 2003–2004 гг. Они возникли в связи с рядом обстоятельств: военной операцией США и их союзников в Ираке (март 2003 г.), предпринятой в обход СБ ООН; срывом молдавской стороной под давлением Запада подготовленного стараниями России плана мирного урегулирования в Приднестровье; “цветными революциями” в Грузии и на Украине, заявивших о своем евро-атлантическом выборе; но самое главное – продолжавшимся, вопреки предостережениям и протестам России, приближением НАТО к российским границам.

В марте 2004 г. произошло очередное, пятое по счету начиная с 1994 г., расширение НАТО за счет принятия в этот блок семи восточноевропейских стран, в том числе трех бывших советских республик – Эстонии, Латвии и Литвы. Таким образом, военная инфраструктура НАТО вплотную приблизилась к границам России, оказавшись по соседству с Санкт-Петербургом. Российское руководство восприняло это как откровенный вызов, а президент Путин – еще и как “предательство” со стороны Буша и Блэра, которых он считал не только партнерами, но и личными друзьями.

Впервые Путин предъявил счет России “коллективному Западу” в феврале 2007 г. на Мюнхенской конференции по политике безопасности, где с шокирующей западных участников откровенностью высказался против навязывания Соединенными Штатами своего видения миропорядка другим государствам, а также с ничем не сдерживаемым, гипертрофированным применением силы. Он привел целый ряд аргументов против планов размещения американской системы ПРО в Восточной Европе (в Румынии и Польше) под предлогом защиты от иранской и северокорейской ракетной угрозы, подчеркнув, что в действительности создаваемая система ПРО направлена против России. Если такая система будет все-таки развернута, предупредил Путин, Россия вынуждена будет дать адекватный ответ¹⁷. Одновременно российский президент упрекнул НАТО и Евросоюз в намерении подменить собой ООН [13].

Выступление в Мюнхене стало символическим итогом первого этапа внешней политики Путина, усомнившегося в желании его западных партнеров считаться с интересами России. Семь лет спустя, 18 марта 2014 г., он предельно четко выскажется на этот счет: «...Нас раз за разом обманывали, при-

нимали решения за нашей спиной, ставили перед свершившимся фактом. Так было и с расширением НАТО на восток, с размещением военной инфраструктуры у наших границ. Нам все время одно и то же твердили: “Ну, вас это не касается”... Так было и с развертыванием систем противоракетной обороны» [14].

В целом же два первых срока президентства В. Путина были для России относительно успешными. За восемь лет укрепились расшатанные в 1990-е годы основы государства, снизился опасный накал внутривластной борьбы, которая, однако, во многом утратила открытый состязательный характер, окрепла экономика, заметно улучшились условия жизни населения, возросли активность и влияние России в международных делах.

Безусловно, в значительной степени этому способствовала благоприятная для России конъюнктура в мировой экономике и прежде всего высокие цены на энергоносители, составлявшие главную статью российского экспорта. В 1999 г. нефть на мировых рынках стоила 17,9 долл. за баррель, в 2000 – 28,5, в 2001 – 24,2, в 2002 – 25, в 2003 – 28,8, в 2004 – 38,3, в 2005 – 54,5, в 2006 – 65,1, в 2007 – 72,4, в 2008 г. – 97,3 долл. за баррель [15].

Но очевидны были и личные заслуги президента Путина, сумевшего покончить с “феодалной вольницей” региональных элит и притушить очаги сепаратизма на территории России, установить ту самую вертикаль власти, за которую его будут последовательно критиковать политические оппоненты как в самой России, так и за рубежом.

В то же время за восемь лет так и не была создана современная, саморегулируемая и многоуровневая система управления государством. На смену разрушительному хаосу 1990-х годов пришло централизованное ручное управление из Кремля, но и оно работало с постоянными сбоями, о чем со всей очевидностью свидетельствовали “Прямые линии с Владимиром Путиным”, ежегодно проводимые в теле- и радиозфире с 2001 г. В ходе непосредственного диалога главы государства с гражданами из года в год выяснялось, что многие министерства, прежде всего социально-экономического блока, а также региональные и муниципальные власти не выполняют своих обязанностей и фактически саботируют распоряжения президента, который на глазах всего мира вынужден давать указания о ремонте конкретных больниц, конкретных дорог и даже домов одиноких старушек...

Продолжение следует

¹⁷ Поскольку убедить Вашингтон отказаться от развертывания системы ПРО в Восточной Европе так и не удалось, Россия в 2012 г. начнет подготовку к установке в Калининградской области ракетных комплексов “Искандер” 9К720.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Телефонный разговор Бориса Ельцина и Билла Клинтона 8 сентября 1999 года. Расшифровка. *Коммерсантъ*, 01.09.2018. [Telephone conversation between Boris Yeltsin and Bill Clinton on September 8, 1999. Decryption. *Kommersant*, 01.09.2018 (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3730610> (accessed 19.05.2020).
2. Путин Владимир. Россия на рубеже десятилетий. *Независимая газета*, 30.12.1999. [Putin Vladimir. Rossiya na rubezhe desyatiletii [Russia at the turn of the decade]. *Nezavisimaya gazeta*. 30.12.1999.] Available at: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html (accessed 19.05.2020).
3. “Открытое письмо” избирателям”. [“Open letter” to voters (In Russ.)] Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24144> (accessed 19.05.2020).
4. Согрин В.В. *Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина*. Москва, Весь Мир, 2001. 260 с. [Sogrin V.V. *Politicheskaya istoriya sovremennoi Rossii. 1985–2001: ot Gorbacheva do Putina* [Political history of contemporary Russia. 1985–2001: from Gorbachev to Putin]. Moscow, Ves' Mir, 2001. 260 p.]
5. Барсенков А.С., Вдовин А.И. *История России. 1917–2007*. Москва, Аспект Пресс, 2008. 831 с. [Barsenkov A.S., Vdovin A.I. *Istoriya Rossii. 1917–2007* [History of Russia. 1917–2007]. Moscow, Aspekt Press, 2008. 831 p.]
6. Показатели инфляции в России в 2000–2010 гг.: статистика и прогноз *FundsHub.ru*. [Inflation indicators in Russia in 2000–2010: statistics and forecast. *FundsHub.ru* (In Russ.)] Available at: <http://www.fundshub.ru/finances/benchmarks/6396.php> (accessed 19.05.2020).
7. *Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2017 гг.* [Socio-economic indicators of Russian Federation in 1991–2017 (In Russ.)] Available at: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/year/pril_year18-rus.xls (accessed 19.05.2020).
8. ВВП России по годам 1991–2020. *iFinance*. [Russian GDP by years 1991–2020. *iFinance* (In Russ.)] Available at: <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam> (accessed 20.04.2020).
9. *Иностранные инвестиции в Россию*. [Foreign investment in Russia (In Russ.)] Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1506447#.D0.A5.D1.80.D0.BE.D0.BD.D0.BE.D0.BB.D0.BE.D0.B3.D0.B8.D1.8F> (accessed 20.04.2020).
10. Graham Thomas. A Modernizing Czar. *The Wall Street Journal*, 22.01.2008. Available at: <https://www.wsj.com/articles/SB120103072073707319> (accessed 20.04.2020).
11. Russia's oil industry. Trouble in the pipeline. Despite booming demand and record prices, Russia's oil industry faces problems. *The Economist*, May 8, 2008. Available at: <https://www.economist.com/business/2008/05/08/trouble-in-the-pipeline> (accessed 20.04.2020).
12. Goldman M.I., Myers J.J. *Petrostate: Putin, Power and the New Russia*. Oxford University Press, 2008. Available at: <https://www.carnegiecouncil.org/studio/multimedia/20080604-petrostate-putin-power-and-the-new-russia> (accessed 20.04.2020).
13. *Выступление Владимира Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г.* [Speech by Vladimir Putin at the Munich Conference on Security Policy February 10, 2007 (In Russ.)] Available at: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (accessed 27.04.2020).
14. *Обращение Президента Российской Федерации 18 марта 2014 г.* [Address by the President of the Russian Federation on March 18, 2014 (In Russ.)] Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (accessed 27.04.2020).
15. *Статистика: история цен на нефть*. [Statistics: history of oil prices (In Russ.)] Available at: http://ruхpert.ru/Статистика:История_цен_на_нефть (accessed 21.05.2020).

THE BEGINNING OF THE PUTIN'S ERA (2000–2008)

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 5, pp. 117–127)

Received 21.08.2020.

Petr P. CHERKASOV (ptch46@mail.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (ИМЭМО), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The author of the article believes the beginning of the “Putin’s era” – the first two terms of his presidency (2000–2008) – to be generally successful for Russia. In eight years, the bases of the state shaken in the 1990s were strengthened, the threat of an intensive political struggle, which, however, lost much of its outdoor competitive nature, decreased, the economy became stronger, the living conditions of the population improved, the activity and influence of Russia in international affairs increased. This was largely due to the favorable global economic environment for Russia and, above all, high prices for energy resources, which were the main item of Russian exports. No less obvious were the personal achievements of President Putin, who managed to consolidate the unbalanced state, put an end to the pressure of oligarchs on authorities, restore the Kremlin’s control over regional elites, and extinguish hotbeds of separatism in Russia. He has built the very “vertical of power” for which his political opponents, both inside the country and abroad, will consistently criticize him. Having inherited Boris Yeltsin’s policy of developing cooperation with the West, Vladimir Putin at first continued to follow this path, but gradually became disillusioned with the sincerity of Western partners towards Russia. He was most concerned about the eastward expansion of NATO’s military infrastructure, its approach to Russian borders, and the West’s general reluctance to consider Russian interests. Putin openly expressed the accumulated claims against the United States and NATO in February 2007 at the Munich Security Conference.

2007 was a turning point in Putin's foreign policy towards the West. Since then, the focus has been shifted to protecting Russia's national interests. Within the country, for eight years, Putin had failed to create a modern, self-regulating and multi-level system of government. The destructive chaos of the 1990s was replaced by centralized "manual control" from the Kremlin, but it also worked with constant failures. The state apparatus, especially at the regional level, did not work effectively enough, and regional authorities often did not follow the orders of the President. The lessons of the first stage of the Putin's era were: the reasonably required consolidation of the state, building the "vertical of power" often occurred at the expense of the civil society's interests, the interests of consolidating and expanding democracy in Russia.

Keywords: IMEMO, Russia, Putin, Berezovskii, Gusinskii, Khodorkovskii, political reforms, consolidation of the state, "vertical of power", economic reforms, West, USA, NATO.

About author:

Petr P. CHERKASOV, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-117-127

ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ: УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ОТВЕТ НА ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС

© 2021 г. В. Журавлева

Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности. Монография под ред. Л.С. ОКУНЕВОЙ и А.И. ТЭВДОЙ-БУРМУЛИ. Москва, изд-во “МГИМО-Университет”, 2020. 404 с.

*ЖУРАВЛЕВА Виктория Юрьевна, кандидат политических наук,
ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (zhvika@imemo.ru).*

Статья поступила в редакцию 20.02.2021.

Ключевые слова: правый популизм, глобализация, политические партии, иммиграционные кризисы, кризис партийных систем, внесистемные политики, ценности постмодерна, общественные протесты, глобальные тренды.

Монография “Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности” — коллективное исследование, которое, несмотря на определенную разноголосность авторов, представляет собой целостный фундаментальный труд, вносящий серьезный вклад в понимание тех сложных кризисных процессов, которые происходят одновременно в разных странах. Название книги как нельзя лучше отражает ее основную ценность: авторам удалось создать очень яркую картину многоликого, но все-таки именно глобального процесса.

Не все страны попали в объектив — во многом это объясняется профессиональным фокусом кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО, сотрудники которой и составляют костяк авторов книги, — но самые яркие страновые примеры очень интересно проанализированы, причем в большинстве случаев даже двумя разными авторами.

Книга интегрирует региональные процессы и поднимает их на уровень общего глобального тренда. Она выводит читателя за узкие рамки регионалистики, позволяя ему взглянуть на страновые процессы будто бы сверху, с позиций общепланетарных тенденций. Не секрет, что исследователь-регионовед, будучи погруженным в специфику “своей” страны, часто не имея времени и сил следить за параллельными процессами в других странах, воспринимает все, что в ней происходит, прежде всего как уникальность ее развития со своей логикой и действующими лицами. Авторы книги сделали ценную работу прежде всего для самих таких исследователей: они собрали вместе множественные “уникальности” и показали, что, не теряя своей специфичности, они при этом представляют собой проявления единого глобального тренда. После прочтения этой книги сомне-

ний о наличии этого тренда уже не остается даже у самых скептически настроенных читателей.

Популизм существует примерно столько же времени, сколько существует само государство, потому что концептуальная суть его, как единодушно заявляют большинство исследователей этого феномена, имена которых широко представлены в данной монографии, — в противопоставлении элиты и народа. Элита по определению плоха — коррумпирована и далека от нужд общества, а народ в противоположность ей чист в своих помыслах и понимает суть вещей, а главное — является единственным источником власти в стране.

Тем не менее, как неоднократно указывают авторы монографии, такое единодушие исследователей в оценке сути популизма встречается довольно редко, потому что согласия среди ученых относительно того, что же это такое, так и не было достигнуто, несмотря на долгие десятилетия исследований. Как показывают авторы монографии в концептуальном Введении, популизм понимается и как форма политики, и как политическая технология, и как общественные настроения, и как способ мобилизации граждан, и даже как способ восприятия политической реальности (сс. 12-13). Авторы монографии разумно предлагают использовать интегративный подход, который видел бы в популизме и идеологию, и мобилизующую силу, и дискурсивную практику (сс. 15-16).

Также исследователи спорят относительно разделения популизма на правый и левый. Однако большинство из них согласны, что левый популизм более инклюзивный и в центре его лозунгов стоит политическая и социальная справедливость. Тогда как правый популизм в большей мере склонен делить народ на “своих” и “чужих” по одному произвольно

выбранному критерию — это может быть раса, этнос, нация или что-то еще, что в большей мере будет отвечать политическим целям, задачам и настроениям в конкретной стране в тот или иной исторический период. Получается, что правый популизм имеет больше линий разлома, чем левый, — потому что он противопоставляет народ элите и еще внутри самого народа выделяет “своих” и “чужих”.

При таком разнообразии и множественности концепций провести сравнительный анализ различных страновых проявлений популизма довольно сложно или даже невозможно. Но собственно сравнительный анализ авторы монографии и не проводят. Они виртуозно переключают эту задачу на плечи читателей, предоставив им материал для сравнения: подробный анализ проявлений правого популизма в отдельных странах Европы и Америки. При этом они предлагают инструмент для такого сравнительного анализа — тот концептуальный стержень, на котором держится рецензируемое исследование страновых уникальностей правого популизма. Им служит идея, сформулированная одной из самых известных исследовательниц популизма, американкой итальянского происхождения Н. Урбинати, состоящая в том, что “говорить о политическом популизме имеет смысл преимущественно в контексте партийной политики” (с. 16). Из этой идеи логично складывается инклюзивная концепция, согласно которой современный популизм — это проявление кризиса традиционных системных партий. Она не сформулирована во Введении, но именно из такой концепции исходят авторы большинства глав, и эта логика поддерживается на протяжении всей книги.

Нынешний взрыв правого популизма в мире — это кризис не только партийных систем, но и государства в целом: в случае с Европой — социального государства, а в США, наоборот, — государства, находящегося в поиске нового компромисса между своими социальными функциями и экономической эффективностью. Это тоже хорошо видно из той яркой многострановой картины, которая представлена в монографии.

Авторы книги, анализируя самые разные проявления правого популизма, справедливо сохраняют эмоциональный нейтралитет. Им чужда позиция осуждения, они отказались от негативной призмы в своем исследовании (с. 58). Действительно после прочтения монографии понимаешь, что популизм (и правый, и левый) — это, скорее, дымовой сигнал бедствия. Его взрыв, такой, как мы наблюдаем в последние годы по всему миру, четко и ясно показывает, что традиционные каналы взаимодействия общества и власти не справляются. Власть отделилась от общества и не слышит его, а общество ищет альтернативные пути, чтобы донести наверх свой гнев,

потерянность, фрустрацию — все те чувства, которые испытывают граждане в самых разных странах перед лицом неконтролируемой властями глобализации. Как пишет в своей главе С.В. Погорельская, “...глобализация порождает сопротивление тех, чьи жизненные основы и корни она разрушает” (с. 58). «...Вместо того, чтобы подтягиваться, преодолевать себя и бежать за тем, что преподносится им как прогресс, вытесняемые на “обочину жизни” слои формируют политический ответ» (с. 59). Фактически сегодня популизм стал аварийным каналом связи общества и власти и одновременно механизмом корректировки социально-политической системы в условиях глобализации.

Одним из ярких примеров такой роли популизма является ситуация, сложившаяся в последние десятилетия в США. На самом деле, именно взрыв правого популизма в США, приведший в Белый дом Д. Трампа, придал глобальный масштаб современной волне популизма, вывел его за рамки европейского континента, заставив исследователей по-новому посмотреть и на то, что происходит в европейских странах, и на само президентство Д. Трампа.

В 2016 г. лишь отдельные исследователи предлагали провести параллель между его избранием и ростом популярности правых партий в Европе, указывая на явное сходство отдельных условий. Четыре года пребывания Д. Трампа в Белом доме не оставили сомнений даже у самых больших скептиков, что то, что происходит в США, можно и нужно сравнивать с небывалым успехом правых партий в странах ЕС.

В 2016 г. в США в буквальном смысле произошла революция: неожиданно для всех под флагом одной из системных партий на выборах победил “чужак” — не системный политик, прошедший все необходимые ступени партийно-политической лестницы, а амбициозный миллиардер, решивший сменить роль финансиста политического процесса на его реформатора. Победил, чтобы, как он обещал, “вернуть власть людям”. Его неполиткорректным эмоциональным речам поверили, за ним пошли и буквально внесли его в Белый дом, вопреки истеблишменту, либеральной прессе, социологическим опросам.

Что это была за сила, которая открыла путь во власть в системе, в которой невозможно победить, не будучи ее частью? Конечно, ключевую роль здесь сыграло то, что он использовал для прохода официальный канал — системную партию, это то, что отличает американский кейс от европейских, где политики-популисты создают собственные партии и под их знаменами штурмуют устоявшуюся систему. Как показывают авторы монографии, их путь гораздо сложнее и совсем не такой триумфальный. Д. Трамп же использовал Республиканскую партию как Троянского коня, в котором он триумфально въехал в Белый дом.

Но вот само появление на политической арене фигуры Д. Трампа вызвано процессами, которые очень похожи на то, что переживают европейские страны. К началу избирательной кампании 2016 г. федеральное правительство пришло с рекордно низким рейтингом популярности: только 38% граждан были удовлетворены тем, как функционирует федеральная система власти. Более того, согласно опросу, проведенному *Washington Post*, свыше 70% граждан чувствовали себя выброшенными в результате тех культурно-идеологических трансформаций, которые происходят в стране, и не видели, что власть отражает их ценности и интересы. С такими настроениями избирательная кампания 2016 г., которая должна была стать кампанией успеха первой женщины президента, очень быстро превратилась в борьбу внесистемного кандидата с политическим истеблишментом и самой системой, пребывающей в состоянии кризиса.

Такая неожиданная популярность была фактически создана социально-политической конъюнктурой последних десятилетий. Д. Трамп стал отражением ее базовых характеристик: гнева и протеста американского избирателя против неэффективности политической власти, контролируемой большим бизнесом, социального и экономического неравенства, социальной несправедливости. Это была не первая попытка общества изменить ситуацию: в 2008 г. недовольство неэффективностью федерального правительства привело в Белый дом первого афроамериканца. Однако тогда большие надежды на перемены не оправдались, более того, его президентство обострило фрустрацию, которую на протяжении последних десятилетий испытывает белый малоимущий класс, а также спровоцировало и затем поддерживало правоконсервативную волну среди республиканского электората, недовольного теми социальными изменениями, которые стремился провести черный президент. Эти разные оттенки общественного недовольства белого населения превзошли по своим масштабам все прогнозы и привели в Белый дом человека, который никогда бы там не оказался в других социально-культурных, политических и экономических условиях.

Для своих избирателей Дональд Трамп стал еще и воплощением американской мечты. Мечты о том, что успешный человек успешен во всем. По данным, которые в 2016 г. Д. Трамп предоставил в Федеральную избирательную комиссию, его состояние составляло на момент начала кампании 10 млрд долл. Он открыто заявлял, что может сам оплатить свою предвыборную кампанию и не нуждается в поддержке ни партийных функционеров, ни спонсоров и доноров. И хотя в итоге ему пришлось привлечь дополнительные средства спонсоров, его уверенность и независимость, безусловно, произвели впечатление на избирателя.

Наконец, Д. Трамп стал отражением кризиса, который переживают американские партии. Внутри- и межпартийный идейный раскол привел к тому, что период президентства Б. Обамы был отмечен обострившейся конфликтностью и максимальной неэффективностью правительства. Республиканская партия разрывалась между правоконсервативными ценностями, обеспечившими ей победу в 2010 г. на выборах в Палату Представителей, и необходимостью привлечь новый электорат — латиноамериканцев и афроамериканцев, все больше теряя связь с реальностью. Именно в таких условиях стало возможно появление кандидата, который открыто отказывался от этого нереализуемого компромисса принципов и реальности, выбирая принципы. Ему было нечего терять, он не политик. И это привлекло внимание даже тех, кто был не согласен с его принципами.

Он так и не стал политиком за четыре года в Белом доме. Он остался все тем же беспринципным, прямолинейным, неполиткорректным, бескомпромиссным миллиардером, который удивительным образом стал “своим парнем” для тех социальных групп, которых от него отделяла финансовая пропасть. “Жертвы глобализации” вопреки здравому смыслу поверили именно тому, кто был ее бенефициарием. Поверили настолько, что даже после четырех лет скандального президентства, сопровождавшегося импичментом, травлей, бесконечными разоблачениями, кадровой чехардой, спорной налоговой реформой, массовыми протестами и, наконец, пандемией, они проголосовали за него вновь. В 2019 г. Д. Трамп получил даже больше голосов, чем в 2016-м, но это не помогло ему победить. Он ушел из Белого дома так же, как появился там: сопровождаемый протестами и скандалами, под объявлением нового импичмента. Он не победил систему, как обещал, но и она не победила его. Более того, второй проигранный демократами импичмент только еще шире распахнул дверь для новых “трампов”, которую они так стремились закрыть.

Д. Трамп оставил Америку расколотовой как никогда: 74 млн человек не видят своего будущего и будущего своей страны с той программой, которую предлагают демократы, в то время как 81 млн человек с облегчением вздохнул после того, как в Белом доме опять появился традиционный либеральный политик. Пропасть разделяет эти две Америки. И при этом всего 20% американцев считают свое федеральное правительство эффективным и доверяют ему. А это, как справедливо замечает в своей главе В.О. Печатнов, и есть почва для популизма: “Как правило, он (популизм. — В.Ж.) заявляет о себе в кризисные периоды на фоне массового недовольства ведущих политических партий, неспособных найти решения проблем, волнующих рядовых американцев” (с. 282).

Рост американского правого популизма, обернувшийся победой Д. Трампа, вскрыл глубокий системный кризис, который переживают США. Это и кризис предела социализации американского государства, и кризис партийной системы. Американская история показывает, что политические партии США довольно гибкие и инклюзивные, они ориентируются на общественный протест, который показывает им, что еще необходимо включить в свою программу, чтобы расширить свой электорат, не оставив шансов каким-либо третьим партиям. Каждый подобный кризис, сопровождавшийся появлением различных популистских движений, партий и лидеров, в прежние годы заканчивался только еще большим усилением двух системных партий. Идеи третьих партий довольно быстро инкорпорировались одной из двух партий, и она предлагала “свой” ответ на общественный протест.

Насколько в этот раз все будет развиваться по тому же сценарию – по-прежнему сложно предсказать. С одной стороны, Республиканская партия, безусловно, очень много взяла из правопопулистской риторики Д. Трампа, более того, он привел к ней электорат, который лидеры партии, конечно, не хотели бы потерять в условиях неблагоприятного для них развития демографической ситуации. Но, с другой стороны, даже малейший сдвиг вправо республиканцев еще больше интенсифицирует движение влево демократов и увеличивает пропасть между двумя партиями, которая и так уже является серьезным препятствием для законодательного процесса просто в силу того, что партии не могут договориться между собой и каждая предлагает повестку, которая противоречит повестке второй стороны.

Потерянный компромисс – вот основной результат радикализации американских партий, который в свою очередь, усиливая социальное недовольство, питает почву популизма, причем как левого, так и правого – последний год Д. Трампа показал нам и то, и другое.

Есть у американского кризиса, питающего популизмы разного толка, и ценностное измерение, которое очень точно выписано В.О. Печатновым в его главе. Пожалуй, даже ценностная составляющая этого кризиса – одна из самых сильных и ярких его сторон, и одна из самых сложно преодолимых. Во многом то, что переживает сегодня Америка, – это кризис идентичности, который ей пророчил С. Хантингтон больше 15 лет назад.

В основе этого кризиса объективные тренды демографического развития страны, которые пугают белое население и все больше и больше заставляют его чувствовать себя лишним в своей стране. Белая христианская Америка с присущей ей системой ценностей постепенно уступает место мультикультуральной многоэтнической многокон-

фессиональной Америке, которая несет свою пост-модернистскую ценностную модель.

Партии в погоне за более перспективным электоратом стали забывать о целых социальных группах, которые постепенно, в силу на этот раз объективных процессов промышленного развития страны оказываются все менее востребованными и все более социально-экономически неблагополучными. За десятилетия такого развития Демократическая партия практически полностью превратилась в партию меньшинств, которые, однако, уже очень скоро станут большинством, а Республиканская партия все больше становится партией будущего меньшинства.

Каждая из этих партий представляет свою ценностную модель, от выбора которой зависит путь, по которому будет развиваться вся страна. Противоположная сторона в такой ситуации становится заложником навязанного ей ценностного выбора, который ее пугает и вызывает протест, который в свою очередь выливается в популизм и левый, и правый. Как справедливо отмечает В.О. Печатнов, “ответа на драму убывающей белой христианской Америки у властей нет” (с. 287). Процесс этот неизбежный, и с ним можно только примириться, как с идеей смертности человека. Процессу примирения можно помочь, чтобы он сам по себе был более мирным и не разрушал страну. Но рецепта социально-экономической и психологической помощи пока у американского правительства нет. Возможно, такие острые ситуации, как президентство Д. Трампа, заставят политическую элиту более оперативно искать пути облегчения этого процесса умирания, а не просто плыть по течению.

В глобальном масштабе Д. Трамп оказался не единственным популистом, которого общественный протест вознес на вершины властных структур. Такой же путь развития демонстрирует Бразилия, специфику популизма в которой глубоко анализирует в своей главе Л.С. Окунева. В Бразилии и в некоторых других странах Латинской Америки, как показывает автор, волна правого популизма пришла на смену левым правительствам, на которых легла основная ответственность за последствия глобального экономического кризиса, остро проявившегося в латиноамериканских государствах. В Бразилии, как пишет Л.С. Окунева, правый популизм также стал острой реакцией общества на негативные эффекты глобализации (с. 350), но главное – на неспособность политического истеблишмента предложить эффективные пути выхода из затянувшегося системного кризиса, который в каждой стране имел свои проявления, но суть которого состояла в появлении большего числа “проигравших” от той политики, что на волне глобализации проводили леволиберальные элиты.

У европейского правого популизма свои лица – в этой монографии он многолик, – анализируются почти все ключевые и “громкие” правые партии и движения из Франции, Германии, Великобритании, Италии, Испании, Нидерландов, Финляндии, Швеции, Норвегии, стран Балтии, Румынии и Балканских государств. Европейский популизм – это тоже ответ на кризис и тоже протест. Только в отличие от США – это прежде всего кризис социального государства, которое не справляется со своей социальной ответственностью в условиях растущей миграции, социального, экономического и финансового давления на него со стороны меняющегося пространства жизни. Протест же реализуется в более широких партийных рамках преимущественно парламентских систем. Здесь избирательные законодательства предполагают сосуществование множества различных партий, и популистские партии и движения, которые свободно растут и множатся на почве кризиса, активно участвуют в этой парламентской конкуренции, где-то более успешно, где-то менее, но всегда громко и эмоционально, как того и требует популизм.

В большинстве своем ключевые популистские партии и движения в европейских странах имеют долгую историю, по ходу которой они переживали слияния и расколы, иногда меняли идеологический вектор с левого на правый, или наоборот. Сегодня в подавляющем своем большинстве они выбирают правый вектор, предлагая в ответ на общественные настроения делить европейский мир на “своих” и “чужих”, на тех, кто достоин помощи государства и право на въезд в страну, и тех, кто подрывает основы безопасности и нарушает морально-нравственные устои.

Хотя, как показывает С.В. Погорельская в главе про германский популизм, левые партии тоже среагировали на иммиграционный кризис новой волной популизма (с. 56). История германского популизма очень ярко показывает его суть как явления, которое становится ответом на социальный запрос, необработываемый системными партиями. Как пишет С.В. Погорельская, до воссоединения страны в Германии не было популизма, да и в 1990-е годы “немецкие партии упорно исклю-

чали из своих программ любые тенденции, которые могли быть оценены как популистские” (с. 59). «В немецкой политической культуре существовал ряд “табуированных тем”, которые формально были не запрещены, но политически стигматизированы», – пишет С.В. Погорельская, как например все, что связано с национальностью.

В итоге большинство тем, связанных с национальной идентичностью, было табуировано в немецкой политической культуре и быстро вытеснялось из политического дискурса. Выйти с такими темами к электорату было заведомо проигрышной позицией. Во внутренней жизни безоговорочно “господствовала проевропейская парадигма” (с. 62). Это привело к тому, что электоральный запрос на “национальную” тематику не артикулировался ни одной из системных партий. Этот вакуум и был заполнен популизмом, как левым, так и правым.

Страх, который испытывали немцы перед миграционными потоками, игнорируемый системными партиями, был озвучен именно популистской АдГ в формуле, очень похожей на лозунг Д. Трампа: “Сначала немцы, а потом уже все остальные!” (с. 66). Требования социальной справедливости также нашли свое воплощение в программах именно популистских партий и движений, как левых, так и правых, которые опять сыграли на молчании системных сил.

Кейсы развития популизма в других европейских странах, представленные в монографии, также подтверждают основной вывод, который сформировался на американском примере: до тех пор, пока политические элиты не найдут новой формулы социально ответственного государства, “глобализационный” кризис будет питать популизм самого разного толка.

В заключение хочется настоятельно порекомендовать монографию коллектива авторов МГИМО “Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности” к прочтению как экспертам, так и просто тем, кто ищет системные ответы на вопросы, которые ставит перед нами новый этап трансформаций, происходящих не только в отдельных странах, но и на глобальном уровне.

RIGHT-WING POPULISM: THE SYSTEM ANSWER TO GLOBALIZATION

[Review of the book: Right-Wing Populism: Global Trend and Regional Cases. Okuneva L., Tevdoy-Burmuly A., eds. Moscow, izd-vo “MGIMO-University”, 2020. 404 p. (In Russ.)] (World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 5, pp. 128-132)

Received 20.02.2021.

Victoria Yu. ZHURAVLEVA (zhvika@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Keywords: Right-wing populism, globalization, political parties, system crisis, immigration crisis, social state crisis, non-system politicians, post-modern values, political elite, social protests, global trends.

About author:

Victoria Yu. ZHURAVLEVA, Candidate of Sci. (Political), Head of Center.

ОБ АКТУАЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

© 2021 г. А. Панов

ТОРКУНОВ А.В., ТОЛОРЯЯ Г.Д., ДЬЯЧКОВ И.В. Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.). Москва, Просвещение, 2021. 448 с.

ПАНОВ Александр Николаевич, доктор политических наук,
МГИМО (У) МИД РФ, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76 (panov.taishi@yandex.ru).

Рецензия поступила в редакцию 12.01.2021.

Ключевые слова: КНДР, Республика Корея, США, Россия, Китай, Ким Чен Ын¹, Мун Чжэ Ин, Д. Трамп, ракетно-ядерная проблема, американо-северокорейские переговоры, межкорейское урегулирование, российско-северокорейские отношения, российско-южнокорейские отношения.

Рецензируемая книга, написанная известными российскими корееведами, академиком РАН А.В. Торкуновым, доктором экономических наук Г.Д. Толорая, кандидатом политических наук И.В. Дьячковым, является логическим продолжением опубликованного в 2008 г. исследования “Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории”². Это издание было посвящено углубленному изучению процессов послевоенного политического, экономического, социального и культурного развития двух государств Корейского полуострова: КНДР и Республики Корея. Закономерно, что в авторских коллективах обеих книг ведущая роль принадлежит академику РАН А.В. Торкунову.

В совокупности указанные работы являются первым в российском и, можно с основанием утверждать, зарубежном корееведении комплексным и, что особо значимо, объективным исследованием всего спектра сложнейших внутренних проблем двух корейских государств, их социально-политического устройства, внешнеполитических доктрин, межкорейских отношений, а также влияния внешних сил на развитие обстановки на Корейском полуострове.

Рецензируемая монография имеет немаловажное значение для понимания, что на сегодняшний исторический период представляют собой два корейских государства, каковы перспективы их дальнейшего развития, насколько велика угроза военного столкновения на Корейском полуострове.

¹ В связи с отсутствием нормативного написания корейских имен в иностранных языках в данной рецензии оно приведено в соответствие с правилами (шаблонами), используемыми в “МЭ и МО”.

² Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. *Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории*. Москва, Олма Медиа Групп, 2008. 544 с.

Многие выводы, особенно характеристики политических систем на Севере и Юге полуострова, а также оценки действий заинтересованных внешних акторов даются впервые. Они могут вызвать в некоторых политических и научных кругах неприятие и даже критику, однако отражают реальность, с которой нельзя не считаться.

Так, в книге КНДР относится к разряду стран с клановой “аристократической теократией” — что-то вроде древней “восточной деспотии”, ее государственное устройство “отличается исключительно жестким режимом административно-полицейского контроля”, а “социально-экономическая система на протяжении десятилетий находилась на военном положении и в значительной степени изолирована от внешнего мира” (с. 8).

Приход к власти десять лет назад нового представителя династии правителей КНДР Ким Чен Ына не привел ни к краху указанной “модели развития”, а скорее выживания страны, ни к ее реформированию, на что рассчитывали многие западные и южнокорейские политические деятели и ученые-политологи.

Ким Чен Ын жестко, а нередко и жестоко расправился со своими противниками и оппонентами, твердо взял власть в свои руки и продолжил “традиционную нажимную политику и беспрецедентное наращивание военного потенциала” (с. 8).

Процесс упрочения режима единоличного руководства Ким Чен Ына, по оценке авторов монографии, привел лишь к определенной смене “парадигмы власти”. Руководство стало осуществляться через партийные структуры, а не военную вертикаль, что практиковалось при отце нового лидера — Ким Чен Ире (с. 31). Но суть стратегического курса страны это не изменило.

Перипетии внутренней борьбы в северокорейском руководстве на первом этапе передачи “эстафетной палочки” от отца сыну, проявившиеся в “бойкоте абсолютной власти” и противодействии “единой руководящей линии Ким Чен Ына” (с. 35), не только детально, с нюансами описаны авторами, но читаются с неподдельным интересом, так как мало известны читателям, не сведущим во внутривластных разборках северокорейской правящей элиты (с. 36-45).

Критически оценивая существующую в КНДР социально-экономическую систему, авторы монографии делают важный вывод, что северокорейское общество “очень устойчиво и может существовать даже в условиях вынужденной изоляции” (с. 90) и, добавим, в обстановке постоянного ужесточения международных санкций. Действительно северокорейское руководство, продолжая и совершенствуя, несмотря на сохраняющийся в целом низкий уровень научно-технической базы страны, свою ракетно-ядерную программу, добилось определенных успехов в наращивании ядерного потенциала и создании межконтинентальных баллистических ракет, не говоря уже о налаживании массового производства ракет средней дальности.

Экономическая и научно-технологическая отсталость КНДР признается, как отмечают авторы монографии, северокорейским руководством. Через полгода после прихода к власти Ким Чен Ына была одобрена “новая система управления экономикой”, предусматривавшая некоторое “повышение роли самостоятельности отдельных хозяйствующих субъектов и снижение элементов волюнтаризма в руководстве экономикой”. “Широкие права были предоставлены хозяйствующим субъектам в сфере внешнеэкономической деятельности”, объявлялось о создании специальных экономических зон с участием иностранного капитала (с. 47-53, 57).

Однако, как справедливо констатируется в монографии, разрешение использовать некоторые рыночные механизмы (понятие “реформы” в лексиконе северокорейского руководства использовать фактически запрещено) “не означало отказа от методов мобилизационной экономики и централизованного распределения ограниченных ресурсов” (с. 51). Тем более что в 2018–2020 гг. в связи с усилением режима санкций и стихийными бедствиями, резко обострившими продовольственное обеспечение населения, экономика страны была развернута на курс “борьбы за выживание и на полувоенное положение” (с. 52).

На партийном съезде, открывшемся 5 января 2021 г., Ким Чен Ын признал, что за пятилетний период после предыдущего съезда результаты экономического развития страны “по большинству

направлений совершенно не соответствовали нашим целям”³.

Таким образом, фактически от проведения даже ограниченных экономических послаблений в Пхеньяне отказались.

На фоне тяжелой экономической ситуации в КНДР социально-экономическое состояние южнокорейского общества выглядит “почти успешным”. Республика Корея (РК) входит в число 20 наиболее экономически развитых стран.

Политическая система РК в целом стабильна, глава государства меняется каждые пять лет, причем, как правило, консерваторы и левоцентристы регулярно сменяют друг друга у “руля страны”.

Второй президентский срок не предусмотрен конституцией из-за опасений, что это может открыть путь к злоупотреблению властью, к авторитаризму. Однако и пятилетний период президентства нередко используется для манипулирования властными полномочиями, сопровождается коррупционными скандалами. В результате мало кому из политиков, отбывших свой срок президентства, удавалось избежать судебного преследования и тюремного заключения. Недавний пример связан с отстранением от президентского поста в связи с вынесением Национальным собранием импичмента первой женщине президенту Пак Кын Хе, которая впоследствии была приговорена к 15 годам заключения.

Такова специфическая южнокорейская “президентская рулетка”. Тем не менее южнокорейские политические процессы в целом, как отмечается в монографии, “характеризуются размахом и динамикой, позволяющими говорить о переходе к полноценной, пусть пока незрелой демократии” (с. 10). В то же время указывается, что оборотной стороной этих процессов “является внутривластный хаос, недостаточная структуризация властных сил, рост популизма и накопление социальных проблем” (с. 10).

Обвинения в коррупции, склонности к кумовству раскручиваются не только усилиями оппозиции, но и благодаря активности южнокорейской общественности, глубоко вовлеченной во все внутривластные процессы.

В целом картина политической жизни в РК характеризуется, как отмечается в монографии, “ожесточенной борьбой двух лагерей — консерваторов и левоцентристов, интригами и взаимными обвинениями, часто препятствующими достижению стратегических целей” (с. 145).

Нельзя не заметить, что и на Севере, и на Юге сильны клановые, семейные, сословные и личные

³ Ким Чен Ын признал, что КНДР не достигла поставленных целей в экономике. Available at: <https://www.interfax.ru/world/744160> (accessed 06.01.2021).

отношения, берущие свое начало из конфуцианских и феодальных традиций корейских общественных связей. В монографии об этом упоминается, однако без сопоставления проявления этих “традиций” в политической жизни в КНДР и РК. Хотя, как представляется, данная проблематика заслуживает должного внимания, особенно в контексте лучшего понимания особенностей межкорейского общения и выстраивания прогнозов возможных перспектив объединения двух корейских государств.

Рассмотрев процессы внутреннего развития на Севере и Юге, авторы монографии подробно останавливаются на анализе этапов межкорейских отношений, для которых в изучаемый период были характерны и взлеты, и падения. При этом сформулирован обоснованный вывод о том, что перманентный корейский кризис имеет две составляющие (с. 146).

Во-первых, длительное, в течение десятилетий разделение корейской нации на два отдельных государства с диаметрально противоположными политическими системами.

Во-вторых, ракетно-ядерная программа КНДР.

Обе проблемы взаимосвязаны. Вместе с тем, как справедливо делают вывод авторы монографии, отказ Пхеньяна от ядерных разработок сам по себе не прекратит противостояния между Севером и Югом. В то же время межкорейская нормализация предусматривает в качестве непреложного условия решение ядерной проблемы, поскольку ракетно-ядерная программа КНДР – прямое производное от противостояния между Северной и Южной Кореей, в котором на стороне Юга выступают Соединенные Штаты.

Попытки найти путь к межкорейскому примирению и сотрудничеству предпринимались неоднократно. С такой же регулярностью они оканчивались в лучшем случае кратковременным внешним эффектом, но, по сути, безрезультатно.

За почти десятилетний период с 2008 г. пребывания у власти в Сеуле президентов-консерваторов Ли Мён Бака и Пак Кын Хе отношения между Севером и Югом неуклонно ухудшались. С приходом в мае 2017 г. в Голубой дворец президента-либерала Мун Чжэ Ина, провозгласившего курс на диалог и поэтапность решения северокорейской ядерной проблемы, началось потепление отношений между двумя корейскими государствами.

18–20 сентября 2018 г. состоялся организованный с большим размахом исторический визит президента РК в Пхеньян, где были проведены третьи за год переговоры на высшем уровне.

Стороны подписали “Пхеньянскую совместную декларацию”, включавшую набор важных до-

говоренностей в различных областях двусторонних отношений.

Особое значение имело положение о межкорейской солидарности на основе приверженности национальной самостоятельности. Подчеркивались “приоритет независимости и самоопределения корейской нации”, стремление решать корейские проблемы своими силами без вмешательства извне. Зафиксировано обязательство сторон “превратить Корейский полуостров в базу мира, где не существует ни ядерное оружие, ни ядерная угроза”.

Одной из наиболее конкретных и важных стала договоренность о прекращении враждебных отношений в демилитаризованной зоне, о сокращении там вооруженных сил и вооружений (с. 173-174).

По оценке авторов монографии, “фактически две Кореи заключили договор о ненападении, о начальной фазе контроля за вооруженными силами и вооружениями” (с. 175).

Однако, как отмечается в монографии, последующие события вновь продемонстрировали, что Север и Юг “просто не имеют достаточных возможностей для решения проблемы режима региональной безопасности исключительно самостоятельно”, что «южнокорейская администрация настолько прочно привязана к “американской колеснице”, что большинство даже искренне желаемых для Мун Чжэ Ина начинаний попросту неисполнимы» (с. 177).

Попытки Президента РК побудить президента США Д. Трампа в ответ на меры Пхеньяна по приостановке своей ракетно-ядерной программы пойти хотя бы на частичную отмену антисеверокорейских санкций обернулись грубым “окриком” со стороны Вашингтона. Весьма откровенно об этом сообщил в своих мемуарах бывший в то время помощником президента США по национальной безопасности Джон Болтон. Выступая решительно против каких-либо уступок Пхеньяну и за продолжение жесткого давления на КНДР, он категорически не принимал позицию Мун Чжэ Ина по улучшению отношений между Севером и Югом, его положительные оценки предпринятых КНДР шагов по приостановке ракетно-ядерной программы, характеризуя все это как “глупость” и “шизофрению”. Ничем не прикрытые оскорбления президента союзного США государства вызвали серьезное недовольство в Сеуле, но южнокорейскому руководству пришлось “проглотить обиду” и учесть мнение Вашингтона.

Когда Ким Чен Ыну не удалось на встрече в Ханное в феврале 2019 г. с Д. Трампом получить от него уступку в отношении отмены санкций, он стал “срывать зло” на “несамостоятельности южнокорейцев” (с. 177).

В результате отношения между Севером и Югом серьезно ухудшились, резко сократились двусторонние контакты (с. 178–181).

Нельзя не согласиться с весьма важным выводом авторов монографии, что “горький исторический опыт и все еще остающаяся травма войны с обеих сторон, сохраняющиеся подозрения и недопонимание, различия в социальных системах, менталитете Севера и Юга, несамостоятельность Республики Корея в своей политике по отношению к Северу до сих пор остаются непреодолимыми препятствиями для национального примирения. Похоже, что вопрос этого примирения предстоит решать будущему поколению политиков, когда по обе стороны ДМЗ не остается ни одного лидера, лично пережившего травму Корейской войны. Это означает, что придется ждать еще 10–15 лет, пока не появится формула мирного сосуществования” (с. 183).

Если следовать этому жесткому, но обоснованному прогнозу, то любые рассуждения на тему возможных вариантов объединения Кореи в единое государство, которыми увлечено немало количество политологов, имеют ныне и будут иметь еще продолжительное время не более чем абстрактный теоретический характер.

Итак, первая составляющая корейского кризиса – разделение корейской нации – не претерпит изменений в обозримом будущем.

Что же касается второй составляющей – ракетно-ядерной программы КНДР, то на первый взгляд эта проблема не представляется неразрешимой.

Именно из такого суждения исходил президент Д. Трамп, когда сразу же после занятия Овального кабинета в Белом доме отказался следовать курсу своего предшественника Б. Обамы на “стратегическое терпение” в отношении КНДР и предпринял массивные действия, с угрозой применения военной силы действия с намерением ускоренно решить проблему северокорейской ракетно-ядерной угрозы.

Авторы монографии скрупулезно, “пошагово” проанализировали усилия Пхеньяна по созданию и совершенствованию своего ракетно-ядерного потенциала. Рассмотрели причины неудачи шестисторонних переговоров РК, КНДР, России, США, Китая и Японии по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова.

Выйдя из многосторонних переговоров, северокорейское руководство пришло к заключению, что своих целей оно может более успешно добиться, разыгрывая “ядерную карту” непосредственно в переговорах с США, а конкретно – получить американские гарантии безопасности и отмену санкций в обмен на ряд неприципиальных уступок. “Силовая политика” Д. Трампа в отношении КНДР, по сути, предоставила шанс достичь этих целей.

Перипетии движения Ким Чен Ына и Д. Трампа к трем историческим встречам на высшем уровне и договоренностям подробно изложены в монографии. Главными из них стали обещания северокорейской стороны приостановить/“заморозить” ракетно-ядерную программу, а с американской – отказаться от проведения военных маневров на юге Корейского полуострова. В итоге ядерные испытания и пуски МБР Пхеньян приостановил. Однако от ядерного оружия не отказался, и нет каких-либо гарантий, что они не возобновятся, когда северокорейское руководство сочтет это целесообразным. Более того, США фактически признали статус КНДР как ядерной державы.

Саммиты с Д. Трампом повысили международный статус северокорейского лидера, способного на равных вести переговоры с “могущественным президентом” США. В “минусе” для Пхеньяна осталось сохранение жестких антисеверокорейских санкций⁴.

Как подчеркивается в монографии, “ядерная карта” приобрела для пхеньянских политиков почти сакральное значение, и “КНДР будет держаться за ядерное оружие до последнего, во всяком случае, пока не будет полностью уверена в отсутствии враждебных намерений со стороны своих противников и сможет обоснованно рассчитывать на получение действенной помощи развитию страны” (с. 183–184).

На военном параде в Пхеньяне в октябре 2020 г. были продемонстрированы новые типы ракет, в том числе подводного старта, а на партийном съезде в первых числах января 2021 г. Ким Чен Ын пообещал нарастить ядерный оборонительный потенциал страны.

Так возможно ли ядерное разоружение КНДР? Одна из глав монографии называется “Преимущества шестистороннего формата как фундамента системы коллективной безопасности в СВА (Северо-Восточной Азии. – А.П.)”. Именно на основе такого механизма, по мнению авторов, возможно добиться отказа Пхеньяна от ядерного оружия, так как такой отказ “не только является рецептом политико-дипломатического урегулирования проблем безопасности на Корейском полуострове, но и может стать предтечей коллективной безопасности в СВА” (с. 259).

Проблема, однако, в том, что на данный момент только Россия регулярно высказывается за возобновление дискуссий с обновленной повесткой в шестистороннем формате.

Вместе с тем создается впечатление, что сами авторы мало верят в реальность реализации такой

⁴ Панов А.Н. Итоги азиатско-тихоокеанской политики президента Д. Трампа. 2017–2020 гг. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2020, № 11, сс. 24–45; № 12, сс. 26–44.

инициативы. “Надо признать, — указывается в монографии, — что решения проблем региональной безопасности в нынешней парадигме международных отношений не видно” (с. 4). Авторы признают, что их соображения основаны на “идеальном сценарии, который может быть реализован лишь в идеальном мире. Пока же немного надежд на то, что примирение США и КНДР произойдет, да еще на устраивающих всех заинтересованных акторов условиях. А ведь это является неприемлемым условием воплощения в жизнь любых многосторонних схем...” (с. 260).

С учетом изложенных прогнозов нельзя не согласиться с выводом, который авторы полагают закономерным: “достигнутый конфронтационный баланс интересов (на Корейском полуострове. — А.П.), может быть, стал промежуточным и всех устраивающим итогом долгосрочных процессов и установился надолго” (с. 432).

Третий раздел монографии посвящен подробному рассмотрению отношений России с двумя корейскими государствами, а также анализу линии Москвы по проблемам корейского урегулирования.

Российско-южнокорейские связи, охватывающие практически все возможные сферы сотрудничества, не без проблем, но все же вышли на уровень реального стратегического партнерства.

Авторы подчеркивают, что “в южнокорейском политическом истеклишменте сложился консенсус по поводу роли и места России во внешнеполитическом процессе страны. Курс в отношении Москвы не претерпевает особых изменений при переходе власти в руки либералов или консерваторов. Ни одна из основных политических сил Республики Корея не занимает антироссийских позиций” (с. 411). Отметим, что, несмотря на настойчивое давление Вашингтона, Сеул не присоединился к антироссийским санкциям.

Российско-южнокорейское сотрудничество, отмечается в монографии, отвечает взаимным интересам, Россию и РК “сближает искренняя общая заинтересованность в стабильности и мире на полуострове и в регионе, в строительстве добрососедских и взаимовыгодных отношений”. Все это “создает уникальную ситуацию для развития двусторонних связей” (с. 412–413).

Однако авторы не обходят стороной и определенные ограничители в наращивании стратегического партнерства. Среди них отмечены “военный союз Сеула с Вашингтоном и присутствие американских войск в Южной Корее”, а также то, что “для обеих стран развитие отношений не является приоритетной задачей” (с. 412).

Если и Москва, и Сеул до сих пор проявляли стремление оберегать двусторонние связи от не-

гативного воздействия, то российской дипломатии приходилось и приходится прилагать немало усилий для поддержания нормальных отношений с Пхеньяном.

Принципиальная линия России на корейском направлении определена в доктринальных внешнеполитических документах. Она неизменна и направлена на деятельное участие в поисках политического решения ядерной проблемы Корейского полуострова, на достижение примирения и развитие межкорейского сотрудничества, на поддержание конструктивных отношений с КНДР и Республикой Корея. В идеальном виде такой курс предусматривает равноудаленность и сбалансированность отношений с двумя корейскими государствами.

Однако различный уровень политических, не говоря уже об экономических, связей Москвы с Сеулом и Пхеньяном, наличие военно-союзнических договоров у РК с США, а у КНДР с Китаем и отсутствие аналогичных у России вынуждают российскую дипломатию нередко подстраиваться под китайские инициативы, что приводит к дуализму ее подходов. Речь идет, как указывается в монографии, о сочетании попыток, с одной стороны, не противоречить западному курсу на давление и изоляцию КНДР, а с другой — стремиться “к компромиссному дипломатическому решению” (с. 299). Критически анализируя позицию России относительно наращивания санкционного давления на КНДР, авторы отмечают, что хотя российские представители пытались смягчить предлагавшиеся Западом проекты резолюций СБ ООН по КНДР, но в итоге всегда присоединялись к санкциям, и Россия вынуждена их соблюдать. Отсюда следует довольно жесткое заключение, что “политика России в этом вопросе, таким образом, становилась неоправданной ни с точки зрения политической целесообразности, ни сточки зрения этики” (с. 300).

“Противоречивые попытки сбалансировать вовлечение и давление на КНДР — в подражание политике Запада — в итоге, как заключают авторы монографии, привели к ослаблению позиции России на Корейском полуострове. С нашими национальными интересами во многом перестали считаться” (с. 325).

Присоединение России к беспрецедентно жестким санкциям ООН привело к практически свертыванию и без того ограниченных торгово-экономических связей с КНДР. Из-за невозможности проводить финансовые расчеты встала взаимная торговля. Продолжилась лишь гуманитарная помощь, и Россия в 2019–2020 гг. стала крупнейшим страновым донором гуманитарной помощи КНДР.

Можно посчитать данные оценки чрезмерно критическими, однако принципиально негативное

отношение Москвы к санкциям и одновременно их поддержка, а также реактивность российских действий при отсутствии собственных приемлемых для конфликтующих сторон инициатив не позволяют их не учитывать. Напомним, что идея “двойной заморозки” принадлежала Китаю, а Россия ее поддержала.

Рецензировать монографию “Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.)” непросто. Она не только насыщена обильным событийным материалом, но, главное, содержит глубокий, аргументированный ана-

лиз корейской проблематики во всех ее аспектах и предлагает выверенные оценки и реалистичные предложения и прогнозы.

Несомненно, данное исследование заслуживает высокой оценки, оно будет востребовано не только специалистами-корееведами и международниками широкого профиля, но и политиками, представителями деловых кругов и общественности, проявляющими интерес и озабоченность развитием обстановки на Корейском полуострове в непосредственной близости от границ России.

ON ACTUAL RESEARCH OF CONTEMPORARY PROBLEMS OF THE COREAN PENINSULA

[Review of the book: Torkunov A. V., Toloraya G. D., Dyachkov I. V. Contemporary Korea: Metamorphoses of Turbulence Years (2008–2020). Moscow, Prosveshchenie, 2021. 448 p. (In Russ.)]

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 5, pp. 133–138)

Received 12.01.2021.

Alexander N. PANOV (panov.taishi@yandex.ru),

Moscow State Institute of International Affairs (University) of The Ministry for Foreign Affairs of Russia (MGIMO MOFA), 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.

Keywords: KPDR, Republic of Korea, USA, Russia, China, Kim Jong Un, Moon Jae In, D. Tramp, missile-nuclear problem, American–North–Korean negotiations, inter-Korean settlement, Russian–North–Korean relations, Russian–South–Korean relations.

About author:

Alexander N. PANOV, Dr. of Sci. (Political), Professor, Head of the Department.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

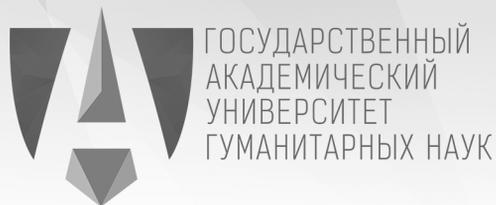
НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

